

ISSN (Print) 2616-6844
ISSN (Online) 2663-1318

Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің

ХАБАРШЫСЫ

ВЕСТНИК

Евразийского национального
университета имени Л.Н. Гумилева

BULLETIN

of L.N. Gumilyov
Eurasian National University

ҚҰҚЫҚ сериясы
LAW Series
Серия ПРАВО

№ 4(129)/2019

1995 жылдан бастап шығады

Founded in 1995

Издается с 1995 года

Жылына 4 рет шығады

Published 4 times a year

Выходит 4 раза в год

Нұр-Сұлтан, 2019

Nur-Sultan, 2019

Нур-Султан, 2019

Бас редакторы
Заң ғылымдарының докторы, профессор
Ибрагимов Ж. И. (Қазақстан)

Бас редактордың орынбасары
Бас редактордың орынбасары

Абдрасулов Е. Б. з.ғ.д., профессор (Қазақстан)
Аничкин Е. С. з.ғ.д., доцент (Ресей)

Редакция алқасы

Абайдельдинов Е.М.	з.ғ.д., проф. (Қазақстан)
Абдилов Қ.С.	PhD (Қазақстан)
Ақпанов А.Н.	з.ғ.д., проф. (Қазақстан)
Амандықова С.К.	з.ғ.д., проф. (Қазақстан)
Бабкина Е.В.	з.ғ.к., доцент (Беларусь)
Баймаханов М.Т.	з.ғ.д., проф., академик (Қазақстан)
Балтабаев К.Ж.	з.ғ.д., проф. (Қазақстан)
Бурибаев Е.А.	з.ғ.д., проф. (Қазақстан)
Бусурманов Ж.Д.	з.ғ.д., проф. (Қазақстан)
Винниченко О.Ю.	з.ғ.д., проф. (Ресей)
Исполинов А.С.	з.ғ.д., проф. (Ресей)
Коняхин В.П.	з.ғ.д., проф. (Ресей)
Коробеев А.И.	з.ғ.д., проф. (Ресей)
Мукашева А.А.	з.ғ.д., проф. (Қазақстан)
Нургалиева Е.Н.	з.ғ.д., проф. (Қазақстан)
Сарсенова С.Н.	з.ғ.к, доцент (Қазақстан)
Тлепина Ш.В.	з.ғ.д., проф. (Қазақстан)
Томас Давулис	з.ғ.д., проф. (Литва)
Рейн Мюллерсон	з.ғ.д., проф. (Эстония)
Трунк А.	з.ғ.д., проф. (Германия)
Хасенов М.Х.	PhD (Қазақстан)
Турлуковский Я.	з.ғ.д., проф. (Польша)

*Жауапты редактор, компьютерде беттеген: **Қ.Ж. Жұмабекова***

Редакцияның мекенжайы: 010008, Қазақстан, Нұр-Сұлтан қ., Қ.Сәтбаев к-сі, 2, 402 б.
Тел.: +7(7172) 709-500 (ішкі 31-457)

E-mail: vest_law@enu.kz

Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің Хабаршысы. Құқық сериясы
Меншіктенуші: ҚР БжҒМ «Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті» ШЖҚ РМК
27.03.18 ж. № 16992-Ж-тіркеу куәлігімен Қазақстан Республикасының Ақпарат және коммуникациялар министрлігімен тіркелген.
Мерзімділігі: жылына 4 рет.
Тиражы: 20 дана
Типографияның мекенжайы: 010008, Қазақстан, Нұр-Сұлтан қ., Қажымұқан к-сі, 13/1,
тел.: +7(7172)709-500 (ішкі 31-457)

© **Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті**

Editor-in-Chief

Doctor of Juridical Sciences, Professor
Ibragimov Zh.I. (Kazakhstan)

Deputy Editor-in-Chief **Abdrassulov E.B.** Doctor of Juridical Sciences, Prof. (Kazakhstan)
Deputy Editor-in-Chief **Anichkin E.S.** Doctor of Juridical Sciences, Assoc.Prof., (Russia)

Editorial board

Abaydeldinov E.M.	Doctor of Juridical Sciences, Prof. (Kazakhstan)
Abdilov K.S.	PhD (Kazakhstan)
Akhpanov A.H.	Doctor of Juridical Sciences, Prof. (Kazakhstan)
Amandykova S.K.	Doctor of Juridical Sciences, Prof. (Kazakhstan)
Babkina E.V.	Can. of Juridical Sciences, Assoc.Prof. (Belarus)
Baymakhanov M.T.	Doctor of Juridical Sciences, Prof., Academician (Kazakhstan)
Baltabayev K.Zh.	Doctor of Juridical Sciences, Prof. (Kazakhstan)
Buribaev E.A.	Doctor of Juridical Sciences, Prof. (Kazakhstan)
Busurmanov Zh.D.	Doctor of Juridical Sciences, Prof. (Kazakhstan)
Vinnichenko O.Yu.	Doctor of Juridical Sciences, Prof. (Russia)
Ispolinov A.S.	Doctor of Juridical Sciences, Prof. (Russia)
Konyakhin V.P.	Doctor of Juridical Sciences, Prof. (Russia)
Korobeyev A.I.	Doctor of Juridical Sciences, Prof. (Russia)
Mukasheva A.A.	Doctor of Juridical Sciences, Prof. (Kazakhstan)
Nurgaliyeva E.N.	Doctor of Juridical Sciences, Prof. (Kazakhstan)
Sarsenova S.N.	Can. of Juridical Sciences, Assoc.Prof. (Kazakhstan)
Tlepina Sh.V.	Doctor of Juridical Sciences, Prof. (Kazakhstan)
Tomas Davulis	Doctor of Juridical Sciences, Prof. (Lithuania)
Rain Mullerson	Doctor of Juridical Sciences, Prof. (Estonia)
Trunk A.	Doctor of Juridical Sciences, Prof. (Germany)
Khasenov M. Kh.	PhD (Kazakhstan)
Turlukovsky Ya.	Doctor of Juridical Sciences, Prof. (Poland)

Responsible secretary, computer layout: **K.Zh. Zhumabekova**

Editorial address: 2, K.Satpayev str., of.402, Nur-Sultan, Kazakhstan, 010008
Tel.: +7(7172) 709-500 (ext. 31-457)

E-mail: vest_law@enu.kz

Bulletin of the L.N.Gumilyov Eurasian National University. Law Series

Owner: Republican State Enterprise in the capacity of economic conduct «L.N.Gumilyov Eurasian National University» Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan
Registered by Ministry of information and communication of Republic of Kazakhstan.
Registration certificate No. 16992-Ж from 27.03.2018
Periodicity: 4 times a year
Circulation: 20 copies
Address of printing house: 13/1 Kazhymukan str., Nur-Sultan, Kazakhstan 010008;
tel.: +7(7172) 709-500 (ext.31-457)

© L.N. Gumilyov Eurasian National University

Главный редактор
Доктор юридических наук, профессор
Ибрагимов Ж. И. (Казахстан)

Зам. главного редактора
Зам. главного редактора

Абдрасулов Е. Б. д.юр.н., проф. (Казахстан)
Аничкин Е. С. д.юр.н., доцент (Россия)

Редакционная коллегия

Абайдельдинов Е.М.	д.юр.н., проф. (Казахстан)
Абдилов К.С.	PhD (Казахстан)
Ахпанов А.Н.	д.юр.н., проф. (Казахстан)
Амандыкова С.К.	д.юр.н., проф. (Казахстан)
Бабкина Е.В.	к.юр.н., доцент (Белоруссия)
Баймаханов М.Т.	д.юр.н., проф., академик (Казахстан)
Балтабаев К.Ж.	д.юр.н., проф. (Казахстан)
Бурибаев Е.А.	д.юр.н., проф. (Казахстан)
Бусурманов Ж.Д.	д.юр.н., проф. (Казахстан)
Винниченко О.Ю.	д.юр.н., проф (Россия)
Исполинов А.С.	д.юр.н., проф. (Россия)
Коняхин В.П.	д.юр.н., проф. (Россия)
Коробеев А.И.	д.юр.н., проф. (Россия)
Мукашева А.А.	д.юр.н., проф. (Казахстан)
Нургалиева Е.Н.	д.юр.н., проф. (Казахстан)
Сарсенова С.Н.	к.юр.н., доцент (Казахстан)
Тлепина Ш.В.	д.юр.н., проф. (Казахстан)
Томас Давулис	д.юр.н., проф. (Литва)
Рейн Мюллерсон	д.юр.н., проф. (Эстония)
Трунк А.	д.юр.н., проф. (Германия)
Хасенов М.Х.	PhD (Казахстан)
Турлуковский Я.	д.юр.н., проф. (Польша)

Ответственный редактор, компьютерная верстка: К.Ж. Жумабекова

Адрес редакции: 010008, Казахстан, г. Нур-Султан, ул. К.Сатпаева, 2, каб. 402
Тел.: +7(7172) 709-500 (вн. 31-457)
E-mail: vest_law@enu.kz

Вестник Евразийского национального университета имени Л.Н.Гумилева. Серия: Право
Собственник: РГП на ПХВ «Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева» МОН РК
Зарегистрирован Министерством информации и коммуникаций Республики Казахстан.
Регистрационное свидетельство № 16992-Ж от 27.03.18 г.
Периодичность: 4 раза в год
Тираж: 20 экземпляров
Адрес типографии: 010008, Казахстан, г. Нур-Султан, ул. Кажымукана, 13/1,
тел.: +7 (7172) 709-500 (вн.31-457)

Мазмұны

Мемлекет және құқық теориясы, конституциялық құқық

<i>Әмірханова И.Қ., Майшекина Э.С.</i> Қазақстан Республикасында ішкі көші-қон мәселелерін құқықтық бағалау	8
<i>Есетова С., Бондаренко Е., Құрманғали М., Крылов Р.</i> Қазақстандағы қорғауды талап ететін топтарға қатысты жергілікті мемлекеттік басқару мен өзін-өзі басқарудың ерекшеліктерін зерттеу қажеттілігі туралы	17
<i>Жусупов А.Д., Карыбаев С.К.</i> Еуразиялық экономикалық одақтағы Қазақстан Республикасының қаржы-кредит саясатының құқықтық негізі	26
<i>Каматова Д.М.</i> Қоғамдық мүдделер компаниялардың табиғаты: жалпы шолу	33
<i>Майқанов А.С.</i> Терроризмді қаржыландыруға қарсы іс-қимыл саласындағы Қазақстан Республикасының халықаралық ынтымақтастығы	43
<i>Энхцецег Сухбаатар</i> Дүниежүзілік елдердің мәселелеріне конституционалдық шолу	51

Қылмыстық және қылмыстық-процессуалдық құқық

<i>Нұрлұмбаева Л.Е.</i> Қылмыстық істер бойынша бұйрық өндірісі институтының рецептісі мәселелері	58
<i>Ищанова Г.Т., Қалиева Г.С.</i> Халықаралық терроризм қазіргі заманның жаһандық проблемасы ретінде	64

Азаматтық құқық

<i>Нурмагамбетов А.А., Нурмагамбетов А.М.</i> Рейдерлікке қарсы азаматтық-құқықтық шара қолданудың кейбір мәселелері	76
--	----

Еңбек құқығы

<i>Исаева А.Ж., Айтимов Б.Ж.</i> Еңбек дауларын сотта қарау тәртібін құқықтық реттеу	85
<i>Мырзаханова М.Н., Жукова З.Б., Товсултанова Л.И., Мирошникова О.В.</i> ЕАЭО елдерінде жеке еңбек дауларын қарау ерекшеліктері	97
<i>Рахимова Ә.М.</i> Әлеуметтік серіктестік және еңбек даулары: механизмдер мен іске асырылуы	103

Халықаралық құқық

<i>Акишлова Р.Д., Әбдірайым Б.Ж., Солнцев А.М.</i> Жаңартылатын энергия көздерін қолдануды қолдау мәселелері бойынша Дүниежүзілік сауда ұйымы Дауларды шешу бойынша органының тәжірибесі	112
<i>Ибрагимов Ж.И., Асанова Т.С.</i> Халықаралық босқындар құқығы - халықаралық адам құқығының ішкі жиынтығы	131
<i>Тлепина Ш.В.</i> Ежелгі Үндістанда халықаралық құқық қалыптасуының бастауы	146

Contents

The theory of the state and the law, the constitutional law

- Amerkhanova I.K., Mayshekina E.S.* Legal assesment of the problems of internal migration in the Republic of Kazakhstan 8
- Yessetova S., Bondarenko O., Kurmangali M., Krilov R.* On the need to study the characteristics of local government and self-government in relation to vulnerable groups in Kazakhstan 17
- Zhusupov A.D., Karybayev S.K.* The legal basis of the financial and credit policy of the Republic of Kazakhstan in the Eurasian Economic Union 26
- Kamatova D.M.* An overview on the nature of community interest companies 33
- Maikanov A.S.* International cooperation of the Republic of Kazakhstan in countering the financing of terrorism 43
- Enkhtsetseg Sukhbaatar* The constitutional review in the worldwide countries, issues of development and improvement 51

Criminal and criminal procedural law

- Nurlumbayeva L.Ye.* Reception issues of the institute of writ proceedings on criminal cases 58
- Ichshanova G.T., Kalieva G.S.* International Terrorism as a global problem nowadays 64

Civil law

- Nurmagambetov A.A., Nurmagambetov A.M.* Some issues of civil law counteraction to raiding in the field of entrepreneurship 76

Labor law

- Issayeva A.Zh., Aitimov B.Zh.* Legal regulation of the procedure for consideration of labor disputes in court 85
- Myrzakhanova M.N., Zhukova Z.B., Tovsultanova L.I., Miroshnikova O.V.* Features of the consideration of individual labor disputes in the EAEU countries 97
- Rakhimova A.M.* Social partnership and labor disputes: mechanisms and realization 103

International law

- Akshalova R.D., Abdiraiym B.Zh., Solntsev A.M.* Practice of World Trade Organization Dispute Settlement Body (WTO DSB) on the issues of the support of the use of renewable energy sources 112
- Ibragimov Zh. I., Assanova T.S.* International law of refugees - a subset of international human rights law 131
- Tlepina Sh.V.* The origins of the formation of international law in Ancient India 146

Содержание

Теория государства и права, конституционное право

<i>Амерханова И.К., Майшекина Э.С.</i> Правовая оценка проблем внутренней миграции в Республике Казахстан	8
<i>Есетова С., Бондаренко Е., Курмангали М., Крылов Р.</i> К вопросу о необходимости исследования особенностей местного государственного управления и самоуправления в отношении уязвимых групп в Казахстане	17
<i>Жусупов А.Д., Карыбаев С.К.</i> Правовая основа финансово-кредитной политики Республики Казахстан в Евразийском Экономическом Союзе	26
<i>Каматова Д.М.</i> О природе компаний общественных интересов: общий обзор	33
<i>Майканов А.С.</i> Противодействие финансированию терроризма: национальный и международный опыт	43
<i>Энхцэцэг Сухбаатар</i> Конституционный обзор в мировых странах, вопросы развития и улучшения	51

Уголовное и уголовно-процессуальное право

<i>Нурлумбаева Л.Е.</i> Вопросы рецепции института приказного производства по уголовным делам	58
<i>Ищанова Г.Т., Калиева Г.С.</i> Международный терроризм как глобальная проблема современности	64

Гражданское право

<i>Нурмагамбетов А.А., Нурмагамбетов А.М.</i> Некоторые вопросы гражданско-правового противодействия рейдерству в сфере предпринимательства	76
---	----

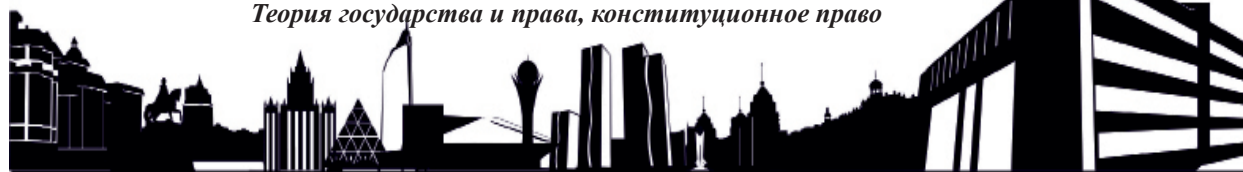
Трудовое право

<i>Исаева А.Ж., Айтимов Б.Ж.</i> Правовое регулирование порядка рассмотрения трудовых споров в суде	85
<i>Мырзаханова М.Н., Жукова З.Б., Товсултанова Л.И., Мирошникова О.В.</i> Некоторые аспекты рассмотрения индивидуальных трудовых споров в странах ЕАЭС	97
<i>Рахимова А.М.</i> Социальное партнерство и трудовые споры: механизмы и реализация	103

Международное право

<i>Акшалова Р.Д., Эбдірайым Б.Ж., Солнцев А.М.</i> Практика Органа по разрешению споров Всемирной торговой организации (ОРС ВТО) по вопросам поддержки использования возобновляемых источников энергии	112
<i>Ибрагимов Ж.И., Асанова Т.С.</i> Международное право беженцев - подмножество международного права по правам человека	131
<i>Тлепина Ш.В.</i> Истоки становления международного права в Древней Индии	146

Мемлекет және құқық теориясы, конституциялық құқық
The theory of the state and the law, the constitutional law
Теория государства и права, конституционное право

МРНТИ 10.07.31

И.К.Амерханова, Э.С.Майшекина

*Казахский гуманитарно-юридический инновационный университет, Семей,
Казахстан*

(E-mail: indira_amirhanova@mail.ru, eldana_18@mail.ru)

Правовая оценка проблем внутренней миграции в Республике Казахстане

Аннотация. Миграция является одним из важных вопросов современного мира, так как она оказывает воздействие на все черты жизни мирового сообщества, приводит к прогрессу восприятия общечеловеческих ценностей и правил поведения в социуме. Миграционные процессы наращивают скорости вместе с развитием техники и науки. Во всех странах, в том числе и в Казахстане, увеличивается как внешняя, так и внутренняя миграция.

В данной статье рассматриваются проблемы внутренней миграции в Казахстане. Изучены внутренние миграционные процессы в Республике Казахстан, определены основные аспекты влияния миграции на процессы общественной жизни, обозначены принципы политики государства в области миграции. Также уделено внимание основным аспектам нормативно-правового регулирования миграции, и актуальным проблемам внутренней миграции, которая характеризуется в основном интенсивными депортациями из неблагоприятных регионов в районы с более благоприятной экономической ситуацией.

Ключевые слова: миграция, внешняя миграция, внутренняя миграция, миграционные процессы, источники миграционного права.

DOI: <https://doi.org/10.32523/2616-6844-2019-129-4-8-16>

Внутренняя миграция приводит к перераспределению населения и трудовых ресурсов, оказывая влияние на трудовые рынки. В последнее время миграционные процессы приобрели значительный размах. В нынешних условиях миграционная политика определяет четкие задачи. Во-первых, сохранение национальной истории и самобытности. Во-вторых, учет культурных, социальных и экономических факторов. Республика Казахстан занимает 9-е место в мире по территории, при этом данная территория является малоосвоенной и слабозаселенной. В Казахстане плотность населения - одна из самых низких: менее 6 человек на квадратный километр. Большинство миграционных процессов в Казахстане определялось государством и носило вынужденный характер.

Коллективизация, этноцид, депортация, эвакуация, освоение целины - все эти миграционные процессы, происходившие в Советском Казахстане, оказали огромное влияние на формирование социальной и этнической структуры населения страны. Проблема миграции приобретает все большую социально-политическую актуальность, и ее последствия, к сожалению, чаще всего носят отрицательный характер [1].

Причинами внутренних миграций является повышение уровня жизни, поиск работы и изменение образа жизни. Внутренняя миграция особенно распространена в странах с

обширными территориями, разнообразными природно-климатическими и экономическими условиями. В государствах с большой территорией значительное место занимают сезонные миграции рабочей силы: для выполнения сезонных и сельскохозяйственных работ, временное перемещение рабочей силы в сельскую местность, временное сезонное перемещение в город из сельской местности. К сожалению, ежегодные показатели внутренней миграции составляют около 300 тысяч мигрантов, а внешней – до 1 млн. мигрантов. Массовые миграции сопровождаются серьезными потерями квалифицированных работников и чреваты серьезными последствиями для страны. Разрушается баланс профессий, социальная структура общества, в разы уменьшаются размеры диаспор. Это тысячи искалеченных судеб, разделенных семей, вынужденных сделать нелегкий выбор. Миграционные процессы в Центральной Азии похожи, урбанизация создает магнит притяжения: из села (аула) люди уезжают в город в поисках хорошей работы. Внутреннюю миграцию необходимо регулировать.

Если этот процесс не контролировать, то проблемы с внутренними мигрантами, возможно, спровоцируют создание маргинальной среды. Когда мегаполис растет, возникает угроза для развития и стабильности. У наших соседей в России и Китае проблема миграции актуальна. Если для Российской Федерации, которая восполняет дефицит трудовых ресурсов, более актуальна проблема внешней трудовой миграции, то для Республики Казахстан более важной является внутренняя миграция, которая практически не регулируется и нарастает как снежный ком [2].

В Казахстане на сегодняшний день учет внутренних мигрантов проводится органами МВД РК.

К сожалению, как показал опрос мигрантов, больше половины из них живет без прописки и регистрации. Конечно, государственные программы, подзаконные акты, нормативные акты, нормативная база миграционного законодательства имеются, но они в основном акцент делают на внешнюю миграцию, оставляя, таким образом, проблему внутренней миграции фактически не регулируемой.

Основной причиной внутреннего перемещения населения является неблагоприятная социально-экономическая ситуация в местах прежнего проживания – отсутствие работы, отдаленность от городов, отсутствие соответствующей инфраструктуры населенного пункта. [3,5 стр.].

Анализ существующей законодательной базы в Республике Казахстан дает все основания отметить, что в нашей стране отсутствует единая, последовательная, научно обоснованная и взвешенная государственная миграционная политика. Необходимо контролировать и регулировать миграционные потоки, преодолевать негативные последствия стихийно развивающихся процессов миграции, создавать хорошие условия для беспрепятственной реализации прав и свобод мигрантов. Миграционная политика должна регулироваться не только государством, общественные организации тоже должны быть активны в разрешении проблем внутренних мигрантов.

В последнее время мировые миграционные процессы приобрели значительный размах. В ряду таких стран находится и Республика Казахстан. Миграционная политика нашей страны направлена на реализацию прав и свобод мигрантов, и конечно же, миграция в нашей стране имеет свои специфические особенности.

Миграционные процессы явление сложное и многогранное. Любая миграция испытает противоречивое воздействие и отражает сложность переживаемого периода. Мигранту приходится кардинально менять стиль жизни.

В Казахстане миграции подвержены прежде всего областные центры, более 20 городов с населением свыше 100 тыс. человек. Конечно, необходимо в перспективе уделять внимание урбанизации Казахстана и рационализации территориальной структуры рассе-

ления. Возможно, решение этих проблем позволит достичь более рациональных территориальных пропорций экономических районов и областных центров.

Разумная миграционная мобильность населения способствует ускорению развития производительных сил, обеспечивая активное участие граждан в решении государственных дел. Одной из наиболее острых проблем в процессе миграции населения и экономического кризиса стала безработица. На сегодняшний день в Казахстане проблема безработных еще не решена. Социологические исследования показывают, что около 30% казахстанской молодежи в возрасте до 25 лет не удовлетворены условиями жизни и труда. В Казахстане предотвратить безработицу можно путем проведения комплексных реформ в миграционной политике.

Статистика численности населения в Республике Казахстан показывает стремительные перегибы. В южных областях Казахстана, без учета южной столицы, проживает порядка 40% населения. При этом вклад этой доли в ВВП Казахстана не превышает и 17%, тогда как в северных регионах на 29% населения приходится 25% валового регионального продукта. Подобный демографический дисбаланс в стране может увеличиться. Если не принимать никаких мер, то население южных регионов вырастет. Также имеются дисбалансы производительности труда. В южных областях Казахстана с наивысшей концентрацией населения - самая низкая производительность, в северных областях производительность выше. В ближайшее время будет наблюдаться замедление притока новых работников. Это последствия демографического кризиса 90-х годов прошлого столетия и связанное с этим прекращение предложений на рынке труда. Регулировать внутреннюю и внешнюю миграцию необходимо, обеспечивая системность миграционной политики, необходимо улучшить демографическую и экономическую сбалансированность регионов, сформировать открытый рынок квалифицированных специалистов[4,9 стр.].

Миграционные процессы в Казахстане носят весьма противоречивый характер. Миграция – естественное явление, и она связана не только с экономической обстановкой в стране. Развитие новых технологий коммуникаций, средств связи, открытие границ, зачастую служат причинами глобального передвижения населения. Миграционные процессы в Казахстане формируются под влиянием множества факторов, стимулирующих переезд населения как за рубеж, так и в пределах страны. В последние годы процессы внутренней миграции увеличились. Подвижность населения внутри регионов является более высокой, чем между регионами. Два крупных города - Нур-Султан и Алматы - являются центрами притяжения внутренней миграции, на которые приходится почти половина всего притока внутренних мигрантов. Значительные масштабы приобретает внутренняя межрегиональная трудовая миграция: «село-город», депрессивный район – перспективный регион. Внутренняя миграция значительно превышает внешнюю миграцию. Мигрантами становятся в поисках лучшей доли, работы, условий жизни.

Формула внутренней миграции не отличается особым своеобразием и характерна для многих государств. Если государство не будет решать проблемы внутренних мигрантов, то получит дестабилизирующую и противоречивую категорию граждан – маргиналов. Внутреннюю миграцию можно регулировать, необходимо создать механизмы по социализации внутренних мигрантов в городах. Во многих странах, одной из важных проблем является внутренняя миграция. Мегаполис растущих стран создает угрозу и серьезный вызов сохранению стабильности в стране [5].

Миграционные процессы – феномен на всех стадиях развития человечества. Миграция является одним из способов реагирования населения на изменение и улучшение жизненной ситуации. Конечно, в Казахстане большинство миграций имело вынужденный характер. Основными причинами внутренней миграции является следующие:

- Общее беспокойство за будущее своих детей и родных;

- Опасения, связанные с ухудшением экономической ситуации в стране;
- Поиск более оплачиваемой работы;
- Повышение уровня жизни;
- Ухудшение экологической обстановки.

В последнее время в миграции населения появились и положительные признаки: восстановление направления сельско-городских миграций, усиление влияний экономических фактов. Возможно, данная стабилизация очень хрупкая, но все-таки миграционные процессы находятся под контролем. Неудачные экономические реформы могут превратить Казахстан в перевалочный пункт (транзитное) государство, в котором человек будет искать выход в потоке вынужденной миграции. Необходима взвешенная (системная) миграционная политика. Необходимо совершенствовать законодательную базу в области миграции.

В Казахстане можно выделить множество и других форм миграции:

- Экономические;
- Экологические;
- Социальные;
- Трудовые;
- Сезонные;
- Этнические;
- Нелегальные и другие формы.

Стабилизация миграционных процессов в Казахстане должна включать комплекс политических, организационных, финансовых, экономических мер в области миграции. Казахстану необходима единая, научно обоснованная, взвешенная и последовательная государственная миграционная политика. Необходимо тщательно, детально, скрупулезно регулировать миграционные процессы, преодолевать негативные последствия миграции, создать условия для реализации прав мигрантов.

Во внутренней миграции в Казахстане участвовало население всех областей. Как всегда притягательны для внутренних мигрантов Северная и Южная столицы. Миграция наглядно и точно отражает перемены, происходящие в жизни общества, является одним из важных способов массового реагирования населения на изменение жизненной ситуации. Миграционные процессы отличаются не только массовостью, но и болезненностью, напряженностью для самих мигрантов. Это разлука с родными, перемена мест проживания, то есть нелегкий выбор.

Миграционные процессы определяются под влиянием различных факторов. В современном мире мигранты рассматриваются как товар, а миграция – как естественный процесс, а не угроза. Каждому человеку хочется жить хорошо, достойно, в мирных условиях. Мигрант ради экономического выживания готов мириться со многим. Трудовая миграция полезна, когда экономика растет, когда экономика сокращается, она вредна. Массовый переезд из сельской местности в города оказывает серьезное влияние на социальную и демографическую картину [6,21 стр.].

К сожалению, внутренняя миграция увеличивается. В первом полугодии 2019 года в пределах страны переехали более полумиллиона сограждан, из них около 65% передвигались в пределах одной и той же области. Чаще всего люди направляются в крупные города. В селах демографическая картина ухудшается. Зато в крупных городах увеличивается. Процессы внутренней миграции необходимо упорядочить, необходимо принять следующие шаги:

- создать и развивать программы повышения качества образования;
- упростить порядок регистрации;
- развивать пригородные территории крупных городов (Алматы, Нур-Султан);
- решать проблемы адаптации мигрантов в крупных городах;

- внесение изменений в нормативную базу процедуры трудоустройства.

Адаптация очень важна. Относительно проблем психологической адаптации внутренних мигрантов, отношение коренных жителей к приезжим – барометр влияния социума к мигрантам.

В последнее время миграционные процессы приобрели значительный размах. Миграционные процессы влияют на государственную безопасность, общественное согласие, экономическую и демографическую ситуацию в стране. Миграционная политика - это составная часть государственной политики. Внутренняя миграция характеризуется следующими процессами:

- отток населения из села в результате упадка аграрного сектора;
- экологические причины;
- отъезд людей из малых городов из-за остановки градообразующих предприятий и перерабатывающих комплексов.

Цель миграционной политики – создание условий для реализации прав мигрантов, укрепление государственной безопасности и управление миграционными процессами.

Конечно, что касается внутренней миграции, поток идет из сельской местности в крупные города. И тут с проблемами сталкивается не только вчерашние сельчане, но и сами горожане. Благодаря трудовой миграции люди получают возможность поддерживать благосостояние своих семей. Внутренняя миграция продолжает нарастать – в начале 2019 года она составила 222963 человека, в то время как в первом квартале 2018 года этот показатель составлял 197951 человек. Мы видим, что численность мигрантов, переезжающих в пределах страны, увеличилась на 14,1%. По межрегиональным перемещениям положительное сальдо миграции населения сложилось в трех регионах страны: Мангистауской области и городах Нур-Султан и Алматы [7].

Казалось бы, внутренняя миграция существенно ничем не отличается от подобных процессов в других странах. Но все же ей присущи некоторые особенности:

- Внутренняя миграция влияет на развитие городов и регионов;
- Урбанизация создает центры притяжения;
- Миграция (внутренняя) естественный экономический процесс.

Инерция процесса внутренней миграции будет сохраняться, процесс внутренней миграции остановить невозможно, так как это закономерный процесс. Внутренняя миграция населения Республики Казахстана экономически обоснована вследствие переменности, обусловленной целым комплексом проблем в социально-экономическом развитии регионов страны. Причины внутренней миграции очевидны, они связаны с упадком сельских территорий и сельского хозяйства. При разрешении проблем надо понимать, что внутренние мигранты – это основа будущей городской культуры.

Новая активно формируемая казахоязычная среда в перспективе способна оказать кардинальное влияние на экономическую, политическую, социальную сферы общества и изменить облик городов Казахстана. Миграционный процесс связан как с негативными, так с позитивными факторами. В Казахстане необходимо разработать законодательную базу, направленную на улучшение социально-экономического положения сельских регионов Казахстана. Для того чтобы снять остроту проблем, стоящих перед внутренними мигрантами, необходимо принять нормативную базу, направленную на поддержку самого процесса внутренней миграции.

Основные факторы внутренней миграции – социальные и экономические. В перспективе масштабная миграция из села в город неизбежна. Люди стремятся получить доступ к образовательным, социальным и иным ресурсам, одним словом, к лучшей жизни. Если говорить о факторе конфликтного потенциала неуправляемой внутренней миграции – это проявление ценностных и статусных противоречий. У внутренних мигрантов в городах

отсутствует реальный и формальный статус горожан, да и образ жизни, стереотипы поведения, ценности в разы отличаются от «коренного» городского населения. Если не решается вопрос правового статуса внутренних мигрантов, отсутствует системная целенаправленная миграционная политика городских властей, проблемы самовольно возведенных ими жилых строений, социального обустройство поселков мигрантов – все это может привести к конфликтам. Необходимо снизить конфликтный потенциал неуправляемой внутренней миграции путем внедрения практики временной регистрации внутренних мигрантов, проведения амнистии и легализации жилья в проблемных поселениях мигрантов. Необходимо в кратчайшие сроки принять закон «О внутренней миграции населения» и обязательно согласовать программы развития городов областных центров и областей, нужно внутреннюю миграцию рассматривать в позитивном ключе. Миграция – признак казахстанской урбанизации. Мигранты – это граждане нашей страны, люди, стремящиеся к лучшему, они хотят адаптироваться на новом месте, достичь успеха. Конечно, есть сложности, человек переезжает в город, возможно, при переезде в город ломаются культурный рост и те ценности, на которых человек вырос. И внутреннему мигранту приходится переходить на новые ценности, город никого не защищает, то есть «Москва слезам не верит», никаких институтов адаптации нет. Пока миграционные (внутренние) процессы неуправляемы. Люди уезжают из деревень, сел, аулов, маленьких городов, так как в населенных пунктах масса проблем социально-экономического характера: безработица, качество здравоохранения и образования хуже чем в городе, слабая социально-культурная инфраструктура [8].

Люди уезжают от безвыходности, нет работы на селе. Уезжают, но часто и в городе не все могут себя реализовать. Человек теряет одни ценности, но и не приобретает другие. Сельское хозяйство многие годы находится в упадке. Как индустрия не развит агропромышленный комплекс. Имеют место анти-конкурентные действия. Сельский человеческий капитал менее конкурентоспособен. Развитие АПК способствует тому, что будет меньшее количество мигрантов из села. Конечно, это, позволит прежде всего обеспечить сельчан работой и будет способствовать развитию сельских населенных пунктов. Программы по миграции есть, но они разрознены, нет конкретного государственного органа, ответственного за внутреннюю миграцию, нет комплексной сбалансированной работы. В Казахстане назрела необходимость принятия нового закона «О внутренней миграции населения». Этот закон позволит внедрить практику временной прописки (регистрации) внутренних мигрантов по месту работы, системно разрешить задачи по трудоустройству высвобождаемого сельского населения в города.

Разработка закона может проводиться синхронно с индустриальной, энергетической, научно-технической, транспортной политикой государства. Источником миграционного права является Закон «О миграции населения». Республика Казахстан регулирует миграционные процессы, но данного Закона недостаточно, он не рассматривает все аспекты. Закон в области миграции населения регулирует общественные отношения, определяет социальные, экономические и правовые основы миграционных процессов [9].

Анализ (правовая оценка) существующей законодательной базы в Республике Казахстан дает все основания заключить, что к сожалению, в стране пока отсутствует единая, взвешенная и последовательная миграционная политика. Пока Закон «О миграции населения» регулирует только вопросы внешней миграции. Казахстан должен оградить себя от нелегальной миграции и от негативных социальных последствий.

Стабилизация миграционных процессов в целом возможна лишь в контексте экономических и политических реформ, повышения условий и качества жизни и соблюдения прав человека.

Список литературы

- 1 Денисенко М.Б. Северная миграция в России: исторические тенденции, факторы, последствия // Abstracts, VI World Congress for Central and East European Studies. 29 July – 3 August 2000. – С. 8-15.
- 2 Иванова Т.Д., Казакова Л.Н., Моисеенко В.М. Миграция как фактор формирования народонаселения Москвы // Урбанизация и демографические процессы / Под ред. Б.С. Хоррева и Г.П. Киселевой. - М.: Финансы и статистика, 1982. – С. 245.
- 3 Рыбаковский Л.Л. Миграция народонаселения: прогнозы, факторы, направление. Москва 2010. – С. 70.
- 4 Стабилизация численности народонаселения России (возможности и направления демографической политики). Под общ. ред. Кареловой Г.И., Рыбаковского Л.Л. Изд-во Центра социального прогнозирования. - М.: 2001. – С.74.
- 5 Воробьева О.Д., Парфенцева О.А. Миграция народонаселения: теория, практика: Учебное пособие. - Москва, 2013. – С. 255.
- 6 Билсборроу Р.Е., Хьюго Г., Обераи А.С., Злотник Х. Статистика международной миграции: рекомендации по совершенствованию систем сбора данных. Пер. с англ. Федик В.В. – М.: «Академия», 1999. – С.420.
- 7 Миграция населения // Агентство по статистике Республики Казахстан [Электрон. ресурс]. - URL: www.stat.kz. (Дата обращения: 11.11.2019)
- 8 Галуза Е.В., Денисова Г.С., Кашуба Ю.А. и др. Миграционные процессы в современной России: Учебное пособие. – Ростов: ООО «Терра», 2004. – С. 244.
- 9 Закон О миграции населения Республики Казахстан от 22 июля 2011 года. [Электрон.ресурс]. - URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31038298 (Дата обращения 01 ноября 2019.)

И.Қ. Әмірханова, Э.С. Майшекина

Қазақ инновациялық гуманитарлық-заң университеті, Семей, Қазақстан

Қазақстан Республикасында ішкі көші-қон мәселелерін құқықтық бағалау

Аңдатпа. Көші-қон қазіргі әлемнің маңызды мәселелерінің бірі болып табылады, ол әлемдік қоғамдастық өмірдің барлық ерекшеліктеріне әсер етеді, қоғамдағы жалпыадамзаттық құндылықтар мен мінез-құлық ережелерін қабылдауда ілгерілеуге жол ашады. Көші-қон үрдістері технология мен ғылымның дамуы сияқты бірге артып отырады. Барлық елдерде, оның ішінде Қазақстанда да сыртқы және ішкі көші-қон үнемі даму үстінде.

Аталмыш мақалада Қазақстан Республикасындағы ішкі көші-қон үрдісі қарастырылып, көші-қонның қоғамдық өмір процестеріне әсері, негізгі аспектілері және көші-қон саласындағы мемлекеттік саясаттың қағидалары талданған. Сонымен қатар, мақалада көші-қоның нормативтік-құқықтық реттелуінің негізгі аспектілері мен өзекті мәселелері соның ішінде экономикалық жағынан қолайсыз аймақтардан қолайлы аймақтарға қарқынды депортациалануы көрсетілген. Мақалада Қазақстанның ішкі көші-қон проблемалары қарастырылған.

Түйін сөздер: көші-қон, сыртқы көші-қон, ішкі көші-қон, көші-қон үрдістері, көші-қон қайнар көздері.

I.K. Amerkhanova, E.S. Mayshekina

Kazakh Humanitarian Law Innovative University, Semey, Kazakhstan

Legal assesment of the problems of internal migration in the Republic of Kazakhstan

Abstract. Migration is one of the most important problems of the modern world, since migration has an impact on all the features of the life of the world community, leads to progress in the perception of universal values and rules of behavior in society. Migration processes increase speed along with the development of technology and science. In all countries, including Kazakhstan, both external and internal migration are increasing.

This article discusses internal migration processes in the Republic of Kazakhstan, identifies the main aspects of the impact of migration on the processes of public life, and outlines the principles of state policy in the field of migration. The article also considers the main aspects of the legal regulation of migration, and the actual problems of internal migration, which is characterized mainly by intensive deportations from disadvantaged regions to areas with a more favorable economic situation. The article considers the problems of internal migration in Kazakhstan.

Keywords: migration, external migration, internal migration, migration processes, sources of migration law

References

- 1 Denisenko M.B. Northern migration in Russia: historical trends, factors, consequences [Northern migration in Russia: historical trends, factors, consequences], Abstracts, VI World Congress for Central and East European Studies. 2000. July 29 - August 3, 8-15. [in Russian]
- 2 Ivanova T.D., Kazakova L.N., Moiseenko V.M. Migracija kak faktor formirovanija narodonaselenija Moskvy [Migration as a factor in the formation of the population of Moscow], Urbanizacija i demograficheskie processy [Urbanization and demographic processes], Ed. B.S. Khoreva and G.P. Kiseleva. (Finance and statistics, Moscow, 1982, 245 p). [in Russian]
- 3 Rybakovsky L. L. Migracija narodonaselenija: prognozy, factory, napravlenie [Population migration: forecasts, factors, direction] (Moscow, 2010, 70 p). [in Russian]
- 4 Stabilizacija chislennosti narodonaselenija Rossii (vozmozhnosti i napravlenija demograficheskoj politiki) [Stabilization of the population of Russia (opportunities and directions of demographic policy)]. Under the total. ed. Karelova G.I., Rybakovsky L.L. Publishing house of the Center for Social Forecasting (Moscow, 2001, 74 p). [in Russian]
- 5 Vorobyova O.D., Parfentseva O.A. Migracija narodonaselenija: teorija, praktika [Population Migration: Theory, Practice], Textbook (Moscow, 2013, 255 p). [in Russian]
- 6 Bealsborrow RE, Hugo G., Oberai AS, Zlotnik H. Statistika mezhdunarodnoj migracii: rekomendacii po sovershenstvovaniju sistem sbora dannyh [Statistics of international migration: recommendations for improving data collection systems]. Transl. English Fedik V.V. («Academy», Moscow, 1999, 420 p). [in Russian]
- 7 Migracija naselenija [Population migration], Agentstvo po statistike Respubliki Kazahstan [Statistics Agency of the Republic of Kazakhstan]. [Electron.resource]. Available at: www.stat.kz. (Accessed: 11.11.2019) [in Russian]
- 8 Galuza E.V., Denisova G.S., Kashuba Yu.A. et al. Migracionnye processy v sovremennoj Rossii [Migration processes in modern Russia] Textbook. (LLC Terra, Rostov, 2004, 244 p). [in Russian]
- 9 Zakon O migracii naselenija Respubliki Kazahstan ot 22 ijulja 2011 goda [The Law on Migration of the Population of the Republic of Kazakhstan dated July 22, 2011]. [Electron.resource]. Available at: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31038298 (Accessed: 01.11.2019) [in Russian]

Сведения об авторах:

Амерханова И.К. - докторант, Казахский гуманитарно-юридический инновационный университет, Семей, Казахстан.

Майшекина Э.С. - PhD, Казахский гуманитарно-юридический инновационный университет, Семей, Казахстан.

Amerkhanova I.K. - doctoral student, Kazakh Humanitarian Law and Innovative University, Semey, Kazakhstan.

Maishekina E.S. - PhD, Kazakh Humanitarian Law and Innovative University, Semey, Kazakhstan.

МРНТИ 10.16.02

С. Есетова, Е. Бондаренко, М. Курмангали, Р. Крылов

Евразийский центр экономико-правовых исследований, Университет НАРХОЗ

Алматы, Казахстан

(E-mail: saltanat.yessetova@gmail.com)

К вопросу о необходимости исследования особенностей местного государственного управления и самоуправления в отношении уязвимых групп в Казахстане

Аннотация. Исследовательская группа Евразийского центра экономико-правовых исследований представляет вниманию международных организаций обоснование о необходимости изучения политики местного государственного управления и самоуправления в отношении уязвимых групп в Казахстане и разработку рекомендаций, основанных на лучших международных и национальных (местных) практиках в этой области.

В настоящее время отсутствует понимание того, как защита прав уязвимых групп населения осуществляется на уровне местного управления. Принимая во внимание отсутствие законодательной защиты на центральном уровне (институционально и в правовом поле), авторы статьи делают акцент на иных методах регулирования.

В литературе имеется пробел в отношении состава и процессов в структурах самоуправления и влияния этих факторов на решения и действия органов и сообществ самоуправления. В дополнение к системному анализу и обзору структуры, нами используется подход «снизу вверх» для описания и анализа процессов в органах местного самоуправления, которые влияют на эффективность и содержание решений в отношении защиты уязвимых групп.

Ключевые слова: местное государственное управление, местное самоуправление, местные сообщества, защита уязвимых групп населения.

DOI: <https://doi.org/10.32523/2616-6844-2019-129-4-17-25>

Введение. Существующая система местного самоуправления демонстрирует ряд проблем местного самоуправления, связанных с неопределенной компетенцией муниципалитетов, формированием структуры органов местного самоуправления, несовместимой с выполняемыми задачами, несоответствием между ресурсами и обязанностями, удаленностью местных органов власти от населения и неэффективным механизмом взаимодействия органов власти и местного самоуправления (Асаубаев, 2015; Дукеев, 2016).

Местное самоуправление в Казахстане до сих пор не имеет достаточной нормативно-правовой базы, организационные, экономические и социально-политические проблемы не решены. Дополнительные различия обусловлены территориальной изоляцией, отдаленностью и социальной ориентацией на интересы местного компактного населения (Алимпиева, 2015).

Опыт Казахстана в защите уязвимых групп подвергся критике со стороны национальных и международных органов и неправительственных организаций, включая CERD, Human Rights Watch, Equal Rights Trust и т.д. Так, например, низкий уровень участия различных групп в политической жизни был отмечен в отношении женщин, этнических меньшинств и молодежи (KIBHR/ERT 2015; CERD 2014).

Отсутствует понимание того, как защита прав уязвимых групп населения осуществляется на уровне местного управления. Принимая во внимание отсутствие законодательной защиты на центральном уровне (институционально и в правовой базе), необходимо изучить другие механизмы защиты и участия, доступные населению.

Целью данного исследовательского проекта является изучение политики местного самоуправления и самоуправления в отношении уязвимых групп населения в Казахстане

и разработка рекомендаций на основе лучших международных и национальных (местных) практик в этой области.

Задачи исследования включают в себя:

- анализ степени учета интересов различных уязвимых групп местного населения и их участия в процессе принятия решений органами местного самоуправления и самоуправления;

- анализ существующих вызовов для эффективной реализации политики государственного местного самоуправления и самоуправления в отношении прав уязвимых групп;

- оценку соответствия между потребностями уязвимых групп и политикой на местном уровне;

- выявление лучших практик в работе органов самоуправления и соответствующих местных органов власти;

- разработку рекомендаций по повышению эффективности политики самоуправления в отношении прав уязвимых групп на местном уровне.

Обзор источников. Литература по теме самоуправления в Казахстане доступна как минимум, на английском, русском и казахском языках. В обзорную литературу вошли также аналитические отчеты и статьи, исследования, проведенные отдельными исследователями и неправительственными организациями, а также литература по теме самоуправления и международного развития.

Решение сосредоточиться на местном управлении связано с отсутствием внимания к этой форме политического представительства внутри страны, что отчасти связано с высокоцентрализованной политической системой Казахстана. Однако Асубаев отмечает, что полное отрицание возможности развития системы местного самоуправления в Казахстане представляется неправильным, поскольку существуют предпосылки (Асубаев, 2016). Нынешняя стадия стимулирования системы предоставляет определенные возможности для включения вопросов равенства и включения в процессы принятия решений. Более того, исследователи, работающие в области международного развития, отмечают, что «... доноры фокусируются на инклюзивности процесса посредством более широкой представленности в официальных государственных учреждениях. Такое включение, однако, не обязательно эффективно с точки зрения обеспечения большего влияния (Van Veen & Dudouet 2017). Поэтому мы стремимся изучить представительство как в постоянных (маслихат), так и специальных органах.

В большинстве недавних исследований на английском и русском языках основное внимание уделяется влиянию законодательной базы и ее изменений на практику самоуправления, то есть применение подхода «сверху вниз» (ЕСНО 2018; Асаубаев, 2016). Они фокусируются на том, как правовая база способствовала или препятствовала развитию местного самоуправления в Казахстане, включая работу маслихатов (выборных органов) и организационных форм местных сообществ (собрания и сходы) на сельском уровне.

В русскоязычном отчете об участии молодежи в маслихатах по всему Казахстану был выявлен ряд проблем с участием молодежи в этих органах управления, в том числе отсутствие осведомленности, административные и законодательные препятствия, а также отказ в регистрации на выборах из-за предполагаемой политической позиции и др. (Дукеев 2015).

Сосредоточив внимание на рекомендациях по улучшению организации местного самоуправления (Жумашов, Асаубаев), следует отметить, что не хватает углубленного изучения внутренних процессов в структурах самоуправления, состава таких структур и воздействия этих факторов на решения и действия органов самоуправления и соответствующих органов местного самоуправления.

Исследования и опросы международных организаций, составляющих рейтинги по

гендерному равенству, подчеркивают низкие показатели с 2006 года по расширению прав и возможностей женщин в Казахстане с 2006 года (АБР 2018). КЛРД подчеркнул обеспокоенность по поводу недостаточной представленности меньшинств, в частности, неказахских этнических групп, в политической жизни и принятии решений на муниципальном, районном, региональном и национальном уровнях (КЛРД 2014).

Гипотеза исследования.

1) Решения органов самоуправления оказывают существенное влияние на процесс решения проблем уязвимых групп.

2) Активное участие представителей уязвимых групп в принятии решений сказывается на соблюдении их прав.

3) Лучшие местные практики по инклюзивному управлению могут быть применены к другим регионам страны.

Нами определены следующие моменты, требующие тщательного исследования:

- В какой степени учитываются интересы различных уязвимых групп местного населения?

- Как уязвимые группы участвуют в процессе принятия решений органами местного самоуправления и самоуправления?

- Каковы существующие проблемы для эффективной реализации политики государственного местного самоуправления и самоуправления в отношении прав уязвимых групп?

- Обсуждаются ли потребности уязвимых групп и отражаются ли они в политике на местном уровне?

- Каковы лучшие практики в работе органов самоуправления и соответствующих местных органов власти по защите прав уязвимых групп?

- Разработка рекомендаций по повышению эффективности политики самоуправления в отношении прав уязвимых групп на местном уровне.

Значение и научная новизна. Социальная и научная значимость исследования заключается в проведении исследований, направленных на решение следующих проблем:

- напряженность и атмосфера недоверия в отношении власти со стороны местного населения;

- соблюдение прав и свобод, учет интересов граждан при принятии решений органами местного государственного управления и самоуправления в отношении уязвимых групп населения;

- вовлечение уязвимых категорий граждан в процесс принятия политических и административных решений на местном уровне;

- общественный контроль над решениями и действиями местных органов власти.

Научная новизна проекта заключается в том, что впервые в казахстанской науке будет проведено исследование по проблемам совершенствования политики местного государственного управления и самоуправления в отношении уязвимых групп населения в Казахстане. Региональная политика в отношении уязвимых групп до сих пор не была особым предметом исследований в Казахстане.

Вместо того чтобы смотреть сверху вниз, мы будем использовать восходящий подход для описания и анализа процессов в органах местного самоуправления, которые влияют на эффективность и содержание решений, а также на отношения между органами государственной власти и местным управлением.

В соответствии со стратегией реформы местного управления, органы местного самоуправления в Казахстане будут постепенно увеличивать свое влияние на бюджет и принятие решений. Международное сообщество признало важность действительно представительных институтов для развития - ЦУР 11 призывает города и населенные пункты быть инклюзивными, безопасными, устойчивыми и устойчивыми, а ЦУР 16 направлена на со-

здание эффективных, подотчетных и инклюзивных институтов на всех уровнях. Политическая приверженность, выраженная в Национальной концепции местного самоуправления, которая также относится к Европейской хартии местного самоуправления, столкнулась с серьезными трудностями в управлении и понимании роли органов самоуправления. Однако, хотя проблемы, с которыми сталкивается местное самоуправление, объясняются отсутствием понимания / интереса или финансовых ресурсов, было проведено мало исследований относительно стимулов / мотивации для участия в местном самоуправлении для различных групп, особенно уязвимых групп населения.

Представление результатов и разработка политических рекомендаций будет способствовать диалогу о роли местного самоуправления в равной защите интересов граждан. Как образовательное учреждение с программой государственного управления, Евразийский центр экономических и правовых исследований будет включать результаты в учебные программы для преподавателей и семинары для студентов, а также делиться результатами с другими исследовательскими и образовательными учреждениями и организациями гражданского общества в Казахстане и за рубежом.

Интеграция гендерных аспектов. Гендерные аспекты будут включены в исследования путем оценки целей и показателей ЦУР 5 в контексте работы местных органов управления и процессов принятия решений на местном уровне. Компоненты методологии исследования, включающие гендерные аспекты, будут разработаны совместно с экспертом-исследователем в команде из Исследовательского института гендерной экономики университета Нархоз (партнерская исследовательская организация ECELR).

В рамках проекта будут отражены методы, направленные на содействие обеспечению гендерного равенства на уровне местного самоуправления, влияние участия женщин на местное самоуправление, а также выявленные пробелы и меры по устранению таких пробелов.

Описание и обоснование кейса. Исследование будет сосредоточено на работе двух типов органов самоуправления в Казахстане: более формализованная форма – маслихат, и менее формализованная – сход граждан. Кроме того, в процессе сбора передового опыта будут рассмотрены специализированные квазиуправляемые структуры (такие как молодежные советы в отдельных регионах).

Исследовательская группа будет географически охватывать север, запад, юг Казахстана (Алматинская, Мангистауская, Западно-Казахстанская, Северо-Казахстанская и Туркестанская области). Исследование будет сосредоточено на маслихатах в крупных (выше районного уровня) городах и собраниях в небольших (аульного уровня) поселениях в выбранных регионах. Конкретные муниципалитеты будут выбраны после консультации с местными общественными организациями, заинтересованными сторонами региона и коллегами-учеными.

Мы ожидаем увидеть большую разницу в практике между отдельными регионами из-за демографических различий, в том числе различий в этническом составе, отдаленности населенных пунктов, уровне развития, структуре гражданского общества и т.д.

Также можно наблюдать местное самоуправление в виде собраний граждан в местах компактного проживания национальных меньшинств (узбеки и талышы в Туркестанской области, уйгуры в Алматинской области, казаки в Западно-Казахстанской области). Там, где этнические факторы оказывают существенное влияние на процесс принятия решений, мы рассмотрим методы принятия решений, специфичные для этих групп, а также гендерную политику национальных меньшинств.

Важно отметить, что в Северо-Казахстанской и Алматинской областях больше женщин среди акимов. Мы рассмотрим практику в районах с женщинами в качестве акимов, чтобы определить влияние гендерного представительства на отношения между местным

самоуправлением и органами государственной власти на местах.

Методы исследования. На этапе исследования мы проведем анализ действующего законодательства Республики Казахстан, регулирующего вопросы местного государственного управления и самоуправления, правового статуса различных категорий уязвимых групп населения; правовых актов маслихатов и акиматов (местных исполнительных органов); программных документов; научно-аналитической литературы.

Исследовательская группа будет использовать метод системного анализа, который изучит законодательство Республики Казахстан в области регулирования местного самоуправления. В дополнение к существующей литературе по проблемам развития местного самоуправления в Казахстане, исследование будет включать международный опыт по внедрению практики местного самоуправления (тематические исследования из Украины, Швеции и др. стран). Определение уязвимых групп для целей данного проекта будет включать группы, признанные на международном уровне как имеющие охраняемые характеристики в соответствии с ICCPR, а также конкретные группы (например, для целей исследования могут быть включены «оралманы»).

Чтобы ответить на вопрос о представительстве, мы проведем количественный анализ представительства в органах местного самоуправления на основе статистической информации и наблюдений на местах.

Для получения качественных данных исследователи должны проводить экспертные интервью с ключевыми заинтересованными сторонами, связанными с местной государственной администрацией и самоуправлением (включая депутатов маслихатов; государственных служащих акиматов; политических и общественных деятелей; национальных и международных экспертов; представителей НПО; представителей национально-культурных центров и сообществ, вовлеченных в государственное управление и самоуправление).

Другой качественный метод будет включать опрос местных жителей отдельного района и сельских населенных пунктов для оценки практических препятствий вовлечения уязвимых категорий граждан в процесс принятия политических и административных решений на местном уровне и общественного контроля над решениями и действиями местного населения. Мы также оценим восприятие потребностей и участия для дальнейшего сравнительного анализа с данными о деятельности органов местного самоуправления.

Посредством социологических методов (дифференцированного опроса) с участием общественных групп мы выявим преимущества и отрицательные стороны методов осуществления самоуправления в конкретной общине. Команда проекта разработает несколько типов вопросников и проведет опросы в разных сообществах.

Для перекрестной проверки данных, полученных в результате исследований и интервью, мы будем проводить фокус-группы для дальнейшего изучения процессов внутри и вокруг органов местного самоуправления в разных регионах.

Чтобы определить важные для местных сообществ вопросы, мы будем использовать методологию открытого пространства. Важно отметить, что методология открытого пространства используется в традиционных казахских общинах для диалога и разрешения. Член исследовательской группы имеет опыт организации дискуссий по типу открытого пространства в большой аудитории и в случае необходимости проконсультируется с местными фасилитаторами относительно корректировки метода.

Этапы исследования. Исследование будет проводиться командой исследователей во главе с координатором проекта, с экспертами, работающими над основными кластерами исследований. При разработке методологии группа будет консультироваться с внешними экспертами из местных и международных организаций гражданского общества, государственных учреждений, экспертами за рубежом.

Этап кабинетного исследования будет сосредоточен на разработке обзора правовых

рамок для местного управления и равенства в Казахстане, а также на публикациях, анализирующих положение дел в сфере местного управления и равенства. После проведения кабинетного исследования методология полевых работ будет скорректирована в соответствии с полученными данными, чтобы отразить ключевые проблемы, выявленные в процессе. В частности, мы предвидим возможную корректировку выбора тематического исследования во время компонента разработки методологии. В зависимости от использования цифровой технологии и ее доступности также возможны корректировки методов / форматов.

Полевые исследования будут включать проведение опросов, собеседований, участие в гражданских собраниях и т.д. Группа оценит предварительные результаты в соответствии с поставленной целью/задачами и определит необходимость дополнительных исследований.

Исследовательский отчет будет разработан командой и предложен для рассмотрения сторонним экспертам проекта. Мы планируем обсудить проект отчета и провести отдельный семинар по разработке стратегического резюме и рекомендаций.

Заключение. Презентация исследовательского отчета и аналитической записки должна быть обсуждена с ICLD по завершении. Тем не менее, мы хотели бы провести дискуссионную панель относительно результатов с активистами, приглашенными представителями местного управления, организациями, представляющими затронутые сообщества и т.д. Тем временем мы определим области дальнейших исследований и представим результаты на национальных и международных форумах, а также распространим их среди заинтересованных сторон.

Мы подготовим обоснование для проекта, которое будет доведено до сведения государственных органов, а также презентацию о том, как результаты нашего исследования соответствуют обязательствам и намерениям государства или могут помочь в наращивании потенциала на местном уровне. Мы проведем встречи / консультации с заинтересованными сторонами, вовлеченными в процесс реформы, направленной на улучшение обслуживания уязвимых групп населения, а также с Национальной комиссией по делам женщин, Офисом омбудсмена, Ассамблеей народов в Казахстане.

После каждого этапа мы будем сообщать предварительные результаты государственным органам и заинтересованным организациям. Мы пригласим представителей для обсуждения проекта отчета, а также для отдельного семинара по разработке стратегического резюме и рекомендаций.

Окончательные результаты в форме отчета, рекомендаций и справочника / материала, которые могут быть использованы местными властями, организациями гражданского общества и местным сообществом, будут представлены и обсуждены на открытых форумах с участием властей. Приглашаем к сотрудничеству всех заинтересованных лиц.

Список литературы

- 1 Отчет по оценке влияния изменений законодательства на практику местного самоуправления / Echo NGO, 2018. [Электрон.ресурс]. - URL: Available at: http://www.echo.kz/images/reports/msu_echo.pdf (Дата обращения: 04.11.2019)
- 2 Асубаев Р. Местное самоуправление – потенциал развития и текущие проблемы. - Soros-KZ, 2016. [Электрон.ресурс]. - URL: Available at: <https://www.soros.kz/wp-content/uploads/2018/09B2.pdf> (Дата обращения: 05.11.2019)
- 3 Алимбиева Т.Г. Развитие местного самоуправления в Казахстане как института гражданского общества. - [Development of local self-government in Kazakhstan as an institute of civil society] // Young Scientist. - 2015. - No. 2. - P. 365-369.
- 4 Дукеев Б. Молодежь в местном представительном органе [Youth in local representative

body] / Инициатива «Публичная политика. 2015. [Электрон.ресурс]. - URL: Available at: <https://caa-network.org/archives/4373>(дата обращения: 06.11.2019)

5 Concluding observations on the combined sixth and seventh periodic reports of Kazakhstan. Committee on the Elimination of Racial Discrimination, 14 March 2014. - [Электрон. ресурс]. - URL:// <http://docstore.ohchr.org/SelfServices/FilesHandler.ashx?enc> (дата обращения: 06.11.2019)

6 Конституция Республики Казахстан принята на республиканском референдуме 30.08.1995 г. с изменениями и дополнениями от 10 сентября 2019 г. [Электрон. ресурс]. - URL:// <http://online.zakon.kz> (Дата обращения: 08.11.2019)

7 Kazakhstan Country Gender Assessment. Asian Development Bank. December 2018. [Electron.resource]. Available at: <https://www.adb.org/sites/default/files/institutional-document/479136/kazakhstan-country-gender-assessment.pdf> (дата обращения: 11.11.2019)

8 Preliminary Report On Certain Aspects of Inequality and Discrimination in The Republic of Kazakhstan. Kazakhstan International Bureau for Human Rights and Rule of Law, Equal Rights Trust, 2015. [Electron.resource]. Available at: <https://www.equalrightstrust.org/sites/default/files/ertdocs/2015%20Report%20on%20Discrimination%20in%20Kazakhstan%20%28KIBHR%20%20ERT%29.pdf> (дата обращения: 12.11.2019)

9 Van Veen, E., Dudouet, V. (2017). Hitting the target, but missing the point? Assessing donor support for inclusive and legitimate politics in fragile societies. Paris, France: INCAF. [Electron.resource]. Available at: https://www.oecd.org/dac/conflict-fragility-resilience/docs/Hitting_the_target.pdf (дата обращения: 14.11.2019)

10 Zhumashov, E. Rural Local Government System in Kazakhstan: Recent Issues. International Review of Management and Marketing, 2016, 6(S5) 211-220. [Electron.resource]. Available at: <https://dergipark.org.tr/tr/download/article-file/367258>. (дата обращения: 14.11.2019)

С. Есетова, Е. Бондаренко, М. Құрманғали, Р. Крылов

*Еуразиялық экономикалық-құқықтық зерттеулер орталығы, НАРХОЗ
университеті, Алматы, Қазақстан*

Қазақстандағы қорғауды талап ететін топтарға қатысты жергілікті мемлекеттік басқару мен өзін-өзі басқарудың ерекшеліктерін зерттеу қажеттілігі туралы

Аңдатпа. Еуразиялық экономикалық-құқықтық зерттеулер орталығының зерттеу тобы халықаралық ұйымдардың назарына Қазақстандағы қорғауды талап ететін топтарға қатысты жергілікті өзін-өзі басқару саясатын зерттеу қажеттілігін негіздеп, осы саладағы үздік халықаралық және ұлттық (жергілікті) тәжірибеге негізделген ұсыныстарды әзірледі.

Қазіргі уақытта қорғауды талап ететін топтардың құқықтарын қорғау жергілікті басқаруден-гейінде қалай жүргізілетіндігі туралы ортақ пікір қалыптаспаған. Зерттеуде заңнамалық тұрғыдан қорғалу кемшіліктерін ескеріп (институционалдық және құқықтық салада), осы салада қолданылуы мүмкін реттеу әдістеріне назар аударылады.

Әдебиетте өзін-өзі басқару құрылымдарының құрамы, үрдістері және осы факторлардың өзін-өзі басқару органдары мен қауымдастықтардың шешімдері мен әрекеттеріне әсері туралы толыққанды мәлімет жоқ. Жүйелік, құрылымдық талдаумен қатар, зерттеуде қорғауды талап ететін топтардың жергілікті мемлекеттік басқару салаындағы шешімдерді қабылдауға қатысуының тиімділігі мен мазмұнына әсер ететін үрдістерді сипаттау және талдау үшін «төменнен жоғарыға» тәсілін қолданған дұрыс деп санаймыз.

Түйін сөздер: жергілікті мемлекеттік басқару, жергілікті өзін-өзі басқару, жергілікті қауымдастықтар, қорғауды талап ететін топтар.

S. Yessetova, O. Bondarenko, M. Kurmangali, R. Krilov

The Eurasian Center for Economics and Law Research, NARXOZ university, Almaty, Kazakhstan

On the need to study the characteristics of local government and self-government in relation to vulnerable groups in Kazakhstan

Abstract. The Eurasian Research Centre of Legal and Economic Research has presented to the attention of international organizations the rationale necessity of studying the policies of local government and self-government regarding vulnerable groups in Kazakhstan and developing recommendations based on best international and national (local) practices in this area.

Currently, there is a lack of understanding of how the rights of vulnerable groups are protected at the local government level. Taking into account the lack of legislative protection at the central level (institutionally and in the legal field), the study focuses on other regulatory methods.

There is a gap in the literature regarding the composition and processes in self-government structures and the influence of these factors on the decisions and actions of self-government bodies and communities. In addition to system analysis and structure review, we use a bottom-up approach to describe and analyse processes in local governments that affect the effectiveness and content of decisions regarding the protection of vulnerable groups.

Keywords: local government, local self-government, local communities, protection of vulnerable groups.

References

- 1 Otchet po ocenke vlijanija izmenenij zakonodatel'stva na praktiku mestnogo samoupravlenija [Report on the impact of legislative changes on the practice of local government], Echo NGO, 2018. [Electron.resource]. Available at: http://www.echo.kz/images/reports/msu_echo.pdf (Accessed: 04.11.2019)
- 2 Asaubaev, R. Mestnoe samoupravlenie – potencial razvitija i tekushhie problemy [Local governance - development potential and current issues], Soros-KZ, 2016. [Electron.resource]. Available at: <https://www.soros.kz/wp-content/uploads/2018/09B2.pdf> (Accessed: 05.11.2019)
- 3 Alimpieva T.G. Razvitie mestnogo samoupravlenija v Kazahstane kak instituta grazhdanskogo obshhestva [Development of local self-government in Kazakhstan as an institute of civil society], Young Scientist. 2, 365-369 (2015).
- 4 Berikbol Dukeev: Molodezh' v mestnom predstavitel'nom organe (Maslihate) [Youth in local representative body], Iniciativa «Publichnaja politika» [Initiative “Public Policy], 2015. [Electron.resource]. Available at: <https://caa-network.org/archives/4373> (Accessed: 06.11.2019)
- 5 Concluding observations on the combined sixth and seventh periodic reports of Kazakhstan. Committee on the Elimination of Racial Discrimination, 14 March 2014. [Electron.resource]. Available at: <http://docstore.ohchr.org/SelfServices/FilesHandler.ashx?enc> (Accessed: 06.11.2019)
- 6 Constitution of the Republic of Kazakhstan adopted at a republican referendum on 08.30.1995, with amendments and additions as of September 10, 2019. [Electron.resource]. Available at: <http://online.zakon.kz> (Accessed: 08.11.2019)
- 7 Kazakhstan Country Gender Assessment. Asian Development Bank. December 2018. Available at: <https://www.adb.org/sites/default/files/institutional-document/479136/kazakhstan-country-gender-assessment.pdf> (Accessed: 11.11.2019)
- 8 Preliminary Report On Certain Aspects of Inequality and Discrimination in The Republic of Kazakhstan. Kazakhstan International Bureau for Human Rights and Rule of Law, Equal Rights Trust, 2015. - Available at: <https://www.equalrightstrust.org/sites/default/files/ertdocs/2015.pdf> (Accessed: 12.11.2019)

- 9 Van Veen, E., Dudouet, V. (2017). Hitting the target, but missing the point? Assessing donor support for inclusive and legitimate politics in fragile societies. Paris, France: INCAF. Available at: https://www.oecd.org/dac/conflict-fragility-resilience/docs/Hitting_the_target.pdf (Accessed: 14.11.2019)
- 10 Zhumashov, E. Rural Local Government System in Kazakhstan: Recent Issues. International Review of Management and Marketing, 2016, 6(S5) 211-220. Available at: <https://dergipark.org.tr/tr/download/article-file/367258>. (Accessed: 14.11.2019)

Сведения об авторах:

Есетова С. – кандидат юридических наук, ассоциированный профессор, эксперт НЦ ГНТЭ, старший научный сотрудник Евразийского центра экономико-правовых исследований, Алматы, Казахстан.

Бондаренко Е. - заместитель директора Евразийского центра экономико-правовых исследований. Спикер ОБСЕ, БДИПЧ, Европейской комиссии, Совета Европы, УНП ООН; Эксперт Совета Европы по вопросам дискриминации в странах Восточного партнерства, Алматы, Казахстан.

Құрманғали М. - кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Евразийского центра экономико-правовых исследований, Алматы, Казахстан.

Крылов Р. - лицензиат права, магистр экономического права, магистр права (Пенсильванский университет, США), научный сотрудник Евразийского центра экономико-правовых исследований, Алматы, Казахстан.

Yessetova S. – candidate of juridical science, Senior Researcher, The Eurasian Center for Economics and Law Research, Almaty, Kazakhstan.

Bondarenko O. - Deputy Director, Development & Partnerships, Eurasian Center for Economics and Law Research. She has been a speaker OSCE ODIHR, the European Commission, the Council of Europe, the UNODC. An expert of the Council of Europe on discrimination in Eastern Partnership countries, Almaty, Kazakhstan.

Kurmangali M. – candidate of juridical science, Senior Researcher, The Eurasian Center for Economics and Law Research, Almaty, Kazakhstan.

Krilov R. - Licentiate in Law, Masters in Economical Law, LL.M (Penn State University, USA). Researcher, The Eurasian Center for Economics and Law Research, Almaty, Kazakhstan.

МРНТИ 10.21.21

А.Д. Жусупов, С.К. Карыбаев

*АО «Университет КАЗГЮУ имени М.С. Нарикбаева», Нур-Султан, Казахстан
(E-mail: zh60@inbox.ru, karybayev17@mail.ru)*

Правовая основа финансово-кредитной политики Республики Казахстан в Евразийском Экономическом Союзе

Аннотация. В данной статье авторами затрагиваются вопросы, связанные с правовой реализацией финансово-кредитной политики Республики Казахстан в Евразийском Экономическом Союзе. Рассмотрение правовой сущности финансовых аспектов в интеграционных процессах требует особого подхода, который вызван объектом и предметом исследования.

Анализ правовых норм финансово-кредитной политики Республики Казахстан демонстрирует наличие базового подхода в развитии государства, что выражено в основных нормативных правовых актах. В то же время требуется дальнейшее освещение правовых аспектов финансовой системы государства, учитывающее взаимовлияние союзных государств на многостороннее развитие. Игнорирование последнего чревато негативными последствиями, которое может выразиться в оттоке денег, валютных ценностей и других финансовых инструментов.

Также статья содержит вопросы финансового суверенитета приобретающего значимый характер в рамках единого экономического пространства.

Ключевые слова: финансово-кредитная политика, Евразийский Экономический Союз, финансовое право, экономическая интеграция, финансовый сектор, Евразийская экономическая комиссия, финансовый суверенитет.

DOI: <https://doi.org/10.32523/2616-6844-2019-129-4-26-32>

Реалии современного мира демонстрируют, что при изоляции государства невозможно получить высокий уровень развития без взаимодействия с иными субъектами. Развитие как положительная постоянная деятельность также присуща государству. Для осуществления процессов развития государства, которое подразумевает многосторонний аспект, требуется экономическая основа, которая также выступает одним из направлений. Согласно Конституции Казахстана, одним из основополагающих принципов является «экономическое развитие на благо всего народа» [1].

Реализация указанного принципа требует создания конкурентной среды в глобальном масштабе, которое по большей части в первоначальном виде раскрывается через региональные интеграционные союзы. При интеграционных процессах выявляются преимущества и недостатки различных секторов национальной экономической системы, что позволяет стремиться к их устранению. Также выявление негативных моментов национальной экономической системы позволяет внести изменения в его базисную основу, а точнее, в экономическую политику, которая является стратегическим планом развития государства. Стоит отметить, что особую роль, если не самую важную, в интеграционных процессах занимает финансово-кредитная политика как часть экономической политики.

Законодательство Республики Казахстан придерживается понятия «финансово-кредитная система». Так, в соответствии с Декларацией о государственном суверенитете закреплено что: Казахская ССР вправе образовать государственный национальный банк, подчиненный Верховному Совету Республики, свою финансово-кредитную систему, самостоятельно формирует государственный бюджет, организует налоговую и союзно-республиканскую таможенную системы [2].

Так, Конституционный закон Республики Казахстан 1991 года «О государственной независимости Республики Казахстан» прописывал что: Республика Казахстан имеет Госу-

дарственный национальный банк, вправе создать свою финансово-кредитную, денежную системы, организует республиканские налоговую и таможенную системы [3].

Вышеуказанные акты демонстрируют, что государство в связи с развитием общественных отношений расширяет понятие финансово-кредитной системы. В первом случае бюджет отделен от финансово-кредитной системы, что не присутствует во втором. Вышеуказанные акты налоговую и таможенную системы рассматривают в отдельном контексте. Объяснением этому может служить, что налоговая и таможенная система, в обобщенном виде именуемая фискальной является основной доходной частью формирования денежных ресурсов государства.

Применение термина «финансово-кредитная система» является более соответствующим системе государственных органов и понятным широкому кругу лиц, так как осуществление политического курса происходит посредством выстроенной системы государственных органов, наделенных полномочиями. Государство при реализации задач и функций придерживается определенных взглядов, которые формируются специалистами и утверждаются уполномоченными органами, проводящими государственную политику. Учитывая, что основным субъектом, претворяющим в жизнь и ответственным за политику, является система государственных органов «термин финансово-кредитная система» есть отражение объективной действительности.

Согласно законодательству Казахстана, под финансами и финансовой системой следует понимать отношения в области бюджета, фискальной политики в едином составе. Таковым органом в Республике Казахстан следует считать Министерство финансов, в положении которого указывается, что ее миссия заключается в «обеспечении экономических интересов государства» [4].

Следует заметить, что основные законы государств-членов ЕАЭС, за исключением Республики Казахстан, предусматривают особую значимость финансово-кредитной политики либо системы государства и ответственных за нее органов государственной власти.

Особого упоминания требует и доктринальный подход в понимании финансово-кредитной политики. Так, Исакова З.Д. придерживается понятия «финансово-кредитная система», под которым понимает сложное сочетание проявления финансов и кредита через механизм распределения и перераспределения финансовых ресурсов общества на основе функционирования специальных учреждений в стране с целью формирования финансово-кредитных ресурсов и их эффективного использования [5, 22 стр.]. Учитывая тот факт, что понятия «финансово-кредитная политика» и «система» являются комплексными казахстанские ученые в лице Зейнельгабина А.Б., Алиева У.Ж. и другие придерживаются аналогичного мнения.

По мнению российских ученых Бабич А.М. и Павлова Л.Н., финансово-кредитная политика представляет собой совокупность форм, методов и инструментов регулирующего воздействия на социально-экономические процессы, связанные с реальным денежным оборотом в следующих направлениях:

- налоговая;
- бюджетная;
- денежно-кредитная;
- социальная;
- инвестиционная;
- в области международных финансов [6, 111 стр.].

Вышеуказанная точка зрения представляет более объективный характер, которая охватывает аспекты финансовой деятельности государства, что также получило продолжение в развитии государственной системы управления. В то же время доктринальное понятие финансово-кредитной политики, данное российскими учеными, не содержит одного

из главных объектов регулирования в виде банковской и парабанковской деятельности, а лишь косвенно указывает через денежно-кредитную политику. Банки, являясь субъектом, концентрирующим и приводящим в движение большие финансовые средства, требуют регулирования баланса интересов публичного и частного, а также узкоспециализированных уполномоченных органов.

Уполномоченными органами такого рода выступают вновь созданное Агентство Республики Казахстан по регулированию и развитию финансового рынка и Национальный Банк Республики Казахстан который единолично проводит денежно-кредитную политику. Денежно-кредитная политика осуществляется Национальным Банком Казахстана с целью обеспечения стабильности цен [7]. Так в связи с проведением денежно-кредитной политики Национальный банк является единственным уполномоченным органом на выпуск и обращение денег.

Деньги как финансовое средство являются главным индикатором финансового суверенитета и их существование есть тому подтверждение. Помимо прочего Национальный Банк Казахстана представляет, в пределах своей компетенции, интересы Республики Казахстан в отношениях с центральными банками и банками других стран, в международных банках и иных финансово-кредитных организациях [7].

Финансовые правоотношения, опосредующие отношения распределения и перераспределения осуществляют весьма важную роль в реализации экономических процессов. Средства в финансовом аспекте, под которыми понимаются финансовые активы, деньги, выступающие основным источником реализации функции государства, требуют особого урегулирования в интеграционных процессах. Давно осознанный факт, что у капитала нету родины, явно начинает выражаться в интеграционных объединениях. Также стоит отметить, что в международных финансовых правоотношениях идет отягощение некоторых финансовых понятий и инструментов. Так, например, деньги в государстве, в котором они эмитированы, выступают как платежное средство, а на международной арене могут стать платежным средством и товаром.

Стоит заметить, что финансовые правоотношения являются проводником товарооборота, так как являются второй ступенью экономической системы, где первой выступает производство, а в дальнейшем - обмен и потребление. Урегулирование данных процессов правовыми актами требует многостороннего подхода, который отягощен такими факторами, как государственное устройство, система законодательства и т.п. в совокупности с международными актами. Дополнительным обстоятельством является современная тенденция цифровизации финансового сектора, которое выступает одним из двигателей развития.

Исходя из вышесказанного следует, что суверенитет экономики, являющийся одним из частей суверенитета государства, призван содержать в себе вопросы безопасности национальной экономики и ее устойчивого развития. Под экономической безопасностью понимается состояние защищенности национальной экономики Республики Казахстан от реальных и потенциальных угроз, при котором обеспечивается устойчивое ее развитие и экономическая независимость [8].

Подписание международного договора как согласие государства является результатом проведения оценки возможных политических, правовых, финансово-экономических и иных последствий заключения международных договоров [8]. Создание Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) представляет собой новый этап развития, который также объясняется созданием права ЕАЭС, включающего: Договор о создании ЕАЭС, международные договоры в рамках ЕАЭС, международные договоры ЕАЭС с третьей стороной.

Как начало строения нового союзного права установлены основные цели ЕАЭС, такие как: создание условий для стабильного развития экономик государств-членов в интересах повышения жизненного уровня их населения; стремление к формированию единого рынка

товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза; всесторонняя модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики [10].

Достижение указанных целей предусматривает осуществление ряда действий, одними из которых являются:

- гармонизация законодательства - сближение законодательства государств-членов, направленное на установление сходного (сопоставимого) нормативного правового регулирования в отдельных сферах;

- унификация законодательства - сближение законодательства государств-членов, направленное на установление идентичных механизмов правового регулирования в отдельных сферах, определенных настоящим Договором [10].

Указанные действия необходимы также для создания наднационального органа, который будет регулировать финансовый рынок ЕАЭС в Алматы к 2025 году, о чем государства-члены указали в Договоре о создании ЕАЭС.

Немаловажную роль для претворения в жизнь указанного играет учрежденный постоянно действующий регулирующий орган - Евразийская экономическая комиссия (далее - ЕЭК). Выступая органом, реализующим поставленные задачи, можно с уверенностью сказать, что он является более оперативным органом управления, который состоит из представителей государств-участников ЕАЭС. Структура ЕЭК, состоящая из 25 департаментов и 1071 сотрудника, демонстрирует будущее положение экономической политики государств-членов ЕАЭС.

С учетом важности и возможностей интеграционных процессов в Казахстане образовано министерство торговли и интеграции, где одной из функций является координация работы государственных органов по международному торговому сотрудничеству, взаимодействие с международными организациями и интеграционными объединениями [11].

Таким образом, развитие наличие нормативных правовых актов и государственных органов Республики Казахстан с их функциями и задачами позволяет осуществлять финансово-кредитную политику государства на международной арене, которая находится в постоянном динамичном состоянии. Необходимо также отметить, что вышеуказанные нормативные правовые акты требуют внесения изменений, отражающих современные тенденции и технологическое развитие общественных отношений в совокупности с принципами справедливости, транспарентности, социальной ориентированности и др.

Список литературы

- 1 Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 года (с изменениями и дополнениями от 23.03.2019) [Электрон. ресурс] – URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_ (дата обращения: 03.01.2020)
- 2 Постановление Верховного Совета Казахской ССР от 25 октября 1990 г. № 307-ХІІ «О Декларации о государственном суверенитете Казахской Советской Социалистической Республики» [Электрон. ресурс] – URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/B900001700_ (дата обращения: 04.01.2020)
- 3 Конституционный закон Республики Казахстан от 16 декабря 1991 года «О государственной независимости Республики Казахстан» [Электрон. ресурс] – URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z910004400_ (дата обращения: 04.01.2020)
- 4 Постановление Правительства Республики Казахстан от 24 апреля 2008 года № 387 «О некоторых вопросах Министерства финансов Республики Казахстан» (с изменениями и дополнениями от 01.01.2020) [Электрон. ресурс] – URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/>

P080000387_#z1 (дата обращения: 05.01.2020)

5 Искакова З.Д. Теоретические основы финансов, кредита и роль финансовой системы в развитии Стратегии Казахстана. – Алматы, 2014. – 254 с.

6 Бабич А.М., Павлова Л.Н. Государственные и муниципальные финансы: учебник для вузов. - 2-е изд., перераб. и доп. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. -703 с.

7 Закон Республики Казахстан от 30 марта 1995 года № 2155 «О Национальном Банке Республики Казахстан» (с изменениями и дополнениями от 01.01.2020) [Электрон. ресурс] – URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z950002155_ (дата обращения: 05.01.2020)

8 Закон Республики Казахстан от 6 января 2012 года № 527-IV «О национальной безопасности Республики Казахстан» (с изменениями и дополнениями от 01.01.2020) [Электрон. ресурс] – URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1200000527> (дата обращения: 07.01.2020)

9 Закон Республики Казахстан от 30 мая 2005 года N 54 «О международных договорах Республики Казахстан» (с изменениями и дополнениями от 21.01.2019) [Электрон. ресурс] – URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z050000054_ (дата обращения: 03.01.2020)

10 Закон Республики Казахстан от 14 октября 2014 года № 240-V ЗРК «О ратификации Договора о Евразийском экономическом союзе» (с изменениями и дополнениями от 08.02.2019) [Электрон. ресурс] – URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1400000240> (дата обращения: 07.01.2020)

11 Постановление Правительства Республики Казахстан от 10 июля 2019 года №497 «О мерах по реализации Указов Президента Республики Казахстан от 17 июня 2019 года № 17 и от 1 июля 2019 года № 46 О мерах по дальнейшему совершенствованию системы государственного управления Республики Казахстан» (с изменениями и дополнениями от 20.12.2019) [Электрон. ресурс] – URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/P1900000497> (дата обращения: 08.01.2020)

А.Д. Жусупов, С.К. Карыбаев

«М.С. Нарықбаев атындағы Қазақ гуманитарлық-заң университеті», Нұр-Сұлтан, Қазақстан

Еуразиялық экономикалық одақтағы Қазақстан Республикасының қаржы-кредит саясатының құқықтық негізі

Андатпа. Бұл мақалада авторлар Еуразиялық экономикалық одақта Қазақстан Республикасының қаржы-кредит саясатын құқықтық жүзеге асыруға байланысты мәселелерді қозғайды. Интеграциялық үдерістердегі қаржылық аспектілердің құқықтық мәнін қарау зерттеу объектісі мен нысанасынан туындаған ерекше тәсілді талап етеді.

Қазақстан Республикасының қаржы-кредитсаясатының құқықтық нормаларын талдау мемлекеттің дамуындағы базистік тәсілдің болуын көрсетеді, бұл негізгі нормативтік құқықтық актілерде көрсетілген. Сонымен қатар, одақтық мемлекеттердің көпжақты дамуға өзара қатынасын ескеретін мемлекеттің қаржы жүйесінің құқықтық аспектілерін одан әрі жария ету талап етіледі. Соңғысын елемеу ақшаның, валюталық құндылықтардың және басқа да қаржы құралдарының жылыстауынан көрініс табуы мүмкін жағымсыз салдарға әкеп соқтырады.

Сонымен қатар, мақалада Бірыңғай экономикалық кеңістік кезінде маңызды сипатқа ие болатын қаржылық егемендік мәселелері қамтылған.

Түйін сөздер: қаржы-кредиттік саясат, Еуразиялық экономикалық одақ, қаржы құқығы, экономикалық интеграция, қаржы секторы, Еуразиялық экономикалық комиссия, қаржы егемендігі.

A.D. Zhusupov, S.K. Karybayev
M. Narikbayev KAZGUU University JSC, Nur-Sultan, Kazakhstan

The legal basis of the financial and credit policy of the Republic of Kazakhstan in the Eurasian Economic Union

Abstract. In the article authors address issues related to the legal implementation of the financial and credit policy of the Republic of Kazakhstan in the Eurasian Economic Union. Consideration of the legal nature of financial aspects in integration processes requires a special approach which is caused by the object and subject of the research.

An analysis of the legal norms of the financial and credit policy of the Republic of Kazakhstan demonstrates the existence of a basic approach in the development of the state, which is expressed in the main regulatory legal acts. At the same time, further coverage of the legal aspects of the financial system of the state is required, taking into account the mutual influence of the union states on multilateral development. Ignoring the latter is fraught with negative consequences, which may result in an outflow of money, currency values and other financial instruments.

The article also contains questions of financial sovereignty, which is acquiring significant character in a single economic space.

Keywords: financial and credit policy, Eurasian Economic Union, financial law, economic integration, financial, financial sector, Eurasian Economic commission, financial sovereignty.

References

- 1 Konstitucija Respubliki Kazahstan ot 30 avgusta 1995 goda (s izmenenijami i dopolnenijami ot 23.03.2019) [Constitution of the Republic of Kazakhstan adopted at the all-nation referendum on 30 August 1995] (with amendments of 23.03.2019) Available at: http://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_ (accessed 03.01.2020)
- 2 Postanovlenie Verhovnogo Soveta Kazahskoj SSR ot 25 oktjabrja 1990 g. № 307-XII «O Deklaracii o gosudarstvennom suverenitete Kazahskoj Sovetskoj Socialisticheskoj Respubliki» [On the Declaration of State Sovereignty of the Kazakh Soviet Socialist Republic] [in Russian] Available at: http://adilet.zan.kz/rus/docs/B900001700_ (accessed 04.01.2020)
- 3 Konstitucionnyj zakon Respubliki Kazahstan ot 16 dekabrja 1991 goda «O gosudarstvennoj nezavisimosti Respubliki Kazahstan» [On the State Independence of the Republic of Kazakhstan] Available at: http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z910004400_ (accessed 04.01.2020)
- 4 Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Kazahstan ot 24 aprelja 2008 goda № 387 «O nekotoryh voprosah Ministerstva finansov Respubliki Kazahstan» (s izmenenijami i dopolnenijami ot 01.01.2020) [Decree of the Government of the Republic of Kazakhstan dated April 24, 2008 No. 387 "On Certain Issues of the Ministry of Finance of the Republic of Kazakhstan"] (with amendments of 01.01.2020) Available at: http://adilet.zan.kz/rus/docs/P080000387_#z1 (accessed 05.01.2020)
- 5 Iskakova Z.D. Teoreticheskie osnovy finansov, kredita i rol finansovoi sistemy v razvitii Strategii Kazahstana. – Almaty, 2014. – 254 s. [Iskakova Z.D. Theoretical foundations of finance, credit and the role of the financial system in the development of the Strategy of Kazakhstan. - Almaty, 2014.- 254 p.] [in Russian]
- 6 Babich A.M., Pavlova L.N. Gosudarstvennye i municipal'nye finansy: Uchebnik dlja vuzov. - 2-e izd., pererab. i dop. — M.: UNITI-DANA, 2012. -703 s. [Babich A.M., Pavlova L.N. State and municipal finance: Textbook for universities. - 2nd ed., Revised. and add. - M.: UNITY-DANA, 2012. -703 p.] [in Russian]

7 Zakon Respubliki Kazahstan ot 30 marta 1995 goda № 2155 «O Nacional’nom Banke Respubliki Kazahstan» (s izmenenijami i dopolnenijami ot 01.01.2020) [The Law of the Republic of Kazakhstan, dated 30 March 1995, No. 2155 “On National Bank of the Republic of Kazakhstan”] (with amendments of 01.01.2020) Available at: http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z950002155_ (accessed 05.01.2020)

8 Zakon Respubliki Kazahstan ot 6 janvarja 2012 goda № 527-IV «O nacional’noj bezopasnosti Respubliki Kazahstan» (s izmenenijami i dopolnenijami ot 01.01.2020) [Law of the Republic of Kazakhstan dated January 6, 2012 No. 527-IV “On national security of the Republic of Kazakhstan”] (with amendments of 01.01.2020) Available at: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1200000527> (accessed 07.01.2020)

9 Zakon Respubliki Kazahstan ot 30 maja 2005 goda N 54 «O mezhdunarodnyh dogovorah Respubliki Kazahstan» (s izmenenijami i dopolnenijami ot 21.01.2019) [The Law of the Republic of Kazakhstan dated 30 May 2005 No. 54 “On International Treaties of the Republic of Kazakhstan”] (with amendments of 21.01.2019) Available at: http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z050000054_ (accessed 07.01.2020)

10 Zakon Respubliki Kazahstan ot 14 oktjabrja 2014 goda № 240-V ZRK «O ratifikacii Dogovora o Evrazijskom jekonomicheskom sojuze» (s izmenenijami i dopolnenijami ot 08.02.2019) [The Law of the Republic of Kazakhstan dated 14 October, 2014 No. 240-V LRK “On Ratification of Agreement on the Eurasian Economic Union”] (with amendments of 08.02.2019) Available at: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1400000240> (accessed 07.01.2020)

11 Postanovlenie Pravitel’sтва Respubliki Kazahstan ot 10 ijulja 2019 goda №497 «merah po realizacii Ukazov Prezidenta Respubliki Kazahstan ot 17 ijunja 2019 goda № 17 i ot 1 ijulja 2019 goda № 46 O merah po dal’nejshemu sovershenstvovaniju sistemy gosudarstvennogo upravlenija Respubliki Kazahstan» (s izmenenijami i dopolnenijami ot 20.12.2019) [Decree of the Government of the Republic of Kazakhstan dated July 10, 2019 No. 497 «Measures for the implementation of Decrees of the President of the Republic of Kazakhstan dated June 17, 2019 No. 17 and dated July 1, 2019 No. 46 On measures to further improve the public administration system of the Republic of Kazakhstan»] (with amendments of 20.12.2019) Available at: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/P1900000497> (accessed 08.01.2020)

Сведения об авторах:

Жусупов А.Д. – доктор юридических наук, профессор, АО «Университет КАЗГЮУ им. М.С. Нарикбаева», Нур-Султан, Казахстан.

Карыбаев С.К. – докторант PhD АО «Университет КАЗГЮУ им. М.С. Нарикбаева», Нур-Султан, Казахстан.

Zhusupov A.D. – doctor of juridical science, professor, M. Narikbayev KAZGUU University JSC, Nur-Sultan, Kazakhstan.

Karybayev S.K. – PhD student of the M. Narikbayev KAZGUU University JSC, Nur-Sultan, Kazakhstan.

IRSTI 10.27.21

D.M. Kamatova

*L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan
(E-mail: dianakamatova@gmail.com)*

An overview on the nature of community interest companies

Abstract. The following article discusses the nature of community interest company – a type of company in English corporate law. The specificity of the examined question determines the dual purpose of this study: to reveal the nature of such company in English law, as well as to compare it with the existing forms of non-profit legal entities in the civil legislation of the Republic of Kazakhstan.

The peculiarity of community interest companies lies within the main purpose of their activities – to benefit a particular community, i.e. a group of people that have a particular feature in common. The question on prospects of implementation of community interest company in the civil legislation of the Republic of Kazakhstan arising from the essence of the research topic is also considered within the article. The study is based mainly on the analysis and comparison of corporate legislation of the United Kingdom and the Republic of Kazakhstan. The methods used led to the conclusion that the national legislation does not have a form of legal entity that is completely identical to community interest company. At the same time, the legislative implementation of the latter in the first place can contribute to the faster development of social entrepreneurship in Kazakhstan.

Key words: community interest company, corporate law, English law, civil law, legal entity, non-profit organization, social entrepreneurship.

DOI: <https://doi.org/10.32523/2616-6844-2019-129-4-33-41>

Introduction. In connection with establishing the International Financial Center in Nur-Sultan the interest for discovering and studying English law naturally increases. As a result, the questions about its nature and possible benefit for the development of national law in the Republic of Kazakhstan arise.

This article is dedicated to community interest companies – a relatively new legal form of social enterprises working successfully in the UK for more than ten years.

There were two main objectives that we have attempted to achieve:

- 1) uncover the nature of community interest companies (CIC) by overviewing their main features and characteristics;
- 2) find similar to CIC legal structures in legislation of the Republic of Kazakhstan and foresee possible outcomes of implementation of this legal form.

Therefore, the article consists of two main parts:

1. Community interest company: understanding its nature through the main features;
2. CIC and the civil law of the Republic of Kazakhstan.

In order to provide a comprehensive understanding of community interest companies following sources have been used:

- the United Kingdom legislation at legislation.gov.uk – the website run by The National Archives where all UK legislation (revised and up-to-date) is published;
- legislation of the Republic of Kazakhstan provided by adilet.zan.kz/rus – legal information system of Regulatory Legal Acts of the Republic of Kazakhstan;
- Guidance chapters of the Office of the Regulator of community interest companies at gov.uk;
- other sources.

Community interest company: understanding its nature through the main features. Social enterprise sector has been developing around the world – not only within the United Kingdom (the UK) – and has already shown its positive outcomes. Even not very economically

developed countries in Asia, such as Bangladesh, use different ways to popularize such forms of organization and maintain such popularity [1]. Then what to say about the UK?

The need in cultivating social enterprise sector shows that simple profit-making and feathering own nest may step back in the hierarchy of business's main goals and knuckle under some other values. Nevertheless, we must not ignore the fact that a wide spreading of social enterprises depends firstly on economic stability of nation, thus, if one group of countries can brag about well-development of the said sector, then there is another group where this sector is underdeveloped.

The UK, no doubt, belongs to the first group but within the issued question it went a little bit farther and represented a new hybrid form – a community interest company.

The idea of creating a new type of company as a part of social enterprise sector in the UK belongs to a lawyer Stephen Lloyd and a social entrepreneur Roger Warren-Evans who based the concept of CIC on the US experience in running simultaneously non-charitable and not-for-profit business with legal forms which are appropriate to serve the social enterprise sector needs. Adopting such experience seemed attractive and advantageous. As a result, they proposed a new type of organization called “public interest company” but as long as it had already been used by public interest corporations, the idea of setting out *Community Interest Companies* came to life [2]¹.

CIC became a legal entity in 2005 after proper procedures of a legal enforcing such form and consulting with social enterprise sector. During the first year over 360 companies were established as CICs and now their number has increased to more than 10.000 [2].

CIC was chosen to be a company for particular reasons. Main of them is that this legal form provides flexibility and relative freedom in conducting business activity. For example, while charity organizations, to which CICs were constantly being compared in the beginning, basically undergo strict regulations, CICs were supposed to be a simplified form².

As a company, CIC is mainly regulated by Companies (Audit, Investigations and Community Enterprise) Act 2004 (further - Companies Act 2004) and Companies Act 2006. According to the following Acts, being a limited company, CIC has such features as:

- it comprises members; a director(-s) can be appointed as an executive body. If needed, workers might be employed depending on what kind of activity a company is engaged in;
- at the same time, it operates independently as a legal entity which is separate from its members or executive body. It means that CIC can hold a property, is authorized to dispose it, act as a claimant or defendant in court [3];
- as long as CIC is a separate legal person, its founders or members are subject to limited liability which imposes that they are financially protected from third-party claims or debt recovery in the extent to what amount of money (in simple words) they had invested;
- as a limited company, CIC can be either limited by shares or by guarantee [4] [5]. But it is important to define what form it will take since it is not permitted to convert CIC from one form to another.

¹It's important to understand that CIC is not a purely unique type of organization. In the USA, for instance, similar organization forms are called L3C (low-profit limited liability company), a hybrid business structure which aims to benefit society remaining a for-profit venture.

²The purpose of this paper is not to distinguish charity and CIC although the author would not mind doing so. Generally, some differences are the following: charity is subject to some tax preferences; it should be established for public (not community) benefit, which is more general than it is for CIC; it is very hard to incorporate a charity organization if there is an existing one with similar objectives; etc.

All of the features named above provide CIC flexibility in conducting business. However, they are not exactly what appears to be attractive about CIC to potential entrepreneurs.

What is more interesting, CIC is meant to serve a definite community interests. According to guidance chapters published by the Office of the Regulator of from CIC, here a community can be represented by any group of individuals (even the whole community by itself) who share some common characteristics [6]. It is important to keep in mind that members of CIC (including their families or friends) cannot form a community whose interests a CIC would be serving. Such group of people must be wider than that and represent ‘a genuine section of the community’ [7]. As an example it can be a group of people with disabilities wishing to learn graphic design or group of children aged 8-12 learning gardening or establishing more libraries throughout a city.

There are a few things to be taken into account:

1. Commercial activities of a CIC may not be beneficial for a community but profits that are made from those will serve its interests;

2. A CIC may still be involved in some commercial or trading activities (with making profit as a result) but the activity itself can benefit a community in various ways [7].

All said above is prescribed by following provisions of Companies Act 2004:

- any company that is intended to be established as a CIC or transformed into one must pass the community interest test, which shows “if a reasonable person might consider that its activities are being carried on for the benefit of the community” [4];

- ‘community’ must be interpreted widely and should not come down to, for instance, members of a particular organization: ‘community’ includes a section of the community (whether in Great Britain or anywhere else) [5].

Some may say that charities also deliver some kind of benefit using rather different ways. The point is that while a CIC is supposed to benefit a particular community (which, as it was said earlier, is distinguished by certain features), a charity organization is supposed to follow the requirement of public benefit provided that it goes within a charitable purpose [8].

As we started to review the nature of CIC, it can already be concluded that this legal form is pretty specific. Although it is said to be flexible, at the same time there are some restrictions which provide CIC the fulfillment of the main purpose - serving a particular community interests.

One of such features that specifies CIC’s nature is the Asset Lock.

Generally, the Asset Lock is a guarantee that the property a CIC owns or surplus and profit it makes will be used in the context of benefitting community. Its functions are:

1. keeping assets within a CIC, so they can be used to achieve the main goal a CIC was established for, and not distributing them to members or other parties;

2. transferring assets out of a CIC in case of its liquidation, if one of the following requirements is met:

- it is transferred to another body which is subject to the Asset Lock as well (e.g. another CIC, charity or a society that adopted the Asset Lock voluntarily). Such body may be specified in the Articles of association of a CIC in advance or another body with preliminary consent of the Office of the Regulator of CICs;

- it is transferred by its real market value;

- the transfer is made for the benefit of a particular community (also specified in the Articles of association) [9].

The Asset Lock is meant to be a fundamental characteristic of CIC as long as it assures investors and funders (potential ones also), as well as local authorities, that everything retained within a CIC will be devoted to serving community interests. Considering the importance of the Asset Lock feature any provisions regarding it must be included in the Articles of association.

Incorporation of a CIC shows its founders’ ability and readiness to serve community interests, take responsibility for it and not seek private gain. In order to control the way a CIC

manages to perform its functions of benefitting community, it must submit annual CIC Report. This Report lets the CIC Regulator see whether:

- a company's activities served community's interests in a proper way during the financial year;
- a CIC is still satisfying the community interest test [6].

Thus, the annual CIC Report is a separate document which shows how a company is doing as a CIC and whether it benefits the community.

Thus, a regular CIC is a company which being involved in trading and any commercial activities takes responsibility to serve interests of a particular community. It is clear that there are various statutory requirements to be followed by CICs, which specify the nature of this type of company and help provide the fulfillment of such a goal as benefitting community.

Considering all the features that are a part of CIC's nature, such legal form is perfect for running a business if a person or group of people:

- is ready to establish a limited company and work within general company law of the UK;
- seeks not private gain but strives to contribute to a community with good faith and diligence;
- is aware of the Asset Lock feature and ready to transfer remaining assets to another asset-locked organization, such as charities or other CICs;
- is ready to provide a public report on company's annual activity and therefore a proof of benefitting the community.

CIC and civil law of the Republic of Kazakhstan. The belonging of the UK and the Republic of Kazakhstan have different legal systems particularly results in difficulties when comparing various elements and institutes of both countries' legislation. Nevertheless, an attempt of comparing community interest companies to some legal forms that are present in civil law of the Republic of Kazakhstan (national civil law or civil law) has been made, and its outcomes are displayed in the Table 1.

But first it has to be mentioned that national civil law distinguishes two main types of legal entities, for-profit and non-profit ones [10]. In the UK law there is a distinction among three sectors within which various bodies and organizations perform their functions or run activities. These are public, private and third sector [11]. Obviously that CICs belong to the last one that can be described as independent from the government, social goals-oriented and not-for-profit.

It leads to a question as to how a CIC belongs to the third sector if it still can run a business (i.e., make profit) but is considered as a third sector organization. The point is that the profit a CIC gains and makes are supposed to be used to not for personal goals but to benefit and definite community. This is the reason why CIC is considered a social enterprise.

The same applies to a CIC if we analyze its nature in terms of national civil law. The Law On non-profit organizations states that a non-profit it organization can be engaged in commercial activity in the extent to which it is declared in its Articles of association [12].

In national civil law such a distinction is based on whether an organization makes profit or not. In the article 34 of the Civil Code of the Republic of Kazakhstan it is stated that a non-profit organization does not:

- 1) seek a profit-making as its main goal,
- 2) distribute profit among its members.

In the first part where the nature of CIC was analyzed it was mentioned that CIC needs to gain profit in order to use it for community interests. At the same time, it is not distributed among the members, although:

- if it is incorporated as a company limited by shares, dividends may be paid to shareholders providing some limitations and restrictions [4];
- regulations may authorize CICs to distribute its assets among members by making such

provisions [4].

Thus, despite some opinions on CIC being a hybrid organization [13], we tend to believe that CIC is a purely non-profit organization as long as it seeks and is generally incorporated for making private profit and distributing it among its members are not the main goal.

There is no legal form in civil law of the Republic of Kazakhstan to which the CIC institute could be compared. But let us see what forms of non-profit organizations can be confused with CIC due to some similarities.

Note. Comparison within the table is based on the following legislative acts:

1. Civil Code of the Republic of Kazakhstan (dated December 27, 1994);
2. The Law On non-profit organizations (dated January 16, 2001).

Table 1

CIC	Consumers cooperative
Profits made by a company are supposed to be used to benefit a particular community which is stated within Articles of association	Although there is a specific group of people (members) that are united under consumers cooperative by similar interests or needs, it does not form a community in the sense of what the UK company law imposes (art. 108 of Civil Code [10], art. 14 of the Law on Non-profit organizations [12])
CIC	Non-profit joint-stock company
If a CIC is incorporated as a company limited by shares, it can issue them and pay dividends to investors providing particular restrictions and limitations. It is based not only on need of raising money but attracting potential investors as well. Undoubtedly, this money will be used to serve community interests.	This organization can also issue shares in order to attract investments that will be used for the organization's development and growth (art. 16 of the Law On non-profit organizations [12]). However, in the sense of the UK company law, this organization form would not pass the community interest test.
Other forms of non-profit organizations	
According to art. 17 of the Law On non-profit organizations [12], non-profit organizations can be established in other than stated in the legislation forms providing the basic requirements for such organization. Some of them may have vague resemblance with CIC.	
<i>The National Chamber of entrepreneurs of the Republic of Kazakhstan</i>	
This is a non-profit organization with a wide range of functions; basically it is permitted to make profit providing particular services. If it was to pass the community interest test, then it would state to serve interests of countrywide entrepreneurs' community (both beginners and advanced ones) [14]. Thus, in a broad meaning this National Chamber may resemble CIC.	

For the last several years one of the most discussed topics has been social entrepreneurship [15][16][17]. Although there is not a huge number of entrepreneurs who strive to run a business in such direction, it is also not a small number of those who are ready to do so. The main problems entrepreneurs are constantly facing are:

- 1) absence of clear and comprehensive understanding of the social entrepreneurship concept;

2) as a result, absence of its proper legal regulation.

Those who have already been engaged in social entrepreneurship see themselves as people who are able to resolve issues within society by means of business solutions.

We believe that the adoption of the CIC institute from the UK company law may help filling in the legal gap of social entrepreneurship regulation. Thus, it may be described the following way:

1. People will still be engaged in a business activity calling themselves “entrepreneurs”;
2. Profit they make, assets they have, effort they put into what they do will benefit a group of people who share a group of common features or characteristics – a community;
3. This will result in increasing work places for people who not only simply need a job but those who want to work in dimension of benefitting a community;
4. People of a particular community will be able to not only receive help from social entrepreneurs but be involved in such activities themselves;
5. As a result, the number of employed and engaged in particular business people will increase which also will serve a goal of the government supporting business.

After all, the form of CIC may appear more attractive than charity in Kazakhstan simply because working in such organization a person will receive salary and conduct an activity that is socially useful and beneficial.

However, we cannot leave without any attention the economic background while adopting such legal form. Unfortunately, in the beginning there might be not very large number of people ready to run a business without gaining personal profit. They may find it easier to make periodical payments to different charity organizations rather than being a social entrepreneur. Nevertheless, the CIC structure lets provide persistence in benefitting a particular community while charities aren't always capable of ensuring such consistency.

Any legal amendments require not just an existence of a gap in regulations but first of all studying a social, economic and historical background. We hope that, even if the CIC institute cannot be implemented completely as is into national legislation, its general concept would help develop social entrepreneurship in the Republic of Kazakhstan.

Conclusion. CIC as a legal form has existed in the UK for more than ten years. Its clearly defined model is perfect for the social enterprise sector. What lies within this model we have learned by exploring not only legal basis but real cases as well. Among all the features of CIC the following ones uncover the nature of this legal form:

1. There is the primary goal of establishing a CIC – benefitting a particular community. It means that the activity conducted by a CIC or the results of this activity (profit that has been made or the process itself) must be advantageous for a community that was stated and fixed in Articles of association of the CIC;

2. A community is a group of people or part of society which shares some (or one) common features. Members or employers of the CIC cannot represent a community, it must be interpreted broader. There should not be any misunderstanding as long as before starting functioning as a CIC it must pass the community interest test;

3. Such constitutional feature as the Asset Lock provides the usage of CIC's assets and profits for community benefit. With the Asset Lock, CIC's assets cannot be distributed among its members, and in case of CIC's liquidation they may be transferred, for instance, to another asset-locked body. This feature fully guarantees CIC's benefitting a particular community;

4. In order to control the way a CIC serving interests of a community, it must submit annual Report which shows what activities were conducted by a CIC and how they benefitted the community. This Report is public which provides the transparency of CIC's functioning;

5. Despite the fact that a CIC can still be engaged in trading and commercial activities, it is purely a non-profit organization, both in the sense of the UK law and legislation of the Republic of

Kazakhstan. Although there is not an organization form completely identical to CIC, we were able to compare it to some forms of non-profit legal entities, such as a consumer cooperative and a non-profit joint-stock company, and find some common features. We suppose that the organization form of the National Chamber of entrepreneurs of the Republic of Kazakhstan is very close to CIC structure but there are some core distinctions as well. Moreover, considering the relatively small development of social entrepreneurship in the Republic of Kazakhstan, we dared to suppose that the CIC institute may somehow influence the faster growth of social entrepreneurship and even be used as a new legal form.

The following article is not claimed to be a fully conducted research, however, we hope that the results of issuing the CIC nature and its possible implementation into national legislation of the Republic of Kazakhstan may in some ways be useful for legal studies in the future.

References

- 1 11 things we learned about social enterprise in international development. - [Electron.resource] - URL: <https://www.theguardian.com/sustainable-business/2015/jul/02/11-things-we-learned-about-social-enterprise-in-international-development>. (accessed: 27.11.2019)
- 2 Analysis: The rise and rise of community interest companies. [Electron.resource]. – URL: <http://www.thirdsector.co.uk/analysis-rise-rise-community-interest-companies/governance/article/1348096> (accessed: 27.11.2019)
- 3 Office of the Regulator of Community Interest Companies: Information and guidance notes. Chapter 3. [Electron.resource]. – URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/524151/cic-12-1333-community-interest-companies-guidance-chapter-3.pdf. (accessed: 27.11.2019)
- 4 Companies (Audit, Investigations and Community Enterprise) Act 2004. [Electron.resource] – URL: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2004/27/pdfs/ukpga_20040027_en.pdf. (accessed: 27.11.2019)
- 5 Companies Act 2006. [Electron.resource]. – URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/46/section/6>. (accessed: 27.11.2019)
- 6 The Community Interest Companies Regulations 2005. [Electron.resource]. – URL: http://www.legislation.gov.uk/uksi/2005/1788/pdfs/uksi_20051788_en.pdf. (accessed: 27.11.2019)
- 7 Office of the Regulator of Community Interest Companies: Information and guidance notes. Chapter 2. [Electron.resource]. – URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/535836/12-1334-community-interest-companies-chapter-2-preliminary-considerations.pdf. (accessed: 27.11.2019)
- 8 Charities Act 2011. [Electron.resource]. – URL: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2011/25/pdfs/ukpga_20110025_en.pdf. (accessed: 27.11.2019)
- 9 Office of the Regulator of Community Interest Companies: Information and guidance notes. Chapter 6. [Electron.resource]. – URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/524154/14-1089-community-interest-companies-chapter-6-the-asset-lock.pdf. (accessed: 27.11.2019)
- 10 Civil Code of the Republic of Kazakhstan. [Electron.resource]. – URL: http://adilet.zan.kz/eng/docs/K940001000_. (accessed: 27.11.2019)
- 11 What are third sector organisations and their benefits for commissioners? [Electron.resource]. – URL: <https://www.nao.org.uk/successful-commissioning/introduction/what-are-civil-society-organisations-and-their-benefits-for-commissioners/>. (accessed: 27.11.2019)
- 12 Law On non-profit organizations. [Electron.resource]. – URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z010000142_. (accessed: 27.11.2019)

13 Heather Sertial. Hybrid Entities: Distributing Profits with a Purpose // Fordham Journal of Corporate & Financial Law. – Volume 17. Number 1. – 2012. – p. 286. [Electron.resource]. – URL: <https://ir.lawnet.fordham.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1300&context=jcfl>. (accessed: 27.11.2019)

14 Law On The National Chamber of entrepreneurs of the Republic of Kazakhstan. [Electron.resource]. – URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1300000129>. (accessed: 27.11.2019)

15 В Казахстане пробиваются первые ростки социального предпринимательства. [Electron.resource]. – URL: <http://www.zakon.kz/4693987-v-kazakhstane-probivajutsja-pervye.html>. (accessed: 27.11.2019)

16 Развитие социального предпринимательства: новый тренд экономики Казахстана. [Electron.resource]. – URL: https://baigenews.kz/special/poslanie_prezidenta_2018/razvitie_sotsialnogo_predprinimatelstva_novii_trend_ekonomiki_kazahstana. (accessed: 27.11.2019)

17 Социальное предпринимательство в Республике Казахстан: проблемы и перспективы развития. – Креативная экономика. – Т. 13. – 2. – с. 231-238. [Electron.resource]. – URL: https://www.researchgate.net/publication/331807089_Socialnoe_predprinimatelstvo_v_Respublike_Kazahstan_problemy_i_perspektivy_razvitiya. (accessed: 27.11.2019)

Д.М. Каматова

Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Нұр-Сұлтан, Қазақстан

Қоғамдық мүдделер компаниялардың табиғаты: жалпы шолу

Андатпа. Бұл мақалада ағылшын корпоративтік құқықтағы community interest company – «қоғамдық мүдделер компаниясы» деген заңды тұлғаның табиғаты ретінде қарастырылды. Зерттелген мәселенің ерекшелігіне орай автор ағылшын құқық шеңберінде осы компания түрінің табиғатын анықтау, сондай-ақ оны Қазақстан Республикасының азаматтық заңнамасында коммерциялық емес заңды тұлғалардың нысандарымен салыстыру деген қосарлы мақсатты көздейді. Қоғамдық мүдделер компанияларының ерекшелігі олардың қызметінің негізгі мақсатында байқалады. Бұл мақсат нақты қоғамдастыққа, яғни айқын бір белгі бойынша біріктірілген адамдар тобына пайда келтіру болып табылады. Зерттеу мәселесінің мәнінен туындайтын Қазақстан Республикасының азаматтық заңнамасына коммерциялық емес ұйымның қоғамдық мүдделер компания деген нысанды имплементациялау перспективалары туралы айтылады. Зерттеу Біріккен Корольдіктің және Қазақстан Республикасының корпоративтік заңнамасын талдауда және салыстыруда негізделді. Пайдаланған әдістер ұлттық заңнамада заңды тұлғаның қоғамдық мүдделердің компаниясына толығымен ұқсас нысаны жоқ деген қорытындыға келуге мүмкіндік берді. Бұл ретте осы компания түрінің заңнамалық имплементациясы бірінші кезекте қазақстандағы әлеуметтік кәсіпкерліктің неғұрлым жылдам дамуына ықпал етуі мүмкін, оған тұтастай алғанда қазақстандық қоғам, сондай-ақ мемлекеттің өзі де мүдделі.

Түйін сөздер: қоғамдық мүдделер компаниясы, корпоративтік құқық, ағылшын құқық, азаматтық құқық, заңды тұлға, коммерциялық емес ұйым, әлеуметтік кәсіпкерлік.

Д.М. Каматова

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Нур-Султан, Казахстан

О природе компаний общественных интересов: общий обзор

Аннотация. В настоящей статье рассматривается природа такой формы юридического лица в английском корпоративном праве, как community interest company – «компания общественных интересов». Специфика изученного вопроса обуславливает двойную цель настоящего исследования: раскрыть природу данного вида компании в английском праве, а также сопоставить ее с существующими в гражданском законодательстве Республики Казахстан формами некоммерческих юридических лиц.

Особенность компаний общественных интересов заключается в основной цели их деятельности – принести пользу конкретному сообществу, т.е. группе людей, объединенной по определенному признаку. Вытекающий из существа проблемы исследования вопрос о перспективах имплементации такой формы некоммерческой организации в гражданское законодательство Республики Казахстан также рассмотрен в рамках данной статьи. Исследование основывается главным образом на анализе и сравнении корпоративного законодательства Соединенного Королевства и Республики Казахстан. Использованные методы позволили прийти к выводу о том, что в национальном законодательстве отсутствует форма юридического лица, полностью идентичная компании общественных интересов. При этом законодательная имплементация последней в первую очередь может способствовать более быстрому развитию социального предпринимательства в Казахстане, в чем заинтересовано как казахстанское общество в целом, так и само государство.

Ключевые слова: компания общественных интересов, корпоративное право, английское право, гражданское право, юридическое лицо, некоммерческая организация, социальное предпринимательство.

References

- 1 11 things we learned about social enterprise in international development. [Electron.resource]. Available at: <https://www.theguardian.com/sustainable-business/2015/jul/02/11-things-we-learned-about-social-enterprise-in-international-development>. (accessed: 27.11.2019)
- 2 Analysis: The rise and rise of community interest companies. [Electron.resource]. Available at: <http://www.thirdsector.co.uk/analysis-rise-rise-community-interest-companies/governance/article/1348096> (accessed: 27.11.2019)
- 3 Office of the Regulator of Community Interest Companies: Information and guidance notes. Chapter 3. [Electron.resource]. Available at: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/524151/cic-12-1333-community-interest-companies-guidance-chapter-3.pdf. (accessed: 27.11.2019)
- 4 Companies (Audit, Investigations and Community Enterprise) Act 2004. [Electron.resource]. Available at: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2004/27/pdfs/ukpga_20040027_en.pdf. (accessed 27.11.2019)
5. Companies Act 2006. [Electron.resource]. Available at: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/46/section/6>. (accessed: 27.11.2019)
- 6 The Community Interest Companies Regulations 2005. [Electron.resource]. Available at: http://www.legislation.gov.uk/uksi/2005/1788/pdfs/uksi_20051788_en.pdf. (accessed: 27.11.2019)
- 7 Office of the Regulator of Community Interest Companies: Information and guidance notes. Chapter 2. [Electron.resource]. Available at: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/535836/12-1334-community-interest-companies-chapter-2-preliminary-considerations.pdf. (accessed: 27.11.2019)
- 8 Charities Act 2011. [Electron.resource]. Available at: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2011/>

25/pdfs/ukpga_20110025_en.pdf. (accessed: 27.11.2019)

9 Office of the Regulator of Community Interest Companies: Information and guidance notes. Chapter 6. [Electron.resource]. Available at: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/524154/14-1089-community-interest-companies-chapter-6-the-asset-lock.pdf. (accessed: 27.11.2019)

10 Civil Code of the Republic of Kazakhstan. [Electron.resource]. Available at: http://adilet.zan.kz/eng/docs/K940001000_. (accessed: 27.11.2019)

11 What are third sector organisations and their benefits for commissioners? [Electron.resource]. Available at: <https://www.nao.org.uk/successful-commissioning/introduction/what-are-civil-society-organisations-and-their-benefits-for-commissioners/>. (accessed: 27.11.2019)

12 Law On non-profit organizations. [Electron.resource]. Available at: http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z010000142_. (accessed: 27.11.2019)

13 Heather Sertial. Hybrid Entities: Distributing Profits with a Purpose // Fordham Journal of Corporate & Financial Law. – Volume 17. Number 1. – 2012. – p. 286. [Electron.resource]. Available at: <https://ir.lawnet.fordham.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1300&context=jcfl>. (accessed: 27.11.2019)

14 Law On The National Chamber of entrepreneurs of the Republic of Kazakhstan. Available at: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1300000129>. (accessed: 27.11.2019)

15 V Kazakhstane probivaiutsya pervye rostki sosialnogo predprinimatelstva [The first sprouts of social entrepreneurship are making their way in Kazakhstan]. [Electron.resource]. Available at: <http://www.zakon.kz/4693987-v-kazakhstane-probivajutsja-pervye.html>. (accessed: 27.11.2019)

16 Razvitie sosialnogo predprinimatelstva: novyi trend eonomiki Kazakhstana [Development of social entrepreneurship: a new trend in the economy of Kazakhstan]. [Electron.resource]. Available at: https://baigenews.kz/special/poslanie_prezidenta_2018/razvitie_sotsialnogo_predprinimatelstva_novii_trend_ekonomiki_kazahstana. (accessed: 27.11.2019)

17 Sosialnoe predprinimatelstva Respublike Kazakhstan: problemy i perspektivy razvitiya [Social entrepreneurship in the Republic of Kazakhstan: problems and development prospects]. Kreativnaya eonomika [Creative economy]. – T. 13. – 2. – с. 231-238. [Electron.resource]. Available at: https://www.researchgate.net/publication/331807089_Socialnoe_predprinimatelstvo_v_Respublike_Kazahstan_problemy_i_perspektivy_razvitiya. (accessed: 27.11.2019)

Сведения об авторе:

Каматова Д.М. – магистр юридических наук, преподаватель кафедры международного права юридического факультета, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Сатпаева, 2, Нур-Султан, Казахстан.

Kamatova D.M. – master of laws, lecturer at Department of International Law of Faculty of Law, L.N. Gumilyov Eurasian National University, 2 Satpayev str., Nur-Sultan, Kazakhstan.

МРНТИ 10.77.51, 10.87.51.

А.С. Майканов

*Казахский гуманитарный-юридический инновационный университет, Семей,
Казахстан*

(E-mail: maikanov.kz@gmail.com)

Противодействие финансированию терроризма: национальный и международный опыт

Аннотация. Актуальностью научной статьи является то, что в современное время проблемы противодействия финансированию терроризма приобрели особую значимость. Террористическая деятельность признается в числе особо опасных, сложно предсказываемых преступлений современности, которые касаются интересов всех кругов общества вне зависимости от их социального положения и национальной принадлежности. Предметом исследования является система финансирования терроризма в ее широком контексте, включая источники, каналы и субъекты финансирования. Признавая финансирование терроризма в качестве самостоятельной предметной области, требующей отдельного внимания международного сообщества, автор уделяет особое внимание ключевым трендам в финансировании терроризма. Известные события, происходящие в настоящее время в Сирии и Ираке, связанные с борьбой с террористической организацией с так называемым «Исламским государством», активизировались террористические акты в европейских государствах, да и по всему миру (США, Египет, Индонезия и др.) - все это требует неотложных противодействий со стороны государства, призывает мобилизовать все средства для пресечения террористических актов.

Основной целью автора статьи является обобщение проблемы современного международного терроризма на практической основе, его сущностных черт, особенностей функционирования с привлечением конкретных примеров его проявления, как в мире, так и в Республике Казахстан.

Методологической и теоретической основой явились общие методы исследования социальных объектов, а именно, структурно-функциональный анализ, системный подход, общенаучные принципы анализа социальных процессов и явлений.

Ключевые слова: финансирование терроризма, Организация Объединенных Наций, Совет безопасности, внешнеполитическая деятельность, Контртеррористический комитет, Интерпол, противодействие терроризму.

DOI:<https://doi.org/10.32523/2616-6844-2019-129-4-43-50>

Казахстан активно осуществляет сотрудничество в международных организациях. Формирование внешнеполитической деятельности Казахстана на международном уровне в составе международных органов было начато с 1992 года, при вхождении нашей страны в Организацию Объединенных Наций (ООН). Указанная организация объективно существовала не только как орган координирования коллективных действий стран, но и как важнейший источник познаний в деле государственного строительства и его модернизации.

М. Залиханов отмечает, что: «Сотрудничество ООН с ее партнерами в вопросе поддержания международной безопасности и мира регулируется четко прописанными положениями главы VIII Устава ООН. Главная ответственность при этом лежит на Совете Безопасности ООН. Именно он должен санкционировать любые действия по обеспечению мира, включая и те, которые предпринимаются региональными механизмами. ООН и ее специализированные учреждения гуманитарного и социально-экономического сектора призваны играть ведущую координирующую роль в искоренении питательной среды конфликтов, их предупреждении, а также постконфликтном восстановлении» [1, с. 214].

Эта глобальная структура борьбы с терроризмом должна создаваться на крепкой ос-

нове международного права при согласовывающей роли ООН с учетом и главной ответственности и полномочий Совета Безопасности ООН в вопросах поддержания международной безопасности и мира.

Центральная роль ООН в противодействии с терроризму обусловливается множеством факторов: мировым положением ООН, известным наработанным опытом, ее авторитетом, в том числе по решению проблем противодействия терроризму. Увеличить эффективность противодействия международному терроризму возможно лишь при сохранении посредством системы ООН всеобщей политической воли и сплоченности деятельности к проблеме всего мирового сообщества.

Явление последних лет - энергичность Совета Безопасности ООН в борьбе с террористической преступностью.

Резолюция №1269 фактически является новой эпохой в истории Совета Безопасности, она стала преамбулой его системной деятельности по противоборству с террористической преступностью. Важнейшей вехой на этом пути также стали резолюции №1373 2001 года и №1566 2004 года. Резолюция №1373 войдет в историю в связи с тем, что квалифицировала террористические акты как угрозу международной безопасности и миру и переместила этим антитеррористическое взаимодействие под неукоснительную к исполнению для всех стран главу 7 Устава ООН.

Подключение Совета Безопасности к антитеррористической работе укрепило роль ООН в борьбе с терроризмом в целом.

С основанием Советом Безопасности Контртеррористического Комитета (КТК) был создан метод всестороннего мониторинга за обеспечением странами-членами ООН обязательств по основным 12 контртеррористическим конвенциям.

Развиваются и иные мониторинговые методы Совета Безопасности в антитеррористическом направлении. К примеру, КТК, действующий согласно резолюции №1267 Совета безопасности, несет ответственность за соблюдение режима санкций согласно собираемому им списку преступных членов движения «Талибан» и «Аль-Каиды», а также причастных к их преступным деяниям юридических и физических лиц, других структур. Главная функция КТК, организованного по резолюции №1540, - установление заслона для оружия массового уничтожения, с тем чтобы оно не могло попасть в руки негосударственных организаций, криминальных элементов и в первую очередь террористов [2, с. 21].

Антитеррористические резолюции Совета, деятельность Комитета и других его мониторинговых функций во многом способствовали улучшению конвенционных правовых норм и их реализации большинством стран.

Особо это ощутимо на направлении противодействия финансированию терроризма, где во взаимодействии с ФАФТ и Группой контртеррористических действий, работающей под руководством «большой восьмерки», удалось надстроить главные параметры отвечающей конвенции ООН 1999 года и образовать действенную международную систему противоборства финансовым подпиткам террористической преступности.

Под руководством КТК, во взаимодействии с соответствующими органами «большой восьмерки», региональные организации сформировали новые направления - оказание помощи развивающимся государствам в наращивании их антитеррористической возможности, подтягивание их на высокий уровень сотрудничества в противостоянии терроризму, основные направления которого устанавливаются антитеррористической коалицией стран.

Республика Казахстан в составе ООН реализовывает деятельное взаимодействие с другими государствами путем предоставления национальных отчетов Контртеррористическому комитету Совета Безопасности ООН о выполняемой в республике контртеррористической деятельности по вопросам исполнения резолюции Совета Безопасности ООН № 1374 от 2001 года, производится обмен данными по осуществлению противодействия

терроризму в других странах. На основании Постановления Правительства РК «О мерах по выполнению резолюции Совета Безопасности ООН №1374 от 28 сентября 2001 года», утвержденного 15 декабря 2001 года № 1644 [3], официальным органам Казахстана вверено выполнить обязательные меры по недопущению и противодействию терроризму. После утверждения указанной резолюции и с учетом руководящих принципов и положений Комитета Совета Безопасности ООН по противодействию терроризму утвержден Закон РК «О внесении дополнений и изменений в некоторые нормативные акты РК по вопросам противодействия терроризму», в том числе в Закон РК «О противодействии терроризму» и Уголовный Кодекс РК, определяющий ужесточение степени наказания и уголовной ответственности за организацию, управление и соучастие в террористических актах.

Совет Безопасности ООН каждый год предоставляет Казахстану списочный состав международных террористических объединений, иностранных террористов и сведения о юридических и физических лицах, на основании банковских финансовых счетов которых возможно осуществление финансирования международного терроризма. На основании этого постоянный Представитель Республики Казахстан при ООН в ежегодном отчете Контртеррористическому комитету Совета Безопасности ООН информирует об итогах проверки переданных списков.

Наша республика также занимает активную позицию по отношению к ООН, иницируя организацию осуществлять наиболее деятельные влияния в сфере противодействия международному терроризму. Это крайне необходимо в горячих террористических местах Центральной Азии, где ООН располагается не на стержневых позициях. Мы поддерживаем точку зрения М.С. Ашимбаева, полагающего, что: «В ближайшие 4-5 лет будет несколько пересматриваться роль ООН и других международных организаций, обеспечивающих безопасность» [4, с.57].

Казахстан нередко представляет в ООН и интересы таких организаций, как СНГ, ОДКБ, ШОС, предоставляя доклады в сфере противодействия международному терроризму и безопасности в Центральной Азии на общих дебатах и заседаниях Совета Безопасности ООН по указанной проблематике. В данных докладах Казахстан нередко берет на себя полномочия за содействие региональной организации по тем или иным действиям Контртеррористического комитета Совета Безопасности ООН, предлагает помощь в сфере противодействия терроризму от имени организаций, расположенных в каких-либо регионах. В дальнейшем Казахстан реализовывает надлежащую политику в региональных организациях с целью исполнения рекомендаций Совета Безопасности ООН, возложенных на подобных заседаниях Республике Казахстан.

Созданный в 1993 году Национальный центр бюро Интерпола Республики Казахстан (НЦБИ РК) на самом деле доказывает, что является обязательной структурой в отечественной системе правоохранительных органов страны, и его роль в противодействии с преступностью крайне значительна.

Твердо можно сказать, что вхождение Казахстана в состав Интерпола и основание НЦБИ РК дали возможность нашей стране исполнять существенный объем взаимодействия и сотрудничества правоохранительных органов Казахстана с международными коллегами в составе данной солидной международной организации.

Возникла реальная возможность через Бюро принимать копии разнообразных документов, адресовать запросы, находить места пребывания разыскиваемых лиц и т.п. В современное время НЦБ Интерпола в Казахстане осуществляет деловое сотрудничество с правоохранительными органами 47 государств, стремясь поднять эффективность своей деятельности посредством выгодного для всех взаимобмена [5].

НЦБИ РК входит в структуру МВД РК и уполномочено обеспечивать международное взаимодействие подразделений органов внутренних дел с соответствующими органами

стран-членов Интерпола в противодействии преступности, в обеспечении национального законодательства, принципов и норм международного права и общепризнанных свобод и прав человека и гражданина. В общем, НЦБИ РК руководствуется в своей работе законодательством и другими правовыми актами Казахстана, международными документами, ратифицированными нашей страной, Уставом, приказами и инструкциями МВД РК и Положением о Национальном центральном бюро Интерпола в Республике Казахстан [6].

Изучение совершенных в недавнем прошлом террористических актов характеризуется ростом тенденции политизации. Невозможно не обнаружить и тот факт, что в современное время из-за принятия ошибочных управленческих, а иногда и политических решений по социальным, правовым, экономическим и иным проблемам, прямо относящимся к жизнедеятельности какого-либо государства, совершается процесс объединения террористов, производимый под призывом национально-освободительного движения, с определенными политическими задачами. Если в свое время политические террористы не относились к криминальным лицам, то на сегодня политический терроризм целиком и полностью объединяется с уголовной преступностью.

Деятельность государств СНГ и Республики Казахстан в его составе со странами, входящими в структуру Интерпола, показала, что региональные и универсальные соглашения сами не могут обеспечить эффективной и всеобъемлющей борьбы с международной преступностью. Первопричиной такого положения дел является отсутствие в правовых нормах стран единообразной регламентации пресечения и предупреждения организованной транснациональной преступности. Важнейшим методом их реализации и являются международные договоры. Тут речь может идти об унификации правовых норм стран, входящих в состав Интерпола, по вопросам борьбы с международной преступностью.

Казахстан с января 1992 года стал полноправным членом ОБСЕ. Вхождение в данную организацию было принято из-за стремления нашей страны деятельно участвовать в общеевропейской политической жизни, позволяющей формировать и реализовывать на практике позиции, озвученные в Хельсинском заключительном акте 1975 года и иных нормативных документах организации. В январе 1999 года в г. Алматы был открыт Центр ОБСЕ.

Нами предлагается тезис о том, что образование Евразийской группы (ЕАГ) по борьбе с легализацией преступно добытых доходов и финансированием терроризма, которое было предложено Республикой Казахстан для разработки эффективных подходов к реализации приоритетных задач ЕАГ с учетом национальных интересов, поможет повышению авторитета Евразийской группы и Казахстана по вопросам взаимодействия и сотрудничества с профильными региональными и международными структурами в сфере противодействия финансированию терроризма.

Существенную роль в реализации стратегии противодействия международному терроризму играет НАТО, но не только в виде боевой, военной силы, а с учетом совершенствования на сегодняшний день стратегии НАТО, с потенциальным формированием так называемых «специальных антитеррористических возможностей».

Развитию международного сотрудничества государств будет оказывать содействие создание в составе ОБСЕ по координации противодействия организованной преступности и другим особо опасным видам уголовных правонарушений на территории стран-участников СНГ регионального подразделения по координации противодействия незаконному обороту прекурсоров и наркотиков и его структурной оперативной группы в Центральном-Азиатском направлении.

Проблемы противодействия международному терроризму причисляют к числу особо актуальных и важных для стран-участников СНГ. Формы, принципы и направления сотрудничества в противодействии международному терроризму обязаны применяться с учетом характерных особенностей СНГ. Так, можно было бы дифференцировать принцип партнерства.

Улучшение сотрудничества государств СНГ в противодействии международному терроризму может производиться по нескольким направлениям. В связи с этим нужно сконцентрировать усилия на совершенствовании законов в данной области. Второе направление роста эффективности сотрудничества в противодействии международному терроризму - совершенствование управленческой деятельности. Важнейшая роль в этом процессе отводится Антитеррористическому центру СНГ. Необходимо обеспечивать его адаптацию к стремительно меняющейся тактике и стратегии международного терроризма.

Модельный закон стран-участников СНГ по проблемам противодействия финансированию терроризма выступает как динамично развивающийся и развернутый комплекс правовых норм, который периодически совершенствуется с учетом современной динамики и тенденции террористической деятельности в странах всего мира. Он формирует твердый фундамент для соотношения законодательства в странах-участниках СНГ в области противодействия финансированию терроризма на начале общих универсальных принципов, особенностей национального законодательства и норм международных актов.

Таким образом, в заключении научной статьи, мы пришли к следующим выводам и предложениям:

1. С учетом большой общественной опасности преступлений, связанных с «финансированием терроризма», для нормального функционирования международных отношений, необходимо отнести такие противоправные деяния к международным преступлениям с определением его к юрисдикции Международного уголовного суда.

- Субъектами преступного деяния деяния - «финансирование терроризма» могут быть несколько государств, их организации и государственные служащие, а также неправительственные органы и частные лица, преследующие свои преступные цели.

2. Целесообразно принять за основу существующие в Европейском Союзе стандарты противодействия финансированию террористических организаций для создания международных принципов борьбы указанным преступным деяниям на универсальном статусе.

3. Международным организациям не удастся сейчас достичь согласия в отношении проблемы, решение которой могло бы дать законодательное право относить ту или иную группировку или организацию к террористической. Используемый во многих понятиях международного терроризма метод определения политических целей не дает возможность отличить его от иных видов политической организации, к примеру, от национально-освободительной деятельности.

4. В настоящее время международный терроризм тесно переплетен с процессами глобализации, ряд из них содействуют формированию отдельных аспектов терроризма на международном уровне, так, например, террористы установили между собой тесные связи на национальном, региональном и глобальном уровнях, кроме этого, наблюдается взаимодействие транснациональной преступности с международным терроризмом.

5. Одним из преград на пути установления эффективного международного сотрудничества как ключевого вопроса в противодействии международному терроризму, как показало исследование механизмов и форм борьбы с таким явлением, одним из преград на указанном пути является неконкретное формирование концептуальных правовых норм данного сотрудничества, тогда как они должны четко и недвусмысленно включать в себя основные принципы, формы и направления взаимодействия.

Список литературы

- 1 Залиханов М., Лосев К., Шелехов А. Современный терроризм в свете экологической безопасности // Безопасность Евразии. - 2005. - № 4. - С.213-227.
- 2 Устинов В.В. Международный опыт борьбы с терроризмом: стандарты и практика. – М.: Юрлитинформ, 2002. – 560 с.
- 3 Постановление Правительства Республики Казахстан №1644 от 15 декабря 2001 года «О мерах по выполнению резолюции Совета Безопасности ООН №1373 от 28 сентября 2001 года». - [Электрон.ресурс]. - URL: <http://www.government.kz> (дата обращения: 21.12.2019).
- 4 Ашимбаев М.С. Политический транзит: от глобального к национальному измерению. - Астана: Ел орда, 2002. – 304 с.
- 5 Макулжан М. Национальное центральное бюро Интерпола – достаточно уникальное подразделение. [Электрон.ресурс]. - URL: <http://www.interfax.kz> (дата обращения: 24.12.2019).
- 6 Приказ МВД РК № 477 от 29 июля 2014 г. «Об утверждении Положения о Национальном Центральном бюро Интерпола в Республике Казахстан». [Электрон.ресурс]. - URL: <http://www.online.zakon.kz> (дата обращения: 26.12.2019).

А.С. Майқанов

Қазақ инновациялық гуманитарлық-заң университеті, Семей, Қазақстан

Терроризмді қаржыландыруға қарсы іс-қимыл саласындағы Қазақстан Республикасының халықаралық ынтымақтастығы

Аңдатпа. Ғылыми мақаланың өзектілігі қазіргі уақытта лаңкестікке қарсы іс-қимыл мәселелері әлемдік қоғамда ерекше маңызға ие болды. Террористік іс-әрекет әлеуметтік жағдайы мен ұлтына қарамастан қоғамның барлық топтарының мүдделеріне қатысты қазіргі заманғы аса қауіпті, күрделі болжанатын қылмыстардың қатарында танылады. Терроризм бүкіл әлемде таралу ауқымына қауіп төндіретін әртүрлі түрге айналады. Террористік шабуылдар жаһандық қираулар мен жаппай адам құрбандарына алып келеді, елдер арасында дұшпандық әлемдік жағдай туғызады, соғысты арандатады. Оларды жасау қауіпі қоғамды үздіксіз кернеуде, ал адамдарды қорқынышта ұстайды. Қазіргі уақытта Сирия мен Иракта болып жатқан «Ислам мемлекеті» деп аталатын террористік ұйыммен күреске байланысты белгілі оқиғалар Еуропа мемлекеттерінде және бүкіл әлем бойынша (АҚШ, Египет, Индонезия және т.б.) террористік актілер жанданды, бұл мемлекеттен шұғыл қарсы тұруды талап етеді, террористік актілердің жолын кесу үшін барлық құралдарды жұмылдыруға шақырады.

Мақала авторының негізгі мақсаты қазіргі халықаралық терроризмнің мәселелерін практикалық негізде жинақтау, оның мәні, оның әлемдегі және Қазақстан Республикасындағы көріністерінің нақты мысалдарын алға тарта отырып, қызмет ету ерекшеліктерін анықтау болып табылады.

Әлеуметтік нысандарды зерттеудің жалпы әдістері, атап айтқанда, құрылымдық-функционалдық талдау, жүйелік көзқарас, әлеуметтік процестер мен құбылыстарды талдаудың жалпы ғылыми принциптері әдіснамалық және теориялық негіз болып табылады.

Түйін сөздер: терроризмді қаржыландыру, Біріккен Ұлттар Ұйымы, Қауіпсіздік кеңесі, сыртқы саяси қызмет, терроризмге қарсы комитет, Интерпол, терроризмге қарсы іс-қимыл.

A.S. Maikanov

Kazakh Humanitarian Law Innovative University, Semei, Kazakhstan

International cooperation of the Republic of Kazakhstan in countering the financing of terrorism

Abstract. The relevance of the scientific article is that in modern times, the problems of countering terrorism have acquired a special significance in the world society. Terrorist activity is recognized as one of the most dangerous, difficult to predict crimes of our time, which concern the interests of all circles of society, regardless of their social status and national identity. Terrorism is being transformed into an increasingly diverse form with an alarming spread throughout the world. Terrorist attacks cause global destruction and mass loss of life, create a hostile world situation between countries, provoke wars. Threats to commit them continuously keep society in suspense, and people in fear. The well-known events currently taking place in Syria and Iraq, related to the fight against the terrorist organization so-called «Islamic state», intensified terrorist acts in European countries, and around the world (the United States, Egypt, Indonesia, etc.), which requires urgent counteraction from the state, call for mobilization of all means to prevent terrorist acts.

The main purpose of the author of the article is to generalize the problem of modern international terrorism on a practical basis, its essential features, features of functioning with the involvement of specific examples of its manifestation, both in the world and in the Republic of Kazakhstan.

The methodological and theoretical basis was the General methods of research of social objects, namely structural and functional analysis, system approach, General scientific principles of analysis of social processes and phenomena.

Keywords: financing of terrorism, United Nations, security Council, foreign policy, counter-terrorism Committee, Interpol, counter-terrorism.

Referenses

- 1 Zalihanov M., Losev K., Shelehov A. Sovremennyy terrorizm v svete ekologicheskoi bezopasnosti [Modern terrorism in the light of environmental security], Bezopasnost Evrazii [Security Of Eurasia] (4, 213-227, (2005).
- 2 Ustinov V.V. Mejdynarodnyy opyt borby s terrorizmom: standarty i praktika [International experience in the fight against terrorism: standards and practices] (Iyrlitinform, Moscow, 2002, 560 p.)
- 3 Postanovlenie Pravitelstva Respubliki Kazahstan №1644 ot 15 dekabria 2001 goda «O merah po vypolneniiy rezolytsii Soveta Bezopasnosti OON №1373 ot 28 sentiabria 2001 goda». [Resolution of the Government of the Republic of Kazakhstan No. 1644 of 15 December 2001 «On measures to implement UN Security Council resolution No. 1373 of 28 September 2001»]. [Electron.resource]. Available at: <http://www.government.kz> (accessed: 21.12.2019).
- 4 Ashimbaev M.S. Politicheskii tranzit: ot globalnogo k natsionalnomy izmereniy. [Political transit: from the global to the national dimension] (El orda, Astana, 2002, 304 p.).
- 5 Makyljan M. Natsionalnoe tsentralnoe byuro Interpola – dostatochno ynikalnoe podrazdelenie. [The national Central Bureau of Interpol is a rather unique division]. [Electron.resource]. Available at: <http://www.interfax.kz> (accessed: 24.12.2019).
- 6 Prikaz MVD RK № 477 ot 29 iyulia 2014 g. «Ob yтверjdenii Polojeniia o Natsionalnom Tsentralnom byuro Interpola v Respublike Kazahstan». [Order of the Ministry of internal Affairs of the Republic of Kazakhstan No. 477 dated July 29, 2014 «On approval of the Regulations on the national Central Bureau of Interpol in the Republic of Kazakhstan»]. [Electron.resource].

Available at: <http://www.online.zakon.kz> (accessed: 26.12.2019).

Сведения об авторах:

Майканов А.С. - PhD докторант Казахского гуманитарного-юридического инновационного университета, Семей, Казахстан.

Maikanov A.S. - PhD student at Kazakh Humanitarian Law Innovative University, Semei, Kazakhstan.

IRSTI 10.15.91

Enkhtsetseg Sukhbaatar

National Legal Institute of Mongolia, Ulaanbaatar, Mongolia

The constitutional review in the worldwide countries, issues of development and improvement

Abstract: In this article, the first formation of constitutional jurisdiction in the world is closely connected with the history of constitutional control in Europe. One of the sources of the constitution is the desire of monarchs to limit their absolute powers, and the basis of any political system should be the recognition of fundamental human rights, as well as the right to freedom and property. This indicates that these rights can be properly implemented if they are guaranteed and protected by a clear and written constitution. These rights must also be protected by the state itself. In a modern state governed by the rule of law, the first remedies are judicial and constitutional justice. A constitutional review was made with the introduction of written constitutions, and it was clear that the highest form of legal protection of the constitution could also violate the constitution through government regulations.

Key words: formation of constitutional competence, judicial justice, world constitution.

DOI: <https://doi.org/10.32523/2616-6844-2019-129-4-51-57>

The first formation of the constitutional jurisdiction in the world is inseparable with the history of Constitutional review in the European countries. One source of constitutionality is the tendency to limit the absolute powers of monarchs. The basis for any political system must be the recognition of basic human rights, and personal freedom and private property. These rights are possible to be implemented appropriately when the rights are guaranteed and protected by the material and written constitutionality. Above rights have to be protected even against the State itself. In a contemporary State governed by the rule of law, the first legal remedies are the judiciary and constitutional justice. The constitutional review was established with the introduction of written constitutions, and is the highest form of the legal protection of constitutionality was introduced the realization that regulations of State bodies can also violate the constitution. Historical steps in the development of systems of constitutional review: 1. Up to the World war I 2. The development between the two wars /Austrian era/ 3. The development after World war II 4. A new period of development in the 70's 5. The development in the New Democracy countries 1. The development up to World War I Certain elements of constitutional review go back as far as the year 1180, i.e. to the old German Reich. At first the corresponding judicial bodies dealt primarily with jurisdictional disputes between individual rulers and partly even with infringements of rights. Certain elements of constitutional review kept emerging under different forms throughout German legal history, until it was introduced in the present sense of the word with the Weimar Constitution. Some initial elements of constitutional review can be seen already in the Federal Constitution of Switzerland of 1848, Norway dating from 1890. Romania introduced constitutional review before World War I following the American model. While the modern English legal system knows no constitutional review. English legal history does include some of its elements, i.e. the principle of the supremacy of the Constitution dates back to 1610 and is of essential significance for the development of constitutional review in England. Another example of an English contribution to this development is the impeachment originating in the late Middle Ages. Ideas about the supremacy of the Constitution and the right to judicial review spread from England over to the United States. The decisive impact on the development of constitutional review was exerted by the famous Marbury v. Madison Case 1803. The Supreme Court arrogated the power of judicial

review concerned with the conformity of statutes with the Constitution. This gave a basis for the enforcement of the power of the American Supreme Court to carry out the judicial review of statutes. 2. The development between the 2 wars /»the Austrian period«/ The Constitution of 1920 marks the foundation of the Austrian Constitutional Court with the exclusive power to review the constitutionality of statutes (at first, however, only of a preventive nature), following the work of the Austrian legal theorists Adolf Merkl and Hans Kelsen. The Austrian model, before World War II constitutional review was introduced in the following countries: Czechoslovakia(1920), Liechtenstein (1925), Greece (1927), Egypt (1941), Spain (1931) and Ireland (1937). 3. The development after World WarII From the theoretical point of view, the constitutional review was able to develop only when instead of the principle of the sovereignty of the Parliament there prevailed the idea of the supremacy of the Constitution and where constitutional review is performed by a special body, independent of the legislative and executive power. On the other hand, constitutional review also involves the principle of 58 the vertical separation of powers. Therefore, most countries introduced constitutional review directly after World War II (previously this had been a specialty of American law), including Brazil (again in 1946), Japan (1947), Burma/ Myanmar (1947). Italy (1948), Thailand (1949), Germany (1949), India (1949), France (1958), Luxembourg, Syria (1950) and Uruguay (1952). In addition, constitutional review spread with different practical efficiency in Asia, Central and South America and Africa. 4. A new period of Development in the 70's This period was marked with political changes in certain South European countries which introduced constitutional review upon the abolition of dictatorships: Greece (1968), Spain (1978), and Portugal (1976). In this period constitutional review was also introduced in the following countries: Cyprus (i960), Turkey • 1961). Algeria (1965), former Yugoslavia (1965), as well as in Slovenia and other federal units of the former Yugoslavia (1963). 5. The development in the New Democracy countries Subsequent development involves the introduction of constitutional review in the central and Eastern European countries and the Commonwealth of Independent States. The introduction of constitutional review entails the dissolution of the former principle of the unity of powers, in view of which the then socialist systems as a rule did not have any constitutional review. From the institutional point of view, it is possible to distinguish different MODELS of constitutional/judicial review, as follows: 1/ The «American» - judicial Review Model (based on the Marbury Case (1803), dealt with by the Supreme Court of the United States, and on John Marshall's doctrine), where under constitutional matters are dealt with by all ordinary courts (a decentralized or diffuse or dispersed review) under ordinary court proceedings. It is a specific and a posteriori review, whereby the Supreme (high) Court in the system provides for the uniformity of jurisdiction. This system was adopted by the following countries: In Europe: Denmark, Estonia, Ireland, Norway, Sweden; In Africa: Botswana, Gambia, Ghana, Guinea. Kenya, Malawi, Namibia, Nigeria, the Seychelles, Sierra Leone, Swaziland, Tanzania; In the Middle East: Iran, Israel; In Asia: Bangladesh, Fiji, Hong Kong '(until I July 1997), India, Japan, Kiribati, Malaysia, the Federal States of Micronesia, Nauru, Nepal, New Zealand, Palau, Papua New Guinea, Singapore, Tibet, Tonga, Tuvalu, Vanuatu, Western Samoa; In North America; In Central and South America: Argentina, Bahamas, Barbados, Belize. Bolivia, Dominica, the Dominican Republic, Grenada, Guyana, Haiti, Jamaica, Mexico, St. Christopher/Nevis, Trinidad and Tobago. 2/ The New (British) Commonwealth Model Mauritius-This model cannot be classified either under the American or the European model. It is characterized by a concentrated constitutional review under the jurisdiction of the Supreme Court consisting of ordinary judges without political nomination; as a rule, it involves preventive (a priori) review and the consulting function of the Supreme Court, although a posteriori review is also possible; decisions take an erga omnes effect. 3/ The «Austrian» (Continental) - Constitutional Review Model (based on Kelsen's Model of 1920, involving the interconnection of the principle of the supremacy of the Constitution and the principle of the supremacy of the Parliament), where under constitutional

matters are dealt with by specialized Constitutional Courts with specially qualified judges or by ordinary Supreme Courts or high courts or their special chambers (concentrated constitutional review) in special proceedings. In addition to the a posteriori review, a priori review is also foreseen. The decisions have an erga omnes effect with reference to the absolute authority of the institution by which they are taken. The bodies exercising constitutional review may be:

- a/ Constitutional Courts: IN EUROPE: Albania, Andorra, Austria, Belarus, the Federation of Bosnia and Herzegovina, Bulgaria, Croatia, the Czech Republic, the FRY (with the Constitutional Courts of constituent 46 Mavcic Arne. (2009) The Constitutional Review. 59 republics Serbia and Montenegro), Germany Hungary, Italy, Latvia, Lithuania, Luxembourg, Macedonia, Malta, Moldavia. Poland, Romania, the Russian Federation, Slovakia, Slovenia, Spain, Turkey, Ukraine; IN AFRICA: Angola, Benin, Burundi, the Central African Republic, Egypt, Equatorial Guinea, Gabon, Madagascar, Mali, Rwanda, South Africa. Togo; IN THE MIDDLE EAST: Cyprus, former Iraq. Palestine, Syria; IN ASIA: Armenia, Azerbaijan, Georgia, Kyrgyzstan, Mongolia, South Korea, Sri Lanka, Tajikistan, Thailand, Uzbekistan; IN CENTRAL AND SOUTH AMERICA: Chile, Surinam, Tucuman Province (Argentina).
- b/ High Courts or their special chambers: IN EUROPE: Belgium (the Arbitration Court), Iceland, Liechtenstein, Monaco, Kosovo; IN THE MIDDLE EAST: Yemen; IN AFRICA: Burkina Faso, Cameroon, Chad, Eritrea, Niger, Sudan, Uganda (1995), Zaire, Zambia; IN ASIA: the Philippines; IN CENTRAL AND SOUTH AMERICA: Costa Rica, Nicaragua, Panama, Paraguay, Uruguay
- c/ The Constitutional Council: IN THE MIDDLE EAST: Lebanon; IN AFRICA: Mauritania, Senegal; IN ASIA: Cambodia, Kazakhstan.
- 4/ The Mixed (American Continental) Model with the elements of both a diffuse / courts/ and concentrated /a special body/ system, all ordinary courts are entitled to not apply laws deemed as not in conformity with the Constitution: a) Constitutional Courts: IN EUROPE: Portugal; IN CENTRAL AND SOUTH AMERICA: Colombia, Ecuador, Guatemala, Peru. b) High Courts or their special departments: IN EUROPE: Greece, Switzerland; IN ASIA: Indonesia, Taiwan; IN AFRICA: Cape Verde; IN CENTRAL AND South AMERICA: Brazil, El Salvador, Honduras, and Venezuela.
- 5/ The «French» (Continental) Model (based on the model of the French Constitutional Council - Conseil Constitutionnel of 1958), where constitutional matters are subject to review by special bodies of constitutional review (most often the Constitutional Council) or by special chambers of ordinary Supreme Courts (concentrated constitutional review) in special proceedings, provided that constitutional review is mainly of a preventive (consultative) character (although these systems also have a repressive form of constitutional review, in particular with reference to electoral matters') IN EUROPE: France; IN AFRICA: Algeria, Comoros, Djibouti, Ivory Coast, Morocco, and Mozambique.
- 6/ Other- Other Bodies with the Power of Constitutional/ Judicial Review (the National Council, Parliament or specialized parliamentary bodies, etc.): IN EUROPE: Finland; IN THE MIDDLE EAST: Bahrain, Kuwait, and Oman; IN AFRICA: Congo, Ethiopia, Guinea-Bissau, Sao Tome and Principe, Tunisia, Zimbabwe; IN ASIA: Afghanistan, Brunei, Burma/Myanmar, China, Hong Kong, Laos, North Korea, Pakistan, Turkmenistan, Vietnam; IN Central America: Cuba.
- 7/ Systems without Constitutional/Judicial Review: IN EUROPE: Great Britain /although the powers of the House of Lords include some elements of the preventive constitutional review/, the Netherlands /There are a few exceptions concerning the powers of the Supreme Court to decide cases connected to European Communities institutions /;
- 60 IN AFRICA: Lesotho, Liberia, and Libya /However certain functions of constitutional review may be exercised in Libya by the Supreme Court of Libya which is also a member of the Arab Group of the Constitutional Courts and Constitutional Councils./
- 8/ International judicial institutions with certain functions of Constitutional review: - the European Court of Human Rights in Strasbourg (for the European complaint); - the Court of Justice of the European Community in Luxembourg; - the court of EFTA Geneva (for the settlement of disputes between EFTA member states); - and the African Court of Human Rights etc. According to statistical data there are 215

different current systems of constitutional and judicial review around the world. Among them there are 115 of a European character, 52 of an American character, 14 of a mixed character, 7 of a French character, 1 of New Commonwealth character, 21 of other forms of Constitutional/ judicial review and 5 constitutional systems without constitutional/ judicial review. [48] The following features of the Constitutional Court functions listed: I. PREVENTIVE /A PRIOR/ REVIEW:

- Constitutional provisions;
- International agreements;
- Statutes /National laws and legal acts/;
- National regulations;
- Acts of the head of the State;
- Acts of territorial units;
- Other regulations (Budget acts, Parliamentary internal regulations etc.).

II. REPRESSIVE /A POSTERIORI/ REVIEW: 1/ Abstract review:

• Concerning the Constitution, constitutional amendments, or basic constitutional provisions;

• International agreements (including agreements between the Federal State and federal entities);

- Statutes /National laws and legal acts/;
- Resolutions of the Parliament;
- Regulations of Government;
- Acts of the Head of State;\
- Rules and other acts of national administrative units;
- The conformity of national legal norms with international agreements;
- Regional agreements;
- Other rules. 2/ Concrete review functions- specialized constitutional /judicial review

bodies requested by ordinary courts:

- the interpretation of rules (as an interpretative function);
- the implementation of rules - deciding on matters relating to the conformity of a rule's implementation with the constitution;
- the omission of (statutory) regulations;
- Legislative initiatives;
- political parties - decisions related to matters of unconstitutional acts and activities;
- Jurisdictional disputes;
- referendums-decisions regarding a referendum's conformity with the constitution;
- elections - decisions regarding the conformity of election proceedings with the constitution and statute;
- the confirmation of the election of representatives; 47 Ibid. p. 25-29 48 Ibid. p. 64 61
- the protection of human rights (constitutional complaints and similar constitutional remedies);

- capacity to hold the office;
- impeachment(concerning the head of state or other state representatives);
- special powers (violations of international law, decisions relating to the appointment of constitutional court judges and their immunity, opinions relating to the declaration of martial law, the implementation of decisions issued by international courts, proposals for the amendment of the Constitution, consultative functions, etc.);

• other tasks which the court is charged with by the constitutions or statute In many countries of the world (national) constitutionality has been protected by many different constitutional reviewing methods to establish important guarantee for a stable social and political system preambles in the constitution. The difference between ordinary legal methods and constitutional

review lies that latter protects and ensures implementation of the supreme political and legislative document which is the constitution itself. In this sense the constitutional courts should not belong into the ordinary judiciary system. This special institution performs independently from ordinary judiciary, legislative and other legal institutions, to implement its rights and the guarantee is provided to it. The classic function entrusted to The Constitutional court system (European model of constitutional review) is to protect social political structure defined in the constitution and makes it a part political institutions therefore The Constitutional court system carries special functionality within political and legal characterization. As the part of the political institutions, The Constitutional court legally supports basic social and political relations.

1. The fundamental Human Rights issue is a base of the social relations. In this sense, the CHAPTER TWO Human Rights and Freedom is an important part of the Constitution. Although all Mongolian citizens have constitutional rights to initiate constitutional disputes on its own through the basis of petitions to the constitutional court whether laws, decrees and other decisions of state bodies, and activities of all other officials are in conformity with the Constitution (according to the Article 66-1 of the constitution); if citizen basic rights and freedom proven to have been violated by it, the whole possible restoration process has not been recognized constitutionally. Therefore, some scholars note that implementation of the —CHAPTER TWO Human Rights and Freedoms for citizen to secure the legal protection of their rights has been left out in a real protection. [2] Mongolian Constitutional Court (Undsen Huuliin Tsents) needs to have a full constitutional review control over the Constitution, it still needed to be considered to improve the legal regulation in order to provide the citizen with condition for protecting its basic rights and freedom fully.

2. Fundamentally constitutional review has a repressive /a posterior/ nature sometimes it could be useful for its preventive /a prior/characteristic in order to achieve a political structural stability. [1] It takes much interests of many countries /within all types and organizations of the constitutional guardians/ that international agreements such as treaties are more becoming focal points of the constitutional review objective for its preventive characteristic. In the comparison between the domestic law and the international agreements such as treaties it become an important and significant matter for countries to ratify or to make an accession to the international agreements or treaties because of that particular country's international prestige, foreign policy and strategy depend on it. Therefore the scholars and researchers need to develop further studies for preliminary constitutional review possibility, whether that particular international agreements such as treaties in conformity with its national constitution. 49 Ibid. p. 60 50 Ts. Sarantuya Comparative law of Mongolian Constitutional court and its feature, Undsen Huulin Tsents /review, presentation compilation/, UB 2007, p.233 51 Mavcic Arne. (2009) The Constitutional Review. P172 62

3. The constitutional review implementation mechanism for constitutional basic provisions and the constitutional amendments has not been fully established in our country. Primarily it is lawful that the Parliament who represent all people of Mongolia, solely to uphold a right to enact any amendments to the constitution, when legislature has improperly exercises these exclusive rights by introducing any amendments which approved to be illegal or could suppress value and fundamental principles of the constitutionality then currently in our country the constitutional adjudication mechanism has not been established to correct such unconstitutional amendments within constitutional review. It has been noted that not having the constitutional adjudication (procedure) in amendments to the constitution could lead to potential increase in risks to the constitutionally guaranteed will of the people of the Mongolia and misconduct for the state system and its main activities. [1] Furthermore, if the latest modifications (amendments) made by the parliament proven to be unconstitutional then the issue whether the Constitutional court should take full review over its constitution cannot be left out of considerations and research also would be essential to the improvements of the constitutional itself.

4. The constitutional review main function is to determine whether law, legal or legislative

acts are in conformity with the constitution. Interpreting the constitution should be one of the main responsibilities of the Constitutional court. Some scholars suggest that since the Constitutional court is the only subject holds supreme supervision over the implementation of the Constitution of Mongolia therefore it upholds a right to give an official interpretation of the Constitution. In other words, the Undsen Huuliin Tsets adopts its decision based on the provisions of the constitution therefore it has given due interpretation of the Constitution. [2] It is essential that upcoming legislative reform has to clarify Undsen Huuliin Tsets has to uphold a right to interpret the Constitution.

5. Finally, for our country – an implementation of the constitutional review to verify the unconstitutional political parties activities and their decisions still remains one of the types of the objectives of the constitutional reviewing also most interesting, needs (demands) a further study to refine our social and political structure.

Список литературы

- 1 Очирбаль П. «Правопорядок - серия 62, Конституционные поправки и пересмотр (UB: NLI, 2017)
- 2 Гангабаатар Г. - Конституционное право, государственное устройство, принципы, точка зрения UB 2016, с.132

Энхцецег Сухбаатар

Национальный юридический институт Монголии, Улан-Батор, Монголия

Конституционный обзор в мировых странах, вопросы развития и улучшения

Аннотация. В данной статье высказывается мысль о том, что первое формирование конституционной юрисдикции в мире тесно связано с историей конституционного контроля в Европе. Одним из источников конституции является стремление монархов ограничивать свои абсолютные полномочия, и основой любой политической системы должно быть признание основных прав человека, а также права на свободу и собственность. Это указывает на то, что эти права могут быть реализованы надлежащим образом, если они гарантированы и защищены четкой и письменной конституцией. Указанные права также должны быть защищены самим государством. В современном государстве, регулируемом верховенством права, первыми средствами защиты являются судебная и конституционная справедливость. Конституционный пересмотр был сделан с введением письменных конституций, и было ясно, что высшая форма правовой защиты конституции может также нарушать конституцию через нормативные акты государственных органов.

Ключевые слова: формирование конституционной компетенции, судебная справедливость, мировая конституция.

Энхцецег Сухбаатар

Монголия ұлттық заң институты, Ұланбатыр, Монголия

Дүниежүзілік елдердің мәселелеріне конституционалдық шолу

Андатпа. Бұл мақалада әлемдегі конституциялық юрисдикцияның алғашқы қалыптасуы Еуропа елдеріндегі конституциялық бақылау тарихымен тығыз байланысты. Конституцияның қайнар көздерінің бірі - монархтардың абсолютті өкілеттіктерін шектеу тенденци-

ясы және кез келген саяси жүйенің негізі адамның негізгі құқықтарын, сондай-ақ жеке бас бостандығы мен жеке меншік құқығын тану болуы керек. Бұл құқықтар нақты және жазбаша конституциямен кепілдендірілген және қорғалатын жағдайда тиісті түрде іске асырылуы мүмкін екендігін көрсетеді. Жоғарыда көрсетілген құқықтар мемлекеттің өзінен де қорғалуы керек. Заңның үстемдігімен басқарылатын заманауи мемлекетте алғашқы қорғау құралдары сот және конституциялық сот төрелігі болып табылады. Жазбаша конституциялар енгізіле отырып, конституциялық шолу жасалды, ал конституцияны құқықтық қорғаудың жоғары нысаны мемлекеттік органдардың нормативтік актілеріде конституцияны бұзуы мүмкін екенін түсінуге болады.

Түйін сөздер: конституциялық құзіретін қалыптастыру, сот төрелігі, әлемдік конституция.

References

- 1 P.Ochirbal —Rule of law — series 62, Constitutional Amendments and Revision [The Constitutional amendments and review] (UB: NLI, 2017)
- 2 G.Gangabaatar — Constitutional law, state system, principles, point of view [The Constitutional law , state system, principles], viewpoint UB 2016, p.132

Information about author:

Enkhsetseg Sukhbaatar - PhD Candidate, a director of the National Legal Institute of Mongolia, Ulaanbaatar, Mongolia.

Энхцэцэг Сухбаатар - PhD, Монғолия Ұлттық заң институтының директоры, Ұланбатыр, Монғолия.

Қылмыстық және қылмыстық-процессуалдық құқық
Criminal and criminal procedural law
Уголовное и уголовно-процессуальное право

МРНТИ 10.79.51

Нурлумбаева Л.Е.*Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева,**Нур-Султан, Казахстан**(E-mail: nurlumbaeva92@mail.ru)***Вопросы рецепции института приказного производства по уголовным делам**

Аннотация. В новейшем уголовном процессе Республики Казахстан внедрение упрощенных форм досудебного и судебного производства является неотъемлемой частью совершенствования национального законодательства. Прежде всего интерес представляют ранее неизвестные институты, регламентация которых способствует быстрому достижению цели и эффективному решению задач уголовного процесса с меньшими временными, профессиональными и процессуальными издержками. Одной из таких успешных новелл отечественного уголовно-процессуального законодательства является институт приказного производства. Несмотря на внешне адекватное регулирование нормами казахстанского Уголовно-процессуального кодекса процедур досудебного производства и судебного рассмотрения уголовных дел в приказном порядке, в правоприменительной практике органов расследования и суда возникает ряд проблем и сложностей их реализации. В связи с этим автором статьи предпринята попытка анализа аналогичных зарубежных институтов, выработки предложений и рекомендаций по возможности рецепции некоторых положительных норм иностранных государств. В рамках исследования изучен опыт таких стран, как Индия, Германия, Латвия, США. Основным методом исследования являлся сравнительно-правовой анализ соответствующих положений законодательства.

Ключевые слова: уголовный процесс, упрощенные производства, приказное производство, сравнительное правоведение, рецепция норм права.

DOI:<https://doi.org/10.32523/2616-6844-2019-129-4-58-63>

В рамках практической реализации Плана нации и в соответствии с Концепцией правовой политики Республики Казахстан на период с 2010-го до 2020-й год в стране инициирован новый этап реформирования уголовного процесса и совершенствования иных аспектов правоохранительной деятельности с учетом лучших зарубежных практик, общепризнанных международных стандартов и принципов.

Реформа нацелена на реализацию задач по усилению защиты прав и законных интересов личности в уголовном процессе, укрепление судебной власти, исключение дублирования и четкое распределение полномочий между органами расследования, прокуратурой и судом [1].

Динамично развиваясь, казахстанское общество требует эффективных и ожидаемых преобразований, пересмотра института особых уголовно-процессуальных производств, уточнения отдельных направлений модернизации уголовного процесса. Об актуальности этого вопроса Лидер нации высказался на совещании по реформе уголовного процесса и на открытии третьей сессии Парламента шестого созыва. Было особо отмечено, что уголовный процесс должен соответствовать современным реалиям жизни, а также обеспечивать соблюдение международных стандартов в области прав человека. С учетом этого началась

работа по выходу на новый этап модернизации уголовного процесса, направленного на дальнейшую имплементацию международных стандартов и позитивной международной практики в этой сфере [2].

С начала 2018 года в уголовный процесс Республики Казахстан введен институт приказного производства. Несмотря на успешную апробацию аналогичной процедуры за рубежом, в казахстанской следственной и судебной практике производство по уголовным делам в приказном порядке еще не нашло широкого применения. При этом на данном этапе модернизации и совершенствования отечественного уголовного судопроизводства особое внимание уделяется упрощению, оперативности и краткосрочности рассмотрения уголовных дел. В данном ключе следует отметить, что вышеупомянутые требования распространяются исключительно на определенную категорию уголовных дел. При этом институт применяется по делам об уголовных проступках и небольшой тяжести. Вместе с тем, ряд практикующих юристов и представителей научного сообщества выдвигают теорию о необходимости законодательного закрепления дефиниции «очевидность уголовного правонарушения». В связи с этим нами предпринята попытка рассмотреть передовой зарубежный опыт применения института приказного производства другими странами с целью возможной рецепции некоторых элементов в наше национальное законодательство.

В Казахстане активно обсуждаются вопросы совершенствования действующего законодательства. Институт приказного производства был введен благодаря изучению положительного зарубежного опыта Германии, Эстонии и других государств. Также специалистами отмечается, что во многих странах удельная доля дел, рассматриваемых в ординарном процессе, очень невелика (в США – всего 5%), основная часть уголовных дел рассматривается в упрощенных производствах [2].

Также специалистами отмечается несколько положительных аспектов введения института приказного производства. Во-первых, форма приказного производства позволяет в максимально короткие сроки завершить и направлять в суд уголовные дела по несложным уголовным правонарушениям, что в свою очередь ускорит восстановление нарушенных прав. Сокращение как досудебной, так и судебной стадии значительно приближает момент совершения уголовного правонарушения и назначения наказания за него. Во-вторых, у органов досудебного производства появляется шанс сосредоточиться на более сложных делах. В-третьих, такой вид уголовного производства отвечает интересам как стороны защиты, так и обвинения, поскольку по таким делам предусмотрено более мягкое наказание - штраф без дополнительного наказания [1].

В некоторых зарубежных источниках также упоминается, что одним из преимуществ упрощенных форм досудебного уголовного производства является возможность доступа к упрощенному судебному разбирательству, в рамках которых, даже в небольших случаях, предотвращается и исключается вероятность совершения судебной ошибки, которая в противном случае заняла бы несколько лет для завершения разбирательства¹.

Вместе с тем, данное положение распространяется на различную категорию уголовных правонарушений и представляется, что оно ориентировано на англо-саксонскую модель уголовного судопроизводства (где законодательно доминирует суд присяжных) в целом, тогда как в рамках приказного производства в Казахстане рассматриваются уголовные проступки и дела небольшой степени тяжести.

¹Parul Soni Summary Trials November 20, 2018 <https://lawtimesjournal.in/summary-trials/>

Приказное производство является новеллой, соответствующей требованиям модернизации и упрощения уголовно-процессуального законодательства Казахстана. В декабре 2017 года принят Закон Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам модернизации процессуальных основ правоохранительной деятельности», который вступил в силу с 3 января 2018 года. В его рамках в уголовное судопроизводство введен абсолютно новый институт.

При этом следует отметить, что приказное производство в казахстанском гражданском процессе активно применяется по бесспорным требованиям, предусмотренным в законе, без вызова сторон, рассматривается судьей единолично.

С введением в уголовное законодательство Республики Казахстан уголовных проступков особую актуальность приобретает применение упрощенных досудебных и судебных форм уголовного судопроизводства. При этом последующее совершенствование и определение критериев, позволяющих отнести те или иные уголовные дела в порядке упрощенных форм, позволит, в целом, благоприятно сказаться на расследовании преступлений средней тяжести, тяжких и особо тяжких. Одним из таких критериев является очевидность уголовного правонарушения. Определение и отнесение расследуемого дела к данному порядку в соответствии с элементами очевидности на ранних этапах расследования напрямую окажут положительное воздействие на скорость расследования и направление дел в суд.

Изучение опыта Индии по рассмотрению дел в порядке упрощенного досудебного производства, позволило выделить ряд особенностей. Раздел 260 УПК Индии предоставляет любому главному судебному магистрату, столичному магистрату и магистрату первого класса право на кратковременное рассмотрение дела. Однако магистрат первого класса для судебного разбирательства должен получить специальное разрешение Высокого суда. В соответствии с разделом 261 любой Высокий суд может уполномочить любого магистрата второго класса судить в кратчайшие сроки любое преступление, наказуемое только штрафом или лишением свободы на срок не более 6 месяцев со штрафом или без штрафа, а также любую попытку или подстрекательство к таким преступлениям [3].

Представляется, что введение данной процедуры в Казахстане на данном этапе представляется весьма затруднительным и несвоевременным ввиду особенностей национального менталитета. Хотя фактически негласное правило согласования отдельных казусных ситуаций под видом консультаций имеет место в судебной практике. Но восприятие данного положения осложнено ввиду нескольких причин. Во-первых, получение соответствующего разрешения напрямую повлияет на сроки рассмотрения уголовного дела и его расследования, при этом многие институты упрощенного досудебного производства четко регламентированы сроками, в противном случае необходимость их применения сама по себе отпадает. Во-вторых, отсутствие четко установленных критериев, отнесения конкретного уголовного дела к рассмотрению в порядке упрощенного производства. Таким образом, не исключено совершение аналогичных ошибок, возникающих в правоприменительном поле более высшей инстанции или вышестоящего органа.

В УПК Латвии применяется на досудебной стадии предписание прокурора о наказании. Представляется, что данный институт наиболее близок к природе института приказного производства в Республике Казахстан. Согласно статье 420 УПК в Латвии, данный досудебный процесс применяется за уголовное правонарушение или менее тяжкое преступление и прокурор с учетом характера совершенного преступного деяния и причиненного вреда, характеризующих лицо данных и других обстоятельств дела убеждается в том, что к нему не требуется применять наказание, связанное с лишением свободы, однако оно не может быть оставлено без наказания и в связи с этим прокурор может прекратить уголовный процесс с составлением предписания о наказании.

Также для получения характеризующих лицо данных в Латвии прокурор вправе

затребовать оценочное сообщение из Государственной службы пробации. Прокурор составляет предписание о наказании, если обвиняемый признает свою вину, компенсировал потерпевшему причиненный вред и согласен с прекращением уголовного процесса с применением к нему наказания [4].

Следует отметить, что в Казахстане в соответствии с подпунктом 5 пункта 2 Статьи 9 Закона Республики Казахстан «О пробации» одним из полномочий данной службы является осуществление подготовки досудебного доклада в отношении подозреваемого, обвиняемого. Досудебный доклад – информация о личностных особенностях подозреваемого, обвиняемого, выполнении ими мероприятий, предусмотренных индивидуальной программой оказания социально-правовой помощи, следовании рекомендациям службы пробации и принятии ее помощи [5]. Вместе с тем, данная информация предоставляется исключительно по сложным уголовным преступлениям. По аналогии представляется весьма перспективным совершенствование и максимальная автоматизация получения данных с целью ускорить процесс получения доклада при рассмотрении дел в порядке упрощенного производства.

Особый интерес представляет с собой и немецкое законодательство. В соответствии с § 373а в УПК ФРГ предусмотрена возможность возобновления (не в пользу осужденного) производства, завершеного принятием вступившего в законную силу судебного приказа о наказании. Оно имеет место в случаях, если представлены новые факты или доказательства, которые сами по себе или в совокупности с предшествующими доказательствами пригодны для осуждения в связи с преступлением [6].

Таким образом, проведенный нами сравнительно-правовой анализ зарубежной регламентации института приказного производства может определить перспективы дальнейшего совершенствования отечественного уголовного процесса.

Список литературы

- 1 Экетай М. Председатель Актюбинского областного суда РК. [Электронный ресурс]. - URL: <http://akt.sud.kz/rus/massmedia/voprosy-reformirovaniya-ugolovnogo-processa-i-sovershenstvovaniya-inyh-aspektov> (Дата обращения: 21.09.2019 г.).
- 2 Рахметулин А. Председатель судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РК // Электронный ресурс: <https://www.kazpravda.kz/fresh/view/moderniziruem-pravo-priblizhaem-sya-k-standartam/> (Дата обращения: 21.09.2019 г.).
- 3 Parul Soni Summary Trials November 20, 2018 <https://lawtimesjournal.in/summary-trials/> (Дата обращения: 20.09.2019 г.).
- 4 Уголовно-процессуальный закон Латвии // Электронный ресурс: http://www.pravo.lv/likumi/29_upz.html (Дата обращения: 22.09.2019 г.).
- 5 Закон Республики Казахстан «О пробации» от 30 декабря 2016 года № 38-VI ЗРК. Электронный ресурс: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=36232217
- 6 Уголовно-процессуальный кодекс Германии // Электронный ресурс: [http://pravo.org.ua/files/_\(1\).pdf](http://pravo.org.ua/files/_(1).pdf) (Дата обращения: 22.09.2019 г.).

Л.Е. Нұрлұмбаева

*Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті,
Нұр-Сұлтан, Қазақстан*

Қылмыстық істер бойынша бұйрық өндірісі институтының рецептісі мәселелері

Аңдатпа. Қазақстан Республикасының жаңа қылмыстық процесінде сотқа дейінгі және сот ісін жүргізудің оңайлатылған нысандарын енгізу ұлттық заңнаманы жетілдірудің ажырамас бөлігі болып табылады. Ең алдымен, бұрын белгісіз институттар қызығушылық танытады, оларды регламенттеу мақсатқа жылдам қол жеткізуге және қылмыстық процестің міндеттерін уақытша, кәсіби және іс жүргізу шығындарымен тиімді шешуге ықпал етеді. Отандық қылмыстық іс жүргізу заңнамасының осындай табысты новеллаларының бірі бұйрық өндірісі институты болып табылады. Қазақстандық қылмыстық іс жүргізу кодексінің нормаларымен сотқа дейінгі іс жүргізу және қылмыстық істерді бұйрық тәртібімен сотта қарау рәсімдерінің сыртқы барабар реттелуіне қарамастан, тергеу органдары мен соттың құқық қолдану тәжірибесінде оларды іске асырудың бірқатар сұрақтар мен қиындықтары туындайды. Осыған байланысты мақалалар авторы шетелдік ұқсас институттарды талдауға, шет мемлекеттердің кейбір оң нормаларын рецепциялау мүмкіндігі бойынша ұсыныстар мен ұсынымдар әзірлеуге әрекет жасады. Зерттеу шеңберінде Үндістан, Германия, Латвия, АҚШ елдерінің тәжірибесі зерттелді. Зерттеудің негізгі әдісі заңнаманың тиісті ережелерін салыстырмалы-құқықтық талдау болды.

Түйін сөздер: қылмыстық процесс, жеңілдетілген іс жүргізу, бұйрық өндірісі, салыстырмалы құқықтану, құқық нормаларының рецептісі.

L.Ye. Nurlumbayeva

L.N. Gumilyov Eurasian National University., Nur-Sultan, Kazakhstan

Reception issues of the institute of writ proceedings on criminal cases

Abstract: Within the newest criminal proceeding of the Republic of Kazakhstan, the implementation of the simplified forms of pre-trial and judicial proceedings is an integral part of improvement of the national legislation. First of all, previously unknown institutes, the regulation of which contributes to the rapid achievement of the goal and the effective solution of the tasks of the criminal proceedings with less time, professional and procedural costs are relevant. The institute of writ proceedings are one of such successful novelties of the domestic criminal procedure legislation. Despite the outwardly adequate regulation of the norms on pre-trial proceedings and judicial review of criminal cases during writ proceedings within the Kazakhstan Criminal Procedure Code, number of issues and difficulties in their implementation arise in the law-enforcement practice of investigation bodies and the court. In this regard, the author of the paper made an attempt to analyze similar foreign institutes, and develop proposals and recommendations on the possible reception of some positive norms of foreign countries.

Within the framework of present research the experience of countries such as India, Germany, Latvia, the USA was examined. The main research method was a comparative legal analysis of the relevant provisions of the legislation.

Keywords: criminal proceedings, simplified proceedings, writ proceedings, comparative legal study, reception of the legal norms.

References

- 1 М. Ақетаі, Predsedatel Aktıybınskiego oblastnogo sýda RK [Chairman of the Aktobe regional court of the Republic of Kazakhstan]. [Electron. resource]. - Available at: <http://akt.sud.kz/rus/massmedia/voprosy-reformirovaniya-ugolovnogo-processa-i-sovershenstvovaniya-inyh-aspektov> (Accessed: 21.09.2019).
- 2 Abai Rahmetýlin, Predsedatel sýdebnoi kollegii po ýgolovnym delam Verhovnogo sýda RK [Chairman of the Judicial Chamber for Criminal Cases of the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan]. [Electron. resource]. - Available at: <https://www.kazpravda.kz/fresh/view/moderniziruem-pravo-priblizhaem-sya-k-standartam/> (Accessed: 21.09.2019).
- 3 Parul Soni Summary Trials November 20, 2018 [Electron. resource]. - Available at: <https://lawtimesjournal.in/summary-trials/> (Accessed: 20.09.2019).
- 4 Ýgolovno-protsessýalnyı zakon Latvii [Latvian Criminal Procedure Law]. [Electron. resource]. - Available at: http://www.pravo.lv/likumi/29_upz.html (Accessed: 22.09.2019).
- 5 Zakon Respýblikı Kazahstan «O probatsıı» ot 30 dekabria 2016 goda № 38-VI ZRK [The Law of the Republic of Kazakhstan “On Probation” dated December 30, 2016 No. 38-VI ZPK]. [Electron. resource]. - Available at: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=36232217 (Accessed: 22.09.2019).
- 6 Ýgolovno-protsessýalnyı kodeks Germanii [German Code of Criminal Procedure]. [Electron. resource]. - Available at: [http://pravo.org.ua/files/_\(1\).pdf](http://pravo.org.ua/files/_(1).pdf) (Accessed: 22.09.2019).

Сведения об авторах:

Нурлумбаева Л.Е. – докторант PhD Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, Нур-Султан, Казахстан.

Nurlumbayeva L.E. – Doctoral candidate PhD of L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan.

IRSTI 10.77.51

G.T. Ichshanova, G.S. Kalieva

Kazakh National Agrarian University, Almaty, Kazakhstan

(E-mail: gulnar_tore@mail.ru, kalieva-gs@mail.ru)

International Terrorism as a global problem nowadays

Abstract. Today terrorism has become a profitable business on a global scale with developed “labor market” and “capital investment” which adapting very fast and dynamically to globalization process. In our study we performed the basic trends, main characteristics, strategy and tactics of terrorist organizations and their use of information technology capabilities to evaluate a consequence transformation of terrorism into cyber terrorism, or its combination. We found a relationship between the concepts of “terrorism”, “radicalism” and “extremism” and revealed the ideological and psychological aspect of the issue. In conclusion we recommended some ways and mechanisms to operate with counter-terrorism policy.

Key words: terrorism, radicalism, extremism, cyber-terrorism, separatism, narcoterrorism, suicide bomber.

DOI:<https://doi.org/10.32523/2616-6844-2019-129-4-64-75>

Introduction.

Modern global development contradictions, the world recession in the economy have determined the character of international terrorism. Apart from the national territorial, religious and political goals, leaders of terrorist organizations act for the sake of financial profit, of having access to authority for the purpose of redeployment of material and governmental resources. Powerful structural organization, significant material and financial economical security – that is what modern international terrorism presents. The examples of Afghanistan, Syria, Chechnya, and the Middle East indicate the ability of terrorist organizations and of their influential protectors and donors to conduct terrorist wars and to participate in wide scale military conflicts.

All conditions for growth of terrorist manifestations have formed exactly on the territory of Europe and Asia. To internal causes we can refer stable struggle for property redistribution and political power, changes in the governmental legal status of some regions, interethnic controversy, ideological split-off, criminalization of society, increasing organized crime rate and corruption, emerging steady separatist centers.

Thus, research of the general theoretical and practical issues of political aspects of international terrorism within globalization becomes crucial in social political and international legal context.

Main part.

Terrorism has at least two reasons for its emerging. The first one is lack of political support, of the opportunity to position oneself in the open political space. As a rule, people will not give support to the opposition having targets which are in contradiction with interests of this or that group of countries, world community, or these targets openly entrench on the basic human rights, for instance on the right for life. Violence in its essence and terrorism in particular are an alternative means of political pressure, achievement of a target set, where the public support does not give it the effective percentage of political votes.

The second reason consists in the fact that there is support of some societal groups but there are no alternative means of political expression. Here violence serves as an instrument for achieving the high threshold of political vote in front of the closed political system (authoritarian or totalitarian).

In any case, terrorism is the tactics of the weak, inability of a definite political group to

participate in a sound political dialogue [1].

Although terrorism, namely international terrorism can prove to be quite a lucrative instrument for political acts, it is not free-of-charge. Rather large sums of money are necessary to supply illegal organization to ensure its safety, to support its “play” mode on the political arena, to implement business operations (weapon selling, drug traffic, etc.). On the other hand, it costs international community huge financial expenses to pursue these terrorist groups and syndicates [2].

International terrorist groups must keep balance between safety and support of its own influence (strong presence) to remain the effective political power. Consequently, they have to keep themselves “fit” and to be ready to start as an organized dynamic power at any time [3]. Therefore, the main feature of international terrorism is dynamism, which means these groups constantly shift, change and they are rarely static [4].

To remain in the game means they are still making permanent attacks in order to claim their audience’s attention without causing any danger to their own basic organization.

Kidd and Walter give a sketch of five terrorism strategies – Provocation, Attrition, Outbidding, Spoiling, and Intimidation, the meanings of which terrorists can get the maximum support among the public or as an alternative to it – subversion of government authority before its people. According to their viewpoint, the efficient strategic approach is Intimidation [5].

There are two ways for using terrorism in strategic aspect:

1. Coercive or «dirty trade» strategy. The method of action is violence as a tool for changing the behavior of the current regime by way of threat of prolonged or frequent terrorist attacks until the group’s requirements are satisfied. The requirements can be either political or financial nature [6]. However, terrorists are willing to negotiate or to come to a compromise with the existing state regime in respect of the disputed political «pie».

2. The second strategic approach is the entire seizure of political «pie» without any compromise. The method of action is an absolute violence.

Often, terrorist groups use a combined strategic approach in their actions.

However, we should note the fact that some researchers believe that terrorist groups are not always highly disciplined and strictly hierarchical. They give an example of the story of JI, the founders of which are Abdullah Sungkar and Abu BakarBa’asyir, when after Abdullah Sungkar’s death in 1999 Abu BakarBa’asyir became the leader and it subsequently split into two warring factions [7].

So, one of the key points that will help to develop an effective mechanism for combating international terrorism is to find out the current trends of its formation. Many experts explain international terrorism as a disproportionate response to the challenges of globalization, as a reaction of the emerging postmodern «network» organization of the world to the pressure by the traditional «hierarchical» governance structures of world processes [8].

The age of information technology gives an opportunity for terrorism and organized crime to use the tools of international service networks. For example, «Al Qaida» has learned to use many of the same tools for global cooperation as «Infosys» in their work. Instead of goods and profits, it produces murder and chaos. This is an extremely difficult problem. Perhaps it will even turn out to be the most acute geopolitical problem for the flat virtual world countries that think about their future development. After all, sadly, the flat virtual world equally favors both «Infosys» and «Al-Qaida». Network mutants are not created for profit, but for destruction. They do not need investors; they need only adherents, donors and victims. Yet, these mobile, self-sustainable network mutants fully use cooperation instruments, offered by the flat virtual world: public access to information for fundraising, recruitment of members, promotion and dissemination of ideas; outsourcing for practical training of perpetrators; organization of the supply chain for the transportation of weapons and suicide bombers. The US Central Command came up with a name

for this underground system as “the virtual Caliphate». Its managers and engineers understand the essence of the flat virtual world no worse than «Wal-Mart», «Dell» or «Infosys».

Nowadays all active terrorist groups detect their presence on the Internet [9]. The most significant terrorist organizations which actively use the Internet resources include: Hamas, Al-Qaida, “Hezbollah», «Al-Jihad», «Muslim Brotherhood», «Palestine Liberation Front», «Real IRA» and several others. Most of them are declared outlawed.

An expert on Crime Problems Phil Williams notes that many criminal organizations still use some form of hierarchical network design, connecting or extending the network if necessary. Williams outlines a framework for a network criminal organization: the core made up of united leaders (center) and the periphery, consisting of network criminals [10]. This organizational mutation has probably temporary nature - as a transition from the traditional hierarchical criminal group to an entire network organization [11].

One more point makes connection with the worldwide global network – it is the transformation of terrorism in cyber terrorism, or their combination. For instance, the terrorist group could simultaneously detonate a bomb at the station or the city square and start cyber-attack on the communication infrastructures, thereby increasing the impact of events. Ironically, the success of the «war on international terrorism» is likely to cause the terrorists increasingly turn to the means of mass destruction such as cyber terrorism [12].

In today’s environment, many experts consider combating the international terrorism as the fourth world war. It is the war which we consider in the context of the globalized world as a consequence of one of the manifestations of the crisis in the industrial phase of development. It is a struggle of global projects of the future - the American, Arabic, German, Chinese, Russian, and Japanese. Collision of these projects will take place in spaces of geo culture and geo-economics. We cannot exclude military actions, which will take the form of terrorist acts. Researchers often define terrorism as motivated violence for political purposes. An act of terrorism on September 11, 2001 in New York, which resulted in the loss of about 3,000 human lives in one day, the responsibility for which Islamist «Al-Qaida» (founded in 1990) assumed, is referred to as the beginning of the fourth world (terrorist) war [13]. Some Al Qaida leaders call this day the beginning of the USA collapse, for example Ahmed Omar Sheikh, the chief suspect of the murder of the American journalist Daniel Pearl, urged to sell dollars because the USA history would soon come to an end [14].

International terrorism is able to provoke a war of civilizations causing disastrous consequences. Insensitivity of representatives from one civilization to the values («false value») of another civilization can be fatal. The elimination of all terrorist training centers will lead to nothing, since we do not destroy the constant source feeding terrorism - the deep material inequality, indifference to those who consider themselves offended, factual inequality under the formally proclaimed equality of everyone before the law.

The accelerated pace of economic development, which proved itself to the greater extent in the second half of the 20th century, constitutes a stable foundation of the entire social world of early 21st century. The tempo of GDP growth increases from 2,7 per cent in 1986-2000 to 3,7 per cent in 2001-2015, while the population of the world - from 6.1 to 7 billion people. At the same time, GDP growth will have an uneven character. The post-socialist countries are gradually recovering from the crisis. Radical changes are taking place in the conglomerate of Asian, African and Latin American countries, in which there is concentration of about 4/5 of the planet population. As a result of increasing differences in the level and pace of socio-economic transformations this community in itself united by the concept of «developing countries», has become blurred. In the forecast period split in their development will grow and the community itself as a conceptual category will disappear [15].

B. Bidova supposed that 56 countries of the world would have an annual income per capita

of less than 5 thousand dollars in 2015. Nearly 3 billion people live in these countries (41 per cent of the total population) [16].

With the constantly growing welfare of the developed countries, poverty and hunger will create quite negative environment for the development of the world economy in early 21st century. Developed rich countries that determine basic parameters for the global development of world community, will be even more concerned with ways of creating necessary conditions for steady development of the poorest countries. It will take place not only for humanitarian reasons, but more due to the fear of uncontrollable immigration and the growth of drug trafficking and terrorism in these countries. Rich countries will be forced to develop and put into practice economic development programs in poor countries.

The 21st century terrorism has transformed a lot, the high level of financial capability and technical equipment of terrorist groups is a characteristic feature of modern terrorism.

Over the past decades, the epicenter of terrorist activity began to gradually shift from the Latin American region to the United States, Europe (England, Spain, Italy, Germany, France), Turkey and Japan.

External constraints of international terrorism have significantly weakened, that resulted in the problem aggravating, in terrorist organizations' strengthening. In the era of the «cold war» conflicting superpowers did not only secretly sustain their terrorists with resources, but also followed the rule that their actions did not violate the unwritten «game rules.»

On becoming independent, the terrorist organizations have begun to declare their willingness to use the full range of possibilities, including the use of mass destruction weapon. We should take into account that victim countries are increasingly using international terrorism as an explicit or alleged argument to reach more significant foreign policy goals – expansion of its influence, military or diplomatic influence, implementation of claims for financial and technical assistance.

In modern conditions, as the French expert Arnaud Kalika says there are two types of attacking actions that characterize violence. Firstly, it is the Islamic Jihad originated as a response of backward culture to the invasion of the western civilization. Secondly, it is a campaign of the United States, which after receiving a strike at the heart on September 11, 2001, are trying to take revenge by «missionary campaign». It aims at the systematic destruction of America's enemies, «transference» of those who haven't their own viewpoint and unable to estimate into the faith in American values, as well as at reorganizing the world in accordance with Washington interests [17]. The modern reality can by no means limit the issue to the US desire for hegemony or to the European Union attempts to export their supranational attitudes and beliefs about democratic values. Regional players, such as Israel in the Middle East and Ethiopia in the Horn of Africa are actively accepting the experience of using the threat of «terrorism» in the foreign policy and defense strategy. Spread of the tactics called «preventive strikes» on the Indo-Pakistani terrorism is fraught with confrontation between the two unrecognized nuclear powers and it can have far-reaching global implications.

Terrorism becomes no less «practical» for domestic political purposes as well – to tighten the regime, to have additional powers for the authorities, to restrict rights and freedoms of citizens and to neutralize political opponents. Terrorists, competing with governments, as a rule, are to achieve two things: to convince the population that they (the terrorist organization) can cause damage to the public and can really show it, or to persuade that the government is unable to protect themselves and the public from the threat. As Alex Braithwaite calls it – it is transformation of fear into persuasion. The main interest of the opposition is to influence the public decision regarding the choice or cancel of representatives in the government [18].

Therefore, it is crucial to note one of the important constituents of terrorism that made it be so «much in demand» for various political forces. This is propaganda effect of creating an atmosphere of fear among the population. It is specific for international terrorism, on getting

modern means of information warfare into their hands, to impose its ideas and estimation of the situation on peoples, to successfully and widely perform the mobilization tasks of attracting the young to its army, not to mention the professional mercenaries. Terrorist organizations have established close ties with each other based on a common ideological and religious, military and other commercial basis. Especially their leaders, in many cases, closely work together on weapons acquisition; they cover for each other, share functions and tasks while undertaking large-scale operations.

The international terrorist community has learned to maneuver forces and means, to transfer great masses of weapons and militants through illegal channels. Modern terrorism is a powerful structure with the appropriate equipment. The examples of Afghanistan, Syria, Kosovo, Chechnya show that modern terrorism is able to wage diversionary and terrorist wars, to participate in large-scale armed conflicts.

For instance, S. Dishman believes that the Kremlin scares of the threat from Chechen rebel terrorists, of separatism, and as a consequence scares of the emerging hotbed for international terrorism in the territorial framework of Russia. Therefore, Russian bodies take harsh measures against criminal acts by Chechen separatists, and there was the arrest of the central leaders of criminal syndicates [19].

In Kosovo, the Albanian criminal syndicates serve as traffickers of heroin along the proven Balkan corridor, where there exists drugs transportation with a turnover of approximately \$ 400 billion per year [20].

Terrorism has turned into a very profitable business on a global scale with a strong «labor market» (mercenaries and others) and «capital investment» (the weapons supply, drug trafficking, etc.). There is evidence that it is through the active zones of the terrorist groups' activities that the main flow of drugs and narcotic raw materials comes onto the `world markets, and it makes many billions of dollars. More than a tenth of the total world weapon exports occur in the «grey» and «black» areas of this sector» [21]. Terrorism of an international scale with the use of modern technologies and means needs large financial resources. Therefore, in the second half of the 20th century financial capacity channels or sources of terrorism significantly extended. Help to terrorists often comes in small «chunks» from many sources: illegal banking operations, criminality (e.g., sale of unauthorized copies of computer programs, etc.), collaborative activities of criminal groups, the activities of legal commercial organizations, the activities of the so-called «humanitarian» organizations and the government funding of individual countries concerned, and private income of organization leaders. As a result, it has become much more difficult to counteract the financing of international terrorism. In addition, the hallmark of modern terrorism is its aspiration to significantly expand its own financial resources due to the introduction of criminal fast growing businesses (drug trafficking, smuggling of minerals and so on). F. Schneider estimates show that out of 20-50 million dollars of the annual flow of «Al-Qaeda» financial resources, at least 50-65% are revenues from overtly criminal activities (smuggling of drugs and diamonds, kidnapping, etc.), which purely mafia organizations perform [22]. However, the organization receives a significant part of funding from legal sources (donations of Islamic organizations).

Within the framework of this issue the viewpoint of M. York seems to be of interest for us, he considers terrorism as the reverse side of the genocide, as the response to the annihilation of a minority that does not have the opportunity to express and to establish their interests (e.g. the Resistance movement of the Palestinian autonomy). In this situation, a group of people are using terrorism as the only viable option, as a way of expressing anger, despair in virtually hopeless situation, the involuntary loss of its territory and independence. M. York writes the first generation of Israeli leaders was originally terrorists themselves before they founded their own state. In this case, the terrorist activity resulted in establishing the State of Israel. Terrorism in which the decisive factor is ethnical is the right of the nation to self-determination. Ethno terrorism is intended to

found a separate state for the own nation. Probability of ethno terrorism manifestations is typical of the multinational states such as India, France, Belgium, Indonesia, and others. The only global solution to which the modern world has to be targeted is the respect of inner dignity of all peoples, the opportunity for ethnic minorities to be heard on the world stage. Only in this case we can understand their motivation for terrorism and get a chance to prevent political destabilization of the country [23].

There is correlation of concept of «terrorism» with the concepts of «radicalism» and «extremism». Radicalism determines the socio-political ideas and actions aimed at the most drastic change of the existing political and social institutions.

Extremism brings methods and means of struggle to the fore. Extremism, as a consequence of the existing social political factors is a commitment to extreme views, measures, actions, decisions, and unwillingness to compromise [24]. Terrorism is a part of extremism, because out of a wide range of its manifestations (rebellion, establishing parallel structures of authority, ultimatum issuing, and insubordination campaign) it has incorporated the most stringent methods to achieve political goals which allow taking other citizens' life, destroying property, etc.

There is a close connection between terrorism and separatism. The difference between terrorists and separatists lies in ways of working. The target may coincide, for example, to change the existing political system. However, a terrorist act is a political act planned beforehand, in which the civil population becomes victims. On the contrary, separatists (guerrillas) direct violence at the country's armed forces essentially [23].

In today's world the largest separatism hotbeds have regionally specific nature, which is similar in geographically close conflicts. The following criteria determine this similarity: geographic proximity; ethno cultural community; single civilization foundations; the similarity in historical development features; similarity of separatism development factors; level of political stability; intensity of conflicts. A survey on the geographic characteristics of separatism reveals certain regularity in their spread.

Major large hotbeds of separatism and the ongoing bloody ethnic and religious conflicts are close to an imaginary axis extending from the British Isles through Central Europe, the Balkans, the Caucasus, the highest mountain chains on the planet Hindu Kush, Pamir and the Himalaya to the islands of the world largest Sunda archipelago. 36 of 49 major separatist conflicts in the world gravitate to this giant Eurasian arc, and as a rule, they are the most intense and violent, for example, in Kosovo, Kurdistan, Kashmir. This axis is called the instability belt. This region was not fully under control of either one of the two great powers (USA and USSR), but fell within the scope of their influence. The instability belt is characterized by the fact that in these huge spaces of Eurasia there has been a mutual physical and spiritual assimilation of northern and southern nations for thousands of years. Recently, the Eurasian arc has witnessed the increasing activity of centers of power which were less significant in the past. Today, China, India, Pakistan, Turkey, Iran could become a fully-fledged regional leader that have the necessary means to affect the separatist and other opposition movements in neighboring countries. All this could not but have some impact on the nature of modern terrorism, an important feature of which is a clear structure and organization [15].

Finally, we will consider the ideological and psychological aspect of the issue depicted in this article. There exists information and propaganda support for the purpose of creating a better moral psychological effect and public resonance. They have created a heroic image of «Martyr», for whom the idea of self-sacrifice is a sacred act, a highly desired aspiration and divine duty. An additional motive is financial aid to the suicide bomber's family after his committing a terrorist act and his persuasion that he will immediately go to heavens [25]. However, B. Hoffman and Gordon H. McCormick note that the potential suicide bombers can be quite selfish if they think that they can make a deal with God [1].

Candidates for suicide bombers are young people who do not have fully formed personality and are quickly responsive to external influence, as well as abnormal personalities whose characteristic traits are narcissistic aggressiveness, feelings of fear, depression, and guilt. Suicide bombers are not only representatives of the poor segments of population, but also people from well-off families having higher education [26].

According to data presented by C. Christine Fair & Bryan Shepherd, women in general, are more likely to support terrorism than men. Older people support terrorism less than the young. However, in fact, even for 62 year-olds the predicted probability of supporting terrorism was close to 45 per cent [27].

Motivations of women to engage in terrorist activities are not the profound political reasons, but rather a psycho-emotional factor, as Brigitte L. Nacos calls it, «politician for the sake of love», when female terrorists continue the occupation (job) of their husband, father, or brother [28]. There is also a female stereotype applying to the political violence due to a personal tragedy or disappointment in life. As a rule, they are widows or young single girls [29].

Giving the example of ETA, Fernando Reinares emphasizes that modern terrorism is strictly a male phenomenon and fighters of this organization comprise by gender: men - 93.6 per cent, women - 6.4 per cent [30].

In such a powerful and competent terrorist organization as LTTE (Liberation Tigers of Tamil Eelam), they are highly qualified staffs who are ready to commit a suicide voluntarily and with enthusiasm [31]. The only common feature of all who become suicide bombers is absence of any strong social bonds and susceptibility to external influences. This factor is reinforced by almost complete isolation of a suicide bomber from any external social contacts directly before making the terrorist attack.

Suicide bombers are characteristic of any ethnical or religious terrorism. For example, the self-sacrifice of Buddhist monks in the early years of the Vietnam war, the Islamist movements - the Wahhabites of Saudi Arabia, Al-Qaeda, «the Muslim Brotherhood», Hizbut-Tahrir, the Taliban in Afghanistan, the Iranian Shiites, etc. [32].

Tamil Tigers, the IRA, the ETA Basque, Colombian rebels use mainly incendiary devices to attack and demoralize without conscious suicide for terrorist purposes.

Findings.

Forms of manifestations of international terrorism are religious, ethnical, drug, cyber-terrorism.

Religious terrorism makes the most severe threat to the welfare of the world. If ethno terrorism and separatism are forced to turn to the national or ideological idea, the motive in religious terrorism is something supernatural, extraterrestrial; therefore, they have more freedom to define opponents and efforts to the coup [33].

Drug terrorism and cyber-terrorism are based on international criminal forces that provide finances for their terrorist activities through drug trafficking, computer malfunction in military communications, electrical grids, and energy in order to instill fear and to force states to take decisions favorable for them.

Modern terrorism feels like a shark in the sea water, which moves and transforms in order to survive and succeed in reaching its goal. Adapting to political realities, terrorism tries to keep one pace ahead of the counter-terrorism curve and is constantly changing in terms of tactics, principles of their work and the weapons which they used [34].

In aggravating political extremism and terrorism the leading role belongs to the following factors: the significant societal part's exclusion by the ruling elite from participation in political activities, the repressions of opposition political parties (movements), imposing non-traditional social and political new developments and changes, the collision of peaceful citizens with the existing political structure or the governing regime in the country, the loss of hope for financial

improvement and for status betterment.

What can states do in this situation in order to contain or reduce the threat of international terrorism?

Firstly, it is a preventive activity of governmental bodies aimed at neutralizing terrorist tendencies, at eliminating potential preconditions of their emergence by strengthening their borders, tighter control over the activities of foreign organizations, active youth policy, measures aimed at reducing unemployment and solving urgent social and economic problems that can reduce social tension in society.

Cooperation of States in the prevention, localization and elimination of regional extremism outbursts, since some conflicts caused by terrorists, can result in destabilization in other countries.

Secondly, to effectively combat international terrorism it is necessary to develop and implement a comprehensive program which takes into account all aspects of societal life. It must certainly take into consideration the interests of all population segments, the problems and the conflict potential of terrorism all around the world.

Thirdly, among the possible directions of international counterterrorism cooperation we should note the necessity to conduct collaborative operational activities; to exchange technologies and share experience in the production and application of counter terrorism technical and combat resources; to purchase modern equipment, tools, samples of special equipment and outfit used for this purpose; to develop and improve international and national legislation on counterterrorism cooperation; to develop the regulatory framework governing the possibility of using another country's territory to carry out anti-terrorist operations; to develop an international legal mechanism for the extradition of terrorists, who are accused of committing terrorism acts; to define the place and the role of mass media as a propaganda tool for intolerance to any terrorism manifestations.

References

- 1 Bruce Hoffman, and Gordon H. McCormick, «Terrorism, Signaling and Suicide Attack,» *Studies in Conflict & Terrorism* 27, no. 4 (2014): 243-81.
- 2 Gordon H. McCormick and Guillermo Owen, «Security and Coordination in a Clandestine Organization,» *Mathematical and Computer Modeling*, no. 31 (2000): 175-92.
- 3 Gordon H. McCormick, «Terrorist Decision Making.» *Annual Review of Political Sciences* 6 (2003): 473-507.
- 4 Stuart Koschade, «A Social Network Analysis of Jemaah Islamiyah: The Applications to Counterterrorism and Intelligence,» *Studies in Conflict & Terrorism* 29, no. 6 (2007): 559-75.
- 5 Andrew H. Kydd and Barbara F. Walter, «The Strategies of Terrorism.» *International Security* 31, no. 1 (2006): 49-80.
- 6 Thomas C. Schelling, *Arms and Influence* (London: New Haven: Yale University Press, 1966).
- 7 Justin Magouirk, Scott Atran and Marc Sageman, «Connecting Terrorist Networks.» *Studies in Conflict & Terrorism* 31, no. 1 (2008): 1-16.
- 8 Kathleen M. Carley, Jeffrey Reminga, and Natasha Kamneva, «Destabilizing Terrorist Networks,» Paper presented at the NAACSOS conference proceedings, Pittsburg, PA, 2003.
- 9 United Nation, *The Use of the Internet for Terrorist Purposes*, Vienna: United Nation Office on Drugs and Crime, 2012.
- 10 Phil Williams, «Transnational Criminal Networks.» In *Networks and Netwars: The Future of Terror, Crime and Militancy*, ed. John Arquilla and David Ronfeldt. (Santa Monica, CA, 2001).
- 11 Chris Dishman, «The Leaderless Nexus: When Crime and Terror Converge,» *Studies in Conflict & Terrorism* 28, no. 3 (2018): 237-52.

- 12 Gabriel Weimann, «Cyberterrorism: The Sum of All Fears?» *Studies in Conflict & Terrorism* 28, no. 2 (2015): 129-49.
- 13 Bruce Hoffman, «Rethinking Terrorism and Counterterrorism since 9/11,» *Studies in Conflict & Terrorism* 25, no. 5 (2002): 303-16.
- 14 Raymond Bonner, «Suspect in Killing of Reporter Is Brash and Threatening in a Pakistani Court,» *New York Times*, 13 March 2002.
- 15 Elman Akhyadov, «Sovremennye Tendentsii Formirovaniya Mezhdunarodnogo Terrorizma,» *Molodoi uchenyi*, no. 6 (2013): 529-32.
- 16 B.Bidova, *Ekstremizm: Politiko-Pravovye Aspecty* (Yessentuki: Blankizdat, 2013).
- 17 A.Kalika, «Rossiya Dolzhna Izbezhat' «Palistinizatsii»,» *NG-Dipkur'yer* 11 (2009): 43-48.
- 18 Alex Braithwaite, «The Logic of Public Fear in Terrorism and Counter-Terrorism,» *Journal of Police and Criminal Psychology* 28, no. 2 (2013): 95-101.
- 19 Chris Dishman, «Terrorism, Crime and Transformation,» *Studies in Conflict & Terrorism* 24, no. 1 (2017): 43-58.
- 20 «Kla Linked to the Enormous Heroin Trade,» *The San Francisco Chronicle*, 5 May 2009.
- 21 M.Kurshev, «Narkodollary - 'Goryuchee' Dlya Global'nogo Terrorizma,» *Ugolovnoe pravo*, no. 1 (2012): 15.
- 22 Friedrich Schneider, «The Hidden Financial Flows of Islamic Terrorist Organizations: Some Preliminary Results from an Economic Perspective,» *Finance Terror* (2002). Available online at: <http://www.economics.uni-linz.ac.at/members/Schneider/files/publications/financeterror.PDF>.
- 23 Michael York, «Terrorism and Death Issues.» In *Pagan Ethics*, (Switzerland: Springer International Publishing, 2016), 278-79.
- 24 Charlie Winter and Usama Hasan, «The Balanced Nation: Islam and Challenges of Extremism, Fundamentalism, Islamism and Jihadism,» *Philisophia* (2015): 1-22.
- 25 «Wedded to Death in a Blaze of Glory - Profile: The Suicide Bomber,» *The Sunday Times*, 10 March 1996.
- 26 William Hollingsworth Whyte, *The Organization Man* (Philadelphia, Pennsylvania: University of Pennsylvania Press, 2002).
- 27 C.Christine Fair, and Bryan Shepherd, «Who Supports Terrorism? Evidence from Fourteen Muslim Countries,» *Studies in Conflict & Terrorism* 29, no. 1 (2006): 51-74.
28. Brigitte L. Nacos, «The Portrayal of Female Terrorists in the Media: Similar Framing Patterns in the News Coverage of Women in Politics and in Terrorism,» *Studies in Conflict & Terrorism* 28, no. 5 (2005): 435-51.
- 29 Karla J. Cunningham, «Cross-National Trends in Female Terrorism,» *Studies in Conflict & Terrorism* 26, no. 3 (2003): 163.
- 30 Fernando Reinares, «Who Are the Terrorists? Analyzing Changes in Sociological Profile among Members of Eta,» *Studies in Conflict & Terrorism* 27, no. 6 (2004): 465-88.
- 31 Rohan Gunaratna, «Suicide Terrorism in Sri Lanka and India,» Paper presented at the Countering suicide terrorism, Herzliya, Israel, 2000.
- 32 Trevor Stanly, «Definition: Islamist, Islamiste, Islamicist,» *Perspectives on world history and current events*. Available online at: <http://www.pwhce.org/islamism.html>.
- 33 Robert, «Dying to Kill: The Strategic Logic of Suicide Bombers,» *International Herald Tribune*, 23 September 2013.
- 34 Bruce Hoffman, *Inside Terrorism* (New York: Columbia University Press, 2018).

Г.Т. Ищанова, Г.С. Қалиева

Қазақ ұлттық аграрлық университеті, Алматы, Қазақстан

Халықаралық терроризм қазіргі заманның жаһандық проблемасы ретінде

Аңдатпа. Бүгінгі таңда терроризм жаһандану процесіне тез, әрі қарқынды бейімделетін дамыған «енбек нарығы» мен «инвестициялары» бар ғаламдық ауқымда тиімді бизнеске айналды. Зерттеу барысында біз террористік ұйымдардың негізгі тенденцияларын, негізгі сипаттамаларын, стратегиясы мен тактикасын және олардың терроризмнің кибертерроризмге айналуының салдарын бағалау үшін ақпараттық технологияны қолдануын ұсындық. Біз «терроризм», «радикализм» және «экстремизм» ұғымдарының арасындағы байланысты тауып, мәселенің идеялық-психологиялық аспектісін аштық. Қорытындылай келе, біз терроризмге қарсы саясатпен жұмыс істеудің бірнеше жолдары мен тетіктерін ұсындық.

Түйін сөздер: терроризм, радикализм, экстремизм, кибертерроризм, сепаратизм, есірткі терроризмі, терроризм.

Г.Т. Ищанова, Г.С. Қалиева

Казахский национальный аграрный университет, Алматы, Казахстан

Международный терроризм как глобальная проблема современности

Аннотация. Сегодня терроризм стал прибыльным бизнесом в глобальном масштабе с развитыми «рынком труда» и «капиталовложениями», которые очень быстро и динамично адаптируются к процессу глобализации. В нашем исследовании мы представили основные тенденции, основные характеристики, стратегию и тактику террористических организаций и использование ими информационных технологий для оценки последствий превращения терроризма в кибертерроризм или его сочетание. Мы нашли связь между понятиями «терроризм», «радикализм» и «экстремизм» и выявили идеологический и психологический аспекты проблемы. В заключение мы порекомендовали несколько способов и механизмов работы с политикой борьбы с терроризмом.

Ключевые слова: терроризм, радикализм, экстремизм, кибертерроризм, сепаратизм, нарко-терроризм, террорист.

References

- 1 Bruce Hoffman, and Gordon H. McCormick, «Terrorism, Signaling and Suicide Attack,» *Studies in Conflict & Terrorism* 27, no. 4 (2014): 243-81.
- 2 Gordon H. McCormick and Guillermo Owen, «Security and Coordination in a Clandestine Organization,» *Mathematical and Computer Modeling*, no. 31 (2000): 175-92.
- 3 Gordon H. McCormick, «Terrorist Decision Making.» *Annual Review of Political Sciences* 6 (2003): 473-507.
- 4 Stuart Koschade, «A Social Network Analysis of Jemaah Islamiyah: The Applications to Counterterrorism and Intelligence,» *Studies in Conflict & Terrorism* 29, no. 6 (2007): 559-75.
- 5 Andrew H. Kydd and Barbara F. Walter, «The Strategies of Terrorism.» *International Security* 31, no. 1 (2006): 49-80.
- 6 Thomas C. Schelling, *Arms and Influence* (London: New Haven: Yale University Press, 1966).
- 7 Justin Magouirk, Scott Atran and Marc Sageman, «Connecting Terrorist Networks.» *Studies in Conflict & Terrorism* 31, no. 1 (2008): 1-16.

- 8 Kathleen M. Carley, Jeffrey Reminga, and Natasha Kamneva, «Destabilizing Terrorist Networks,» Paper presented at the NAACSOS conference proceedings, Pittsburg, PA, 2003.
- 9 United Nation, The Use of the Internet for Terrorist Purposes, Vienna: United Nation Office on Drugs and Crime, 2012.
- 10 Phil Williams, «Transnational Criminal Networks.» In Networks and Netwars: The Future of Terror, Crime and Militancy, ed. John Arquilla and David Ronfeldt. (Santa Monica, CA, 2001).
- 11 Chris Dishman, «The Leaderless Nexus: When Crime and Terror Converge,» Studies in Conflict & Terrorism 28, no. 3 (2018): 237-52.
- 12 Gabriel Weimann, «Cyberterrorism: The Sum of All Fears?» Studies in Conflict & Terrorism 28, no. 2 (2015): 129-49.
- 13 Bruce Hoffman, «Rethinking Terrorism and Counterterrorism since 9/11,» Studies in Conflict & Terrorism 25, no. 5 (2002): 303-16.
- 14 Raymond Bonner, «Suspect in Killing of Reporter Is Brash and Threatening in a Pakistani Court,» New York Times, 13 March 2002.
- 15 Elman Akhyadov, «Sovremennye Tendentsii Formirovaniya Mezhdunarodnogo Terrorizma,» Molodoi uchenyi, no. 6 (2013): 529-32.
- 16 B.Bidova, Ekstremizm: Politiko-Pravovye Aspecty (Yessentuki: Blankizdat, 2013).
- 17 A.Kalika, «Rossiya Dolzhna Izbezhat' «Palistinizatsii»,» NG-Dipkur'yer 11 (2009): 43-48.
- 18 Alex Braithwaite, «The Logic of Public Fear in Terrorism and Counter-Terrorism,» Journal of Police and Criminal Psychology 28, no. 2 (2013): 95-101.
- 19 Chris Dishman, «Terrorism, Crime and Transformation,» Studies in Conflict & Terrorism 24, no. 1 (2017): 43-58.
- 20 «Kla Linked to the Enormous Heroin Trade,» The San Francisco Chronicle, 5 May 2009.
- 21 M.Kurshev, «Narkodollary - 'Goryuchee' Dlya Global'nogo Terrorizma,» Ugolovnoe pravo, no. 1 (2012): 15.
- 22 Friedrich Schneider, «The Hidden Financial Flows of Islamic Terrorist Organizations: Some Preliminary Results from an Economic Perspective,» Finance Terror (2002). Available online at: <http://www.economics.uni-linz.ac.at/members/Schneider/files/publications/financeterror.PDF>.
- 23 Michael York, «Terrorism and Death Issues.» In Pagan Ethics, (Switzerland: Springer International Publishing, 2016), 278-79.
- 24 Charlie Winter and Usama Hasan, «The Balanced Nation: Islam and Challenges of Extremism, Fundamentalism, Islamism and Jihadism,» Philisophia (2015): 1-22.
- 25 «Wedded to Death in a Blaze of Glory - Profile: The Suicide Bomber,» The Sunday Times, 10 March 1996.
- 26 William Hollingsworth Whyte, The Organization Man (Philadelphia, Pennsylvania: University of Pennsylvania Press, 2002).
- 27 C.Christine Fair, and Bryan Shepherd, «Who Supports Terrorism? Evidence from Fourteen Muslim Countries,» Studies in Conflict & Terrorism 29, no. 1 (20016): 51-74.
- 28 Brigitte L. Nacos, «The Portrayal of Female Terrorists in the Media: Similar Framing Patterns in the News Coverage of Women in Politics and in Terrorism,» Studies in Conflict & Terrorism 28, no. 5 (2005): 435-51.
- 29 Karla J. Cunningham, «Cross-National Trends in Female Terrorism,» Studies in Conflict & Terrorism 26, no. 3 (2003): 163.
- 30 Fernando Reinares, «Who Are the Terrorists? Analyzing Changes in Sociological Profile among Members of Eta,» Studies in Conflict & Terrorism 27, no. 6 (2004): 465-88.
- 31 Rohan Gunaratna, «Suicide Terrorism in Sri Lanka and India,» Paper presented at the Countering suicide terrorism, Herzliya, Israel, 2000.
- 32 Trevor Stanly, «Definition: Islamist, Islamiste, Islamicist,» Perspectives on world history

and current events. Available online at: <http://www.pwhce.org/islamism.html>.

33 Robert, «Dying to Kill: The Strategic Logic of Suicide Bombers,» International Herald Tribune, 23 September 2013.

34 Bruce Hoffman, Inside Terrorism (New York: Columbia University Press, 2018).

Сведения об авторах:

Ищанова Г.Т. – доцент кафедры «Право» Казахского национального аграрного университета, пр. Абая, 8, Алматы, Казахстан.

Калиева Г.С. – доцент кафедры «Право» Казахского национального аграрного университета, пр. Абая, 8, Алматы, Казахстан.

Ichshanova G.T. – associate professor Department of Law, Kazakh National Agrarian University, Abay avenue, Almaty, Kazakhstan.

Kaliova G.S. – associate professor Department of Law, Kazakh National Agrarian University, Abay avenue, Almaty, Kazakhstan.

МРНТИ 10.27.23

А. А. Нурмагамбетов, А.М. Нурмагамбетов

Евразийский национальный университет им. Л.Н.Гумилева, Нур-Султан, Казахстан

(E-mail: anet_nur@mail.ru, amanzhol_nur@mail.ru)

Некоторые вопросы гражданско-правового противодействия рейдерству в сфере предпринимательства

Аннотация. Рейдерство как экономическое явление возникло в мировой практике в связи с функционированием рынка ценных бумаг. На начальном этапе становления рынка ценных бумаг сформировалась и активизировалась деятельность так называемых «черных» рейдеров, которые криминальным способом, зачастую с применением насильственных действий, захватывали предприятия и бизнес в целом.

Наряду с «черным» рейдерством существует и «белое» рейдерство, направленное на захват предприятия и бизнеса, руководствуясь прежде всего нормами гражданского законодательства. Вместе с тем, деление рейдерства на «черное» и «белое» носит условный характер, так как методы рейдерских атак на компанию-цель по своему совершенствуются, а в ряде случаев «черное» и «белое» рейдерство смешиваются.

В Республике Казахстан рейдерство как противоправное деяние возникло в условиях перехода нашей страны от социалистической системы хозяйствования к рыночной экономике. При этом негативному воздействию рейдерства подвержены, прежде всего, среднее и малое предпринимательство, которые, в отличие от крупного бизнеса, не обладают соответствующими экономическими, финансовыми и организационными возможностями противодействия рейдерству.

В гражданском законодательстве отсутствует легальное определение рейдерства, но правовое противодействие данному явлению закреплены во многих его нормах. На практике особенно уязвимыми в отношении рейдерского захвата могут являться те компании, которые нарушают действующее законодательство, тем самым создают облегченные условия для рейдерских атак. В целях повышения эффективности противостояния рейдерству необходимо совершенствование законодательства в сфере банковской деятельности, об ипотеке недвижимого имущества, о реабилитации и банкротстве.

Ключевые слова: рейдерство, черное рейдерство, белое рейдерство, ценные бумаги, рейдерская атака, компания-цель, компания-рейдер.

DOI:<https://doi.org/10.32523/2616-6844-2019-129-4-76-84>

Глава Республики Казахстан К.-Ж. Токаев в Послании народу Казахстана подчеркнул, что «участились случаи рейдерства в отношении малого и среднего бизнеса... любые попытки воспрепятствовать развитию бизнеса... должны рассматриваться как преступления против государства. В связи с этим нужны дополнительные меры законодательного характера» [1]. Следовательно, усиление борьбы с рейдерством в Республике Казахстан, во всех его негативных проявлениях, выносится на приоритетный уровень государственной политики.

Термин «рейдерство» происходит от англ. «raid», означающий внезапное нападение, налет, захват. Как известно, последние, в обыденном понимании, существовали издревле,

с момента возникновения человеческого общества. Однако истоки рейдерства, в современной ее интерпретации, берут начало с появления в мировом экономическом пространстве рынка ценных бумаг. В гражданско-правовом обороте распространение данного феномена начало осуществляться в конце XIX и начале XX века. На этот период приходится и криминализация рейдерства. В качестве примера можно привести США, где наиболее эффективной формой деятельности организованной преступности в 20-ые годы прошлого столетия стал криминальный способ захвата предприятия и бизнеса [2].

В широком смысле рейдерство может проявляться в следующих разновидностях: а) «черное» рейдерство – захват управления юридическим лицом уголовно-наказуемыми способами и предусматривающее уголовную ответственность; б) «белое» рейдерство – захват управления юридическим лицом вполне законными способами, но подобное может быть сопряжено с нарушением норм гражданского законодательства и нередко возникновением гражданско-правового спора.

При «черном» рейдерстве захват управления юридическим лицом осуществляется преступными методами, включая мошенничество, шантаж, подделку документов, вынесение судами заведомо неправосудных решений, подкуп, силовые методы захвата, незаконное возбуждение уголовного дела на руководство и учредителей юридических лиц со всеми вытекающими неблагоприятными последствиями.

Законодательством нашей страны предусмотрена уголовно-правовая ответственность по статье 249 Уголовного кодекса Республики Казахстан, где под рейдерством понимается «незаконное приобретение права собственности на долю участия в юридическом лице, а равно имущества и ценных бумаг юридического лица или установления контроля над юридическим лицом в результате умышленного искажения результатов голосования... повлекшие причинение существенного вреда правам или охраняемым законом интересам граждан и организации либо охраняемым законом интересам общества или государства». «Черное» рейдерство в полной мере является уголовно-наказуемым и зачастую содержит состав нескольких видов преступлений.

«Белое» рейдерство представляет собой захват управления юридическим лицом гражданско-правовыми методами, например, путем злоупотребления правами акционеров, участников товариществ, должностных лиц государственных органов, искусственного создания долговых обязательств с применением процедуры банкротства и других сложных схем вывода активов и отстранения их законных владельцев и т. д. Данная разновидность рейдерства и входит в рамки нашего правового исследования.

Необходимо отметить, что всякая классификация носит условный характер, так как рейдеры могут применять абсолютно разные методы атаки на компанию-цель, что подтверждает мировая практика. Более того, захват управления юридическим лицом может сочетать как методы уголовно-правового характера, так и гражданско-правового характера.

На западе рейдерство получило большое распространение к середине XX века. В среде финансистов и инвесторов появились люди, которые начали скупать контрольные пакеты акций различных компаний. Подобные скупки часто сопровождались конфликтами между акционерами. Рейдеры, получив контроль над компанией, реорганизовывали ее, часто разбив на более мелкие компании, и продавали с прибылью [3].

Так, в корпоративном бизнесе США 1960-х годов активизировалась такая разновидность рейдерства как профессиональная деятельность по покупке крупных пакетов акций публичных корпораций и последующего использования права голоса акционеров. Соответственно, рейдерам предоставлялась возможность требовать от компании принятия новых мер, направленных на увеличение стоимости акций, как правило, вопреки интересам и желаниям корпорации и менеджмента. Это в свою очередь включало замену топ-менеджмента, сокращение операций, разделение компаний на части или их ликвидацию. В подобных

ситуациях понятия «рейдерство» и «недружественное поглощение» рассматривались как равнозначные термины. Постепенно на рынке сделок в области недружественных поглощений появляются свои лидеры, которые смогли заработать большие капиталы. Среди наиболее заметных корпоративных рейдеров 1980-х и 1990-х годов были Карл Айкан, Виктор Познер, Мешулам Риклис, Кирк Керкорян [4]. Данный вид деятельности приносил настолько высокую прибыль, что сформировалась целая инфраструктура, состоящая из юридических фирм и инвестиционных банков, которые предоставляли свои услуги рейдерам. В результате, указанная деятельность на американском фондовом рынке признавалась высокоинтеллектуальным юридическим бизнесом и не относилась к уголовно-наказуемым деяниям.

Вместе с тем, эпоха рейдерства завершилась крахом и в США. В первую очередь, одной из причин послужил крах известной американской инвестиционно-банковской фирмы Drexel Burnham Lambert, которая создавала пулы из капиталов инвесторов, используемые корпоративными рейдерами для недружественных поглощений компаний. В конце 1980-х несколько известных корпоративных рейдеров пострадали от неудачных попыток захвата, финансируемых за счет большого кредитного плеча, что в конечном итоге повлекло потерю денег инвесторов. В последующем Drexel Burnham Lambert была обвинена в финансовых махинациях, фиктивной отчетности и торговле ценными бумагами на основании инсайдерской информации, что и привело к фактическому краху компании в 1990 году и лишило рейдеров источника кредитных средств для своей деятельности [5].

В свою очередь современные менеджеры американских компаний научились принимать анти-рейдерские меры, такие как «отравленные пилюли», «золотые парашюты», повышение уровня задолженности на балансе компании и другие способы защиты, что позволило сделать рейдерские захваты неэффективными. Кроме того, в последние десятилетия XX века увеличилась общая стоимость американского фондового рынка, что уменьшило количество ситуаций, в которых цена акций компании была ниже по отношению к активам, которые она контролировала.

Уместно подчеркнуть, что при наличии общих признаков рейдерства у каждого государства имеются как свои особенности его проявления, так и способы противодействия. В то же время законодатели большинства стран понимают, что рейдерство в любой его разновидности, включая внешне законные способы завладения ценными бумагами, не только нарушает принцип неприкосновенности законно приобретенной собственности, но и принцип справедливости при реализации собственниками своих прав и законных интересов в процессе перераспределения капитала.

Если западным странам рейдерство, как сопутствующее рыночной экономике явление, было известно более ста лет назад, то Казахстан, как и все постсоветские республики, столкнулся с ним сравнительно недавно. Дело в том, что в условиях социализма, при практически полной государственной собственности на средства производства, плановом ведении хозяйствования, рейдерства быть не могло. Экономические условия для данного феномена возникли накануне распада Советского Союза, в связи с созданием условий для разгосударствления и приватизации собственности страны. Именно в то время появляется так называемый «рэккет», предвестник рейдерства.

Обретение Казахстаном независимости и переход к рыночной экономике, появление значительного числа крупных и средних и мелких собственников, бурное развитие предпринимательской деятельности сопровождалось не только переходом к эффективным методам хозяйствования, но также появлением и распространением рейдерства. Особенность рейдерства заключается в том, что оно способно оказывать свое воздействие в основном на среднее и малое предпринимательство. Крупный бизнес, обладающий экономической мощью, соответствующими финансовыми и организационно-управленческими возможностями для рейдеров менее доступен.

В гражданском законодательстве, в отличие от уголовного, нет легального определения рейдерства, но тем не менее защита прав юридических лиц от неправомерных действий других лиц, в том числе и от рейдеров, красной нитью проходит через многие его нормы. Так, в соответствии со статьей 2 Гражданского кодекса Республики Казахстан юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права, а также отказываются от предоставленных прав своей волей и в своем интересе, если иное не установлено законодательными актами. Они также свободны в установлении своих прав и обязанностей на основе договора и в определении любых его условий, не противоречащих законодательству. Однако, несмотря на тот факт, что гражданское законодательство предусматривает ряд мер по защите прав и интересов юридических лиц, их акционеров и учредителей, в зону риска рейдерских атак, в первую очередь, входят компании, которые имеют ряд нарушений норм налогового, административного, валютного, трудового и других отраслей законодательства. Профессиональных рейдеров привлекают наличие крупной долговой нагрузки, а также любые конфликты среди акционеров и учредителей, включая их бракоразводные процессы с супругами.

В рамках гражданского законодательства компания-цель может быть атакована кредиторами в лице банков второго уровня, которые используют максимально жесткие санкции при неисполнении заемщиком условий кредитного договора с целью последующего захвата предприятия. При этом наблюдается практика незаконной внесудебной реализации имущества при возникновении задолженностей у заемщиков.

К примеру, ТОО, оказывающее услуги по перевозке пассажиров и грузов, заключило соглашение банковского займа с одним из банков второго уровня на крупную сумму на приобретение основных средств. При этом возвратность займа была обеспечена залоговым имуществом в виде транспортных средств.

В связи с трехмесячной просрочкой по обслуживанию долга банком в адрес ТОО направляется уведомление о необходимости погашения в 60-дневный срок образовавшейся задолженности. Не дожидаясь истечения установленного уведомлением 60-дневного срока, банк обращается в суд с иском к ТОО о возложении обязанности передать в залог принадлежащие ему транспортные средства. В ходе рассмотрения иска суд по заявлению истца об обеспечении иска, накладывает арест на транспортные средства с водворением последних на охраняемую стоянку, тем самым полностью приостанавливается производственная деятельность предприятия.

ТОО обжаловало решение специализированного межрайонного экономического суда в областном суде, который оставил решение суда первой инстанции без изменения.

В данном случае банк, не дожидаясь установленного уведомлением срока погашения задолженности, искусственно создал заемщику ситуацию просрочки по кредиту и через суд обратил взыскание на предмет залога, при этом заемщик не только потерял заложенную собственность и уплаченные проценты за пользование кредитом, но у него еще остался и частично непогашенный долг перед банком, т.е. фактически предприятие пришло в упадок.

Анализ гражданских дел указанной категории в нашей стране свидетельствует о необходимости внесения изменений и дополнений в законодательство об ипотеке недвижимого имущества в части установления критериев, либо «порога», конкретно определяющего размер задолженности в процентном соотношении к сумме займа, при наличии которого банковскими и иными финансовыми учреждениями может быть произведена внесудебная реализация имущества заемщика.

В частности, предлагается пункт 3 статьи 24 Закона Республики Казахстан «Об ипотеке недвижимого имущества» от 23 декабря 1995 года № 2723 [6] «Процедура реализации ипотеки во внесудебном порядке» дополнить подпунктом 4) следующего содержания:

«4) если размер неисполненного обязательства, обеспеченного ипотекой, составляет

менее 30% от размера оценки предмета ипотеки по договору об ипотеке».

Еще одним из методов незаконного захвата имущества является взыскание «раздутой» кредиторской задолженности и последующее инициирование процедуры банкротства с целью выкупа интересующих активов за бесценок. К примеру, одним из специализированных межрайонных экономических судов рассмотрен ряд гражданских дел по спорам между компанией-целью и компанией-рейдером, вытекающих из договора подряда одного из жилых комплексов, исполнение которого обеспечено залогом промышленной базы, принадлежащей компании-цели.

Как видно из этих гражданских споров, единственным намерением компании-рейдера являлось завладение имуществом компании-цели, заложенным по договору подряда, при том, что размер неисполненных обязательств последнего составлял относительно незначительную сумму, т.е. незначительную по сравнению со стоимостью заложенного имущества сумму.

Первоначально компания-рейдер обратилась в суд с иском к департаменту юстиции о признании незаконным отказа в регистрации уведомления о невыполнении обязательств компанией-целью, указывая, что последней не исполнены обязательства по договору подряда, в связи с чем, в целях возврата вложенных компанией-рейдером в строительство дома средств, необходимо осуществить внесудебную реализацию заложенного имущества. Препятствием этому служил отказ департамента юстиции зарегистрировать уведомление компании-рейдера о невыполнении обязательств. Судом было отказано в удовлетворении заявленного иска.

Не достигнув желаемого результата, компания-рейдер обратилась в суд о признании компании-рейдера банкротом, указывая, что ответчик имеет задолженность перед истцом в крупном размере, которая образовалась в результате просрочки в строительстве жилого комплекса. Решением специализированного межрайонного экономического суда иск компании-рейдера удовлетворен.

Компания-цель обжаловала решение суда в вышестоящих инстанциях и только постановлением надзорной коллегии Верховного Суда Республики Казахстан отменено решение суда с принятием нового решения об отказе в иске.

Компанией-целью в высшую представлены бухгалтерские документы, свидетельствующие о наличии основных средств, стоимость которых намного превышает сумму долга.

Из приведенного примера видно, что активы платежеспособного и состоятельного предприятия могли быть полностью переданы недобросовестному контрагенту по сделке.

В таких случаях компании-цели следует представить максимально возможное количество документов, подтверждающих ее платежеспособность: сведения об имеющемся имуществе; финансовую отчетность за три последних года; кредитные договоры, договоры о предстоящих поставках товаров, работ и услуг и т.д.

Учитывая немалое количество подобных фактов, полагаем, что необходимо пересмотреть отдельные нормы Закона Республики Казахстан «О реабилитации и банкротстве» от 7 марта 2014 года № 176 [7] (далее - Закон РК «О реабилитации и банкротстве») как необоснованно облегчающие процедуру реабилитации и банкротства.

Следует обратить внимание на то, что процедура реабилитации и банкротства являются крайними мерами по отношению к неплатежеспособному должнику, когда другие способы защиты законных требований кредитора не привели к исполнению обязательств. Учитывая то, реабилитация и признание банкротом должника прежде всего направлены на защиту законных требований кредиторов, в целях удовлетворения требований из конкурсной массы либо списания дебиторской задолженности контрагентов, оно должно применяться в исключительных случаях.

Вследствие возбуждения производства по делу о реабилитации или банкротстве соб-

ственник имущества должника лишается правом распоряжения имуществом (пп.1 п.1 ст.50 Закона РК «О реабилитации и банкротстве»), что парализует его производственную и иную деятельность.

В результате, само заявление в суд является эффективным способом давления на собственника объекта рейдерских атак, а при его удовлетворении и для захвата имущества путем распределения конкурсной массы, в особенности, когда право требования к должнику обеспечено залогом.

Анализ Закона РК «О реабилитации и банкротстве» показывает, что допускается возможность завышения требований кредиторов при предъявлении исков о банкротстве.

Так, согласно статье 5 данного Закона основанием для обращения кредитора с заявлением в суд о признании должника банкротом или применении реабилитационной процедуры является неплатежеспособность должника.

Должник является неплатежеспособным при наступлении одного и более условий:

2) обязательства перед кредитором по налогам и другим обязательным платежам в бюджет по налоговой задолженности, включая задолженность филиалов и представительств должника, не исполнены в течение четырех месяцев с момента наступления срока их исполнения и составляют сумму не менее ста пятидесяти месячных расчетных показателей, установленных на соответствующий финансовый год законом о республиканском бюджете;

3) обязательства перед иными кредиторами не исполнены в течение трех месяцев с момента наступления срока их исполнения и в совокупности составляют сумму не менее трехсот месячных расчетных показателей, установленных на соответствующий финансовый год законом о республиканском бюджете, для индивидуальных предпринимателей, не менее одной тысячи месячных расчетных показателей, установленных на соответствующий финансовый год законом о республиканском бюджете, - для юридических лиц.

Учитывая, что реабилитация и банкротство являются крайними мерами и законодательством предоставлены другие меры к восстановлению нарушенных прав кредитора, например, путем обращения в порядке гражданского судопроизводства, полагаем, что в пункте 3 представляется возможным увеличить сроки неисполнения обязательств перед иными кредиторами до 6 месяцев и сумму до 2000 МРП, которая больше отвечает требованиям современного экономического оборота.

Сегодня также возрастает количество корпоративных рейдерских атак под видом помощи бизнесу. В рамках гражданского законодательства компания может быть атакована путем вхождения нового инвестора в капитал в обмен на инвестиции.

Третьим способом рейдерского захвата являются случаи, когда «новый инвестор» под предлогом долгосрочного финансирования на крупную сумму, предоставляет крупную сумму аванса за поставку товаров в будущем и приобретает определенную долю участия в компании-цели, которая взяла на себя обязательство поставлять определенные объемы товара в установленные сроки, и, тем самым обеспечив себе надежный источник дохода.

Спустя некоторое время компания-рейдер в лице новоиспеченного «инвестора» неожиданно требует вернуть деньги обратно и практически сразу предъявляет к компании иск о взыскании всей задолженности, утверждая, что та нарушила условия поставок товара. Компания-должник, не имея возможности вернуть полученные средства, просит продлить сроки возврата средств.

В суде истец – компания-рейдер максимально «наращивает» иск: за счет требований о взыскании неустойки, упущенной выгоды и других, с тем чтобы сумма иска была максимально приближена к стоимости наиболее привлекательных активов компании.

Одновременно компания-рейдер получает у суда обеспечительные меры в виде ареста на все движимое и недвижимое имущество компании в пределах суммы иска и быстро

накладывает аресты, в том числе на банковские счета компании-цели, что парализует деятельность компании. Получив решение суда компания-рейдер, выставляет привлекательные активы компании на торги. Далее активы распродают.

Более того рейдерский захват сопровождается возбуждением уголовного дела в отношении руководства компании и проверками государственных органов, что затрудняет попытки борьбы [8].

Необходимо отметить, что вышеуказанные примеры не являются исчерпывающими и рейдеры способны использовать широкий круг правовых инструментов для реализации своих целей. Любая рейдерская атака представляет собой комплекс организационных и правовых мер, которые могут повлечь ряд негативных правовых и репутационных последствий для руководства и собственников субъектов предпринимательства.

В заключение необходимо отметить, что любое предприятие может быть подвергнуто рейдерским захватам, однако грамотное управление долговыми обязательствами, отсутствие конфликтов среди учредителей, четкое соблюдение норм законодательства снижают риски рейдерских атак в будущем.

Список литературы

- 1 Конструктивный общественный диалог - основа стабильности и процветания Казахстана. Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана. Казахстанская правда. 2019, 3 сентября №169 (29046)
- 2 Овчинский В. Рейдеромафия. - [Электрон.ресурс]. - URL: www.ogoniok.com. (Дата обращения: 27.09.2019)
- 3 Федоров А.Ю. Рейдерство и корпоративный шантаж (организационно-правовые меры противодействия) : монография / М.: Волтерс Клувер, 2010.С.3]
- 4 Satyajit Das, (2011) «Extreme Money: Masters of the Universe and the Cult of Risk», New York, NY: FT Press, p.137.
- 5 David A. Drexel files for bankruptcy after defaulting on payments, Washington Post, February 14, 1990 [Electron.resource]. URL: <https://www.washingtonpost.com/archive/politics/1990/02/14/drexel-files-for-bankruptcy-after-defaulting-on-payments> (Accessed: 29.09.2019)
- 6 Закон Республики Казахстан «Об ипотеке недвижимого имущества» от 23 декабря 1995 года № 2723. - [Электрон.ресурс]. - URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1004032 (Дата обращения: 29.09.2019)
- 7 Закон Республики Казахстан «О реабилитации и банкротстве» от 7 марта 2014 года № 176. - [Электрон.ресурс]. - URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31518958 (Дата обращения: 30.09.2019)
- 8 Тукулов Б. «Особенности корпоративного рейдерства в Казахстане». - [Электрон.ресурс]. - URL: https://forbes.kz/process/expertise/osobennosti_korporativnogo_reyderstva_v_kazahstane/ (Дата обращения: 30.09.2019)

А.А. Нурмагамбетов, А.М. Нурмагамбетов

Л.Н.Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Нұр-Сұлтан, Қазақстан

Рейдерлікке қарсы азаматтық-құқықтық шара қолданудың кейбір мәселелері

Андатпа. Рейдерлік Экономикалық құбылыс бағалы қағаздар нарығының қалыпта- суына байланысты туындады. Бағалы қағаздар нарығының пайда болуының алғашқы кезеңдерінде қыл- мыстық тәсілдермен, көп жағдайларда күш қолданып, кәсіпорындарды, тұтастай бизнесті тар- тып алып отырған «қара» рейдерлердің қызметінің белсенділігі артты.

Қазіргі кезде «қара» рейдерлікпен қатар, азаматтық заңнаманың нормаларын басшылыққа алып, кәсіпорындар мен бизнесті иемденіп алуға ұмтылатын «ақ» рейдерлік те бар.

Қазақстан Республикасында рейдерлік құқыққа қайшы әрекет ретінде еліміз шаруашылық жүргізудің социалистік жүйесінен нарықтық экономикаға өту жағдайында пайда болды. Рейдерлік- тің жағымсыз ықпалына, ең алдымен, ірі бизнеске қарағанда рейдерлік әрекеттерге қарсы экономи- калық, қаржылық, ұйымдастырушылық мүмкіндіктері төмен орта және шағын кәсіпкерлік субъек- тілері ұшырайды.

Рейдерліктің заң анықтамасы азаматтық заңнамада жоқ, бірақ бұл құбылысқа қарсы құқықтық әрекет ету оның көптеген нормаларында көрініс тапқан. Тәжірибеде көп жағдайда рейдерлікке тап болуға бейім компаниялар ретінде әрекет етуші заңнаманы бұзып, сол арқылы рейдерлік шабуыл- дарға тиімді жағдай тудыратын ұйымдар аталады.

Рейдерлік қарсы әрекет етудің тиімділігін арттыру мақсатында банктік қызмет, жылжымай- тын мүлік ипотекасы, оналту және банкроттық саласындағы заңнаманы жетілдіру қажет.

Түйін сөздер: рейдерлік, «қара» рейдерлік, «ақ» рейдерлік, бағалы қағаздар, рейдерлік ша- буыл, ұйым-мақсат, рейдер-компания.

A.A. Nurmagambetov, A.M. Nurmagambetov

L.N. Gumilyov, Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan

Some issues of civil law counteraction to raiding in the field of entrepreneurship

Abstract: Raiding, as an economic phenomenon, arose in the world practice in connection with the functioning of the securities market. At the initial stage of the formation of the securities market, the activities of the so-called “black” raiders were formed and intensified, which in a criminal way, using violent acts, seized enterprises and the business as a whole.

Along with “black” raiding, there is a “white” raiding aimed at seizing the enterprise and business, guided primarily by civil law. At the same time, the division of raiding into “black” and “white” is conditional, since the methods of raider attacks on the target company have improved in their own way, and in some cases the “black” and “white” raiding are mixed.

In the Republic of Kazakhstan, raiding, as an unlawful act, arose in the context of the transition of our country from a socialist economic system to a market economy. At the same time, medium and small businesses, which, unlike large businesses, do not have the corresponding economic, financial and organizational capabilities to counter raiding, are exposed to the negative impact of raiding.

Civil law does not have a legal definition of raiding, but legal opposition to this phenomenon is enshrined in many of its norms. In practice, those companies that violate current legislation may be vulnerable to raider seizure, thereby creating a facilitated environment for raider attacks. In order to increase the effectiveness of opposing raiding, it is necessary to improve legislation in the field of banking, on real estate mortgages, on rehabilitation and bankruptcy

Keywords: raiding, black raiding, white raiding securities, raider attack, target company, raider company.

References

1. Konstruktivnyj obshchestvennyj dialog - osnova stabil'nosti i procvetaniya Kazahstana. Poslanie Glavy gosudarstva Kasym-Zhomarta Tokaeva narodu Kazahstana [Constructive public dialogue is the basis of stability and prosperity of Kazakhstan]. Kazahstanskaya Pravda [Kazakh truth]. 2019, 3 September, №169 (29046).
2. Ovchinsky V. Rejderomafiya [Raideromafia]. [Electron.resource]. Available at: www.ogoniok.som. (Accessed: 27.09.2019)
3. Fedorov A.Yu. Rejderstvo i korporativnyj shantazh (organizacionno-pravovye mery protivodejstviya) [Raiding and corporate blackmail (organizational and legal measures of counteraction)] (Volters Kluver, Moscow, 2010, p.3)
4. Satyajit Das, (2011) «Extreme Money: Masters of the Universe and the Cult of Risk» (FT Press, New York, 137 p).
5. Drexel files for bankruptcy after defaulting on payments, Washington Post, February 14, 1990. [Electron.resource]. Available at: <https://www.washingtonpost.com/archive/politics/1990/02/14/drexel-files-for-bankruptcy-after-defaulting-on-payments> (Accessed: 29.09.2019)
6. Zakon Respubliki Kazahstan «Ob ipoteke nedvizhimogo imushchestva» ot 23 dekabrya 1995 goda № 2723 [The Law of the Republic of Kazakhstan “On Real Estate Mortgage” dated December 23, 1995 No. 2723]. [Electron.resource]. Available at: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1004032 (Accessed: 29.09.2019)
7. Zakon Respubliki Kazahstan «O reabilitacii i bankrotstve» ot 7 marta 2014 goda № 176 [The Law of the Republic of Kazakhstan “On Rehabilitation and Bankruptcy” dated March 7, 2014 No. 176]. [Electron.resource]. Available at: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31518958 (Accessed: 30.09.2019)
8. B. Tukulov «Osobennosti korporativnogo rejderstva v Kazahstane» [Tukulov B. “Features of corporate raiding in Kazakhstan”] [Electron.resource]. Available at: https://forbes.kz/process/expertise/osobennosti_korporativnogo_rejderstva_v_kazahstane/. (Accessed: 30.09.2019)

Сведения об авторах:

Нурмагамбетов А.А. – магистр права (LL.M), старший научный сотрудник Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, пос. Косшы, Целиноградский район, Акмолинская область, Казахстан.

Нурмагамбетов А.М. – доктор юридических наук, заведующий кафедрой гражданского, трудового и экологического права юридического факультета Евразийского национального университета имени Л.Н.Гумилева, Заслуженный деятель Республики Казахстан, Нур-Султан, Казахстан.

Nurmagambetov A.A. - Master of Law (LL.M), senior researcher at the Academy of Law Enforcement Agencies under the General Prosecutor’s Office of the Republic of Kazakhstan, Kosshy settlement, Tselinogradsky district, Akmola region, Kazakhstan.

Nurmagambetov A.M. - doctor of legal sciences, head of the Department of civil, labor and environmental law of the law faculty of the Eurasian national University named after L.N. Gumilyov. Honored worker of the Republic of Kazakhstan, Nur-Sultan, Kazakhstan.

IIRSTI 10.63.59

A.Zh.Issayeva, B.Zh.Aitimov

I.Zhansugurov Zhetysu State University, Taldykorgan, Kazakhstan

(E-mail: ayim_09@mail.ru, bola_30081978@mail.ru)

Legal regulation of the procedure for consideration of labor disputes in court

Abstract. The article is devoted to the issues of legal regulation of the procedure for consideration of labor disputes in court. The research is presented on the study of the aspects of procedural consideration of cases arising from labor relations, which allow to identify gaps in the theoretical development of ways and forms of procedural protection of labor rights, provide uniform application of civil procedural and labor law, avoid collisions and inaccuracies. In addition, it will help to clarify the essence of constitutional principles, strengthen the rule of law and order, prevent offenses in the sphere of labor relations and create respect for the law and the court.

The methodological basis of the research is a complex of scientific techniques and methods for investigating phenomena and processes, including general scientific and private scientific methods of cognition. Taking into account that labor disputes have a certain specificity that distinguishes them from other cases considered in the context of the lawsuit, in the scientific literature there has recently arisen increasingly an issue that the procedure for considering labor disputes needs to be improved. For this purpose it is proposed to adopt the Labor Procedure Code, the special law «On Labor Courts of the Republic of Kazakhstan» and also implement other global changes in the national legislation.

Keywords: Labor dispute, procedural cases, labor conflicts, judicial practice, reinstatement to work, labor law, offense.

DOI: <https://doi.org/10.32523/2616-6844-2019-129-4-85-96>

Introduction. Deep socio-economic transformations in the life of modern Kazakhstan, the transition to a market economy, the emergence of new democratic institutions could not lead to radical changes in national law, both financial and procedural. These reforms are primarily aimed at resolution the economic and political needs of society. Social issues also have not been put aside. The protection of labor rights of citizens remain one of the most important tasks of the Republic of Kazakhstan as a legal and social state.

With the adoption in November 2015 of the Labor Code of the Republic of Kazakhstan, a number of priority tasks of the legal regulation of social and labor relations were resolved [1]. However, the introduction of new legal provisions has not always been clearly expressed in all cases. There are issues that have not found an unambiguous legal regulation, in connection with which arises the problem in interpreting and applying them in practice.

In market conditions, conflicts between employers and employees often arise: illegal dismissal and transfer to another job, non-payment of wages, refusal to conclude an employment contract, unreasonable involvement in disciplinary or financial responsibility, etc.

Using the objective inequality of the economic, social order, the existence of certain powers in relation to the employee, the dependence of the latter on the labor and financial relations, the low level of his legal culture, the employer often seeks to resolve the conflict without taking into account the legal rights and interests of the employee.

The Constitution of the Republic of Kazakhstan recognizes the right to individual and collective labor disputes using the methods of their resolution established by law, including the right to strike. However, these constitutional guarantees, which are very important for each person, are not automatically realized in labor relations, which a person enters into when hired [2].

Effective legal mechanisms are needed, including ways and forms of resolving differences between the employer and the employee so that the arising labor conflicts are resolved by an authorized jurisdictional body in strict compliance with the law based on the factual facts established in the case.

It should be recognized that the current state of the legislative regulation of labor relations and the procedure for considering and resolving disagreements between the employee and the employer, as well as the practice of applying this legislation, do not fully meet the requirements of real protection of participants in labor legal relationships, and first of all the employee. This is evidenced by discussions at numerous conferences, round tables, parliamentary hearings and meetings of the relevant committees of the Parliament of the Republic of Kazakhstan, materials on the study of judicial practice to consider and resolve labor disputes in court.

Taking into account the current economic situation, further reforming and democratization of the Kazakh society, expansion of the non-state production sector, better awareness of workers' about their rights and the need for their protection, analysis of disputes arising from labor relations and considered in courts during 2013-2018, it is possible to predict further growth in the number of labor disputes, taking into account the ambiguity and even the contradictory nature of a number of provisions of labor legislation that represent significant complexity for bodies that are called upon to consider and resolve them. These difficulties sometimes arise in connection with the imperfection of the mechanism of the judicial form of protection of subjects of labor law. The legal forms of the protection of rights provided for by law should be most conducive to the full realization of the rights enshrined in substantive law. At the same time, modern civil procedural legislation, provided as a universal instrument for establishing and applying judicial forms of protection of rights and interests protected by law, including subjects of labor relations, does not provide adequate level of guarantees. The fact is that the forms of protection of individuals and organizations, fixed in the Civil Procedural Code of the Republic of Kazakhstan, are based on the principles of equality of subjects of legal relations, almost unlimited freedom of will, in particular, regarding the establishment of contract terms, which is customary for civil law. In labor relations, their subjects - the employer and the employee - are unequal. In the opinion of the authors, the procedural aspects of consideration and resolution of labor disputes worked out and tested by judicial practice for many years have acquired such a qualitative state, which no longer fits into the general provisions of the Civil Procedural Code of the Republic of Kazakhstan and needs a legislative consolidation [3].

Goals. The purpose of this research is to analyze the current procedure for consideration and resolution of labor disputes for the theoretical justification and development of a separate chapter of the Civil Procedural Code of the Republic of Kazakhstan devoted to the procedural aspects of consideration and resolution of labor disputes, as well as to identify the need for reforming the system of bodies for consideration and resolution of labor disputes, providing an adequate level of guarantees for the labor rights of citizens.

Problem statement. Setting these goals predetermined the need to solve the following particular research tasks:

— analyze the causes of labor disputes, taking into account the genesis of the process of consideration of labor disputes in science and practice of the national labor and civil procedural law;

— to determine the range of the main provisions that have the greatest influence on the order of consideration of a labor dispute and ultimately predetermine the need for and the possibility of

concreting and isolating a certain procedural form, which would make it more efficient to apply the norms of the labor law;

— to show in what procedural forms the aspects of the consideration of labor disputes occur, to what extent these forms ensure the correctness and timeliness of the resolution of a labor conflict, what is the prospect of their development and improvement;

— to examine the current state of the bodies for consideration and resolution of labor disputes, to assess how far their functional and organizational capabilities correspond to the modern requirements for improving the quality of protection of the rights of participants in labor relations, to identify the ways of possible reform of bodies for consideration and resolution of labor disputes;

— to study other problematic issues arising during the consideration and resolution of labor disputes;

— develop theoretically proved and suitable recommendations for practical application on improving the current legislation, related to the regulation of the procedure for the consideration and resolution of labor disputes.

Research methods. The methodological basis of the research is a complex of scientific techniques and methods for investigating phenomena and processes, including general scientific and private scientific methods of cognition: concrete historical, dialectical, sociological, formal-logical, structural-functional, system analysis, comparative research.

Empirical base of the research. It involves obtaining scientific information during the research, studying the practical activities of the judiciary, official static data, civil cases, international legal comparison.

The theoretical significance of the research lies in the fact that its theoretical principles and recommendations can serve as a basis for future diversified sectoral studies.

During the study of the special legal literature, 170 civil cases and judicial acts placed in the base of the Unified Automated Information System of the Judicial Authorities of the Republic of Kazakhstan (EASC) and the Information System «Turelik», on cases on the consideration of labor disputes, based on the analysis of regional and equivalent courts of generalizations, as well as on the outcome of the round table with the participation of representatives of the General Prosecutor's Office of the Republic of Kazakhstan, the Ministry of Labor and Social Protection of Population, the Interior of the Republic of Kazakhstan, the Federation of Trade Unions of the Republic of Kazakhstan, the National Bar Association of the Republic of Kazakhstan, research organizations, we have identified the problematic issues that require investigation of questions on the application of labor law; working out proposals for its improvement and taking measures to form a uniform judicial practice in this category of cases.

Labor dispute can be considered as a legal conflict [4, p.9], disagreement [5, p.85-93., 6. p.10], the state of the disputed legal relationship [7, p.10], separate legal relationship [8, p.106], form of protection [9, p.13], and also in other aspects. This set of approaches to the definition of «labor dispute» logically fits into the General theoretical understanding of legal disputes, which also allow many interpretations [10, p.32-35]. In addition, there are various types of labor disputes (individual and collective labor disputes, disputes about the law and disputes about interest, claims and non-tax labor disputes and others). In other words, there are a significant number of phenomena related to the concept of «labour dispute».

The analysis of the research shows that labor conflicts between the parties to labor relations, i.e. the employer and the employee, can arise on various occasions and basis at any stage of the employment relationship. And they can occur during the period of the labor legal relationship, precede it or take place after its termination. However, the conflict is not always considered as a synonym for the legal term «a labor dispute».

A peculiar approach to the definition of the concept of labor dispute was expressed in the

early 1970s by T.A. Nykolaeva. She proposed to consider the labor dispute in two aspects: financial and legal and procedural and legal. And she believes that both of these aspects are applicable to the same contentious relationship. According to T.A. Nykolaeva, the concept of a labor dispute in the substantive sense precedes the procedural and legal concept of a labor dispute when it loses its original quality - a financial character, and on its basis arises a dispute in procedural quality [11, p.50].

It seems that this approach deserves an attention, since to a certain extent it was reflected in the legal definition of the individual labor dispute given in the Labor Code of the Republic of Kazakhstan. At the same time, these two aspects can not be considered in isolation, they are interrelated, their mutual influence is great. It should also be noted that the labor dispute acts as a single legal phenomenon, in which there is both a substantive and a procedural aspect. Disagreement of a material and legal nature, as was shown earlier, does not yet become a labor dispute, such it appears only when a purely procedural action is completed - appealing to the body for considering a labor dispute. From this «its original quality - the financial character» is not lost. It merges into a «procedural quality».

A conflict can arise and last for a long time. The resolution of such a conflict is possible by the parties voluntarily as a result of negotiations. But if the conflict is not resolved by its participants and there is a need to involve special bodies authorized to do this, the conflict grows into a labor dispute.

It should be acknowledged that for employees the appeal to the bodies for considering labor disputes is associated with a certain risk. Comparing all the pros and cons, the employees are not often able to resolve the differences arising between them and employers for consideration by the bodies authorized by the state to resolve labor disputes. In this case, disagreements do not develop into labor disputes, that is, they do not become the subject of special bodies' consideration.

However, the resolution of labor conflicts are not always possible without outside interference. The legislation on labor disputes is precisely designed to resolve them within the framework of civilized procedures.

The causes of collective labor disputes are often the guilty actions of officials, reflecting their subjective negative features. But the reason for the negative quality can also be on the part of the labor collective as a contending party that manifests group selfishness, which does not consider production interests. In individual labor disputes, the reason can also appear on the part of the disputing employee when he disputes the legitimate actions of the employer or requires the establishment of new working conditions without due cause [12].

The dynamics of the emergence of labor conflict and its escalation into a labor dispute can be depicted as follows. At first, a labor offense is committed (it can be real or exist only in the representation of the «offended» party). Further, each side gives its assessment of the offense (this assessment must be different from the evaluation of another subject, otherwise the conflict is excluded). The subsequent development of events is connected with an attempt to resolve the differences by the parties themselves during direct negotiations. And only if the negotiations are not successful, there will be a request to the jurisdictional body to resolve the conflict. Moreover, this appeal is not only about resolving the disagreement, but also about protecting the violated or disputed right. It is at this stage that a legal phenomenon arises which is embedded in the definition of « a labor dispute».

From the previously mentioned dynamics of the emergence of labor disputes, their relationship with labor violations are visible, which in most cases serve as an excuse for disagreements, and then for labor disputes.

One of the grounds for classifying labor disputes are the division of them into species depending on the subject of the dispute. According to this criterion, they are classified into two groups. The first is the disputes arising from the application of legislative and other normative acts

on labor, collective agreements, labor agreements and labor contracts. Such a labor dispute arises, as a rule, as a result of an actual or alleged violation of his labor rights by an employee. These disputes are called disputes about the law.

The second group consists of disputes, the subject of which are disagreements over the establishment of new or changes on working conditions, including those arising from the conclusion, modification and implementation of collective contracts and agreements. In this case, there is no violation of the subjective rights of the participants in the employment relationship, but they seek in the dispute to satisfy their legitimate interests. Such disputes are called disputes about interests.

In each of the two types of labor disputes, the objectives of the participants in the dispute are different: in the first case, the dispute participant seeks the realization of the already existing subjective labor rights, in the second case, it is about acquiring new rights or achieving a balance of interests of the participants in the labor dispute.

Sometimes there is also a subject classification of labor disputes:

- on the restoration of employees in their previous work;
- on recognizing unlawful dismissal, changing the date and grounds for dismissal;
- on recovery of accrued but not paid wages;
- on the abolition of disciplinary sanctions;
- on compensation of material damage caused by the employee to the employer;
- about the termination of the employment contract in case of liquidation of the organization, reduction of the number or staff;
- Others.

Classification of labor disputes allows you to correctly determine the jurisdiction, nature and subject matter of a labor dispute.

The exclusive competence of the court includes labor disputes, listed in Part 2 of Art. 391 Of the Labor Code of the Republic of Kazakhstan. At the same time, the initiative of applying to the court for such disputes may belong to both the employee and the employer. Upon the application of the employee directly in courts, labor disputes are considered as follows:

- on the restoration at work, regardless of the grounds for termination of the employment contract;
- about changing the date and formulating the reason for dismissal;
- about transferring to another job;
- about payment for the time of forced absence;
- on payment of the difference in wages for the time of performance of the below-paid work;
- illegal actions (inaction) of the employer when processing and protecting the personal data of the employee.

In addition, ITS is directly considered in court:

- refusal to hire;
- persons who consider that they have been discriminated against (for example, on the basis of a woman's pregnancy or having children);
- persons working under an employment contract with employers - individuals.

The statistical data of the cases considered in court testify that it is not possible to reverse the situation towards unconditional observance of labor legislation. So, in 2017, 7792 cases were considered in courts of the republic, resulting from labor relations, among them: on payment of wages and other payments (4425); on the restoration of the dismissed at work, including with payment of wages (995); in connection with the performance of labor duties (753); on the reinstatement of dismissed workers (465); on challenging orders to impose disciplinary penalties for committing corruption offenses (8) [13].

Analysis of statistical data suggests that in 2017, compared to 2016, the number of claims

for protection of labor rights returned and abandoned by courts has increased.

However, it is not possible to establish the reasons for the increase in the return of applications for the processing of applications without consideration due to the lack of such information in the statistical report data.

In accordance with the Labor Code, an appeal to the conciliation commission is a mandatory pre-trial procedure for resolving labor disputes.

In the majority of cases, in the absence of information on the pre-trial order of the settlement of the dispute, as well as information on the attribution of the respondent (employer) to a certain category of business entities, as well as to the heads of the executive bodies of the legal entity, the courts returned the statements of claim, which is correct, since it is the duty of the employee to appeal to the conciliation commission, non-compliance with which is the basis for the return of the claim.

An example of this is the case under the suit of G. to LLP about recovery of salaries payable [14]. By the decision of the Pavlodar City Court, upheld by the decision of the judicial collegiums on civil cases of the regional court, the claim of G. was left without consideration due to the infringement by him the procedure for the pre-trial settlement of the dispute established by law for this category of cases, and the fact that the possibility of applying this order has not been lost [14].

At the same time, there are cases when the courts, in violation of the requirements of subparagraph 16) of paragraph 1 of Article 22 of the Labor Code, accepted and considered cases without consideration of the matter by the conciliation commission.

So, a claimant B. applied to court with a claim against LLP about recognition of orders as illegal, restoration at work, recovery of wages for the time of forced absenteeism, compensation of moral harm and representational expenses. The claimant applied to the conciliation commission, but there was no response to the absence of a conciliation commission at the enterprise. The case was considered by court without the conciliation commission's decision, which is incorrect. By virtue of subparagraph 1) of Article 152 (1) and 2, the Code of Civil Procedure has decided to return the claim with the reasons for the return, as well as explain to the claimant the circumstances preventing the initiation of a civil case (Mangistau region).

If the party to the individual labor dispute does not agree with the decision of the conciliation commission in whole or in part, and also in case of failure to comply with the decision of the conciliation commission, the dispute is considered unresolved. Therefore, the parties disagreeing with the decision of the conciliation commission have the right to resolve the dispute in court. At the same time, the court is not bound by the conclusions of the conciliation commission and the dispute is resolved essentially within the limits of the claims stated by the claimant.

The consideration of an individual labor dispute by the conciliation commission does not deprive the party of the right to appeal to court. At the same time, it is not required to cancel or change the decision of the conciliation commission in court.

A particular attention should be paid to the consideration of disputes on the reinstatement at work of persons previously convicted for committing an offense of corruption (including in the presence of repaid convictions), as well as those brought to administrative responsibility for corruption offenses. In view of the above, the provisions of article 159, paragraph 1, of the Labor Code are not applicable to employees (members of the military service, special state employees, law enforcement agencies and state courier service). Consequently, the possibility of considering individual labor disputes by conciliation commissions in respect of these workers is not provided. In case of disagreement with the decision to impose a disciplinary sanction, the employee has the right to appeal to court directly.

In accordance with paragraph 4 of article 139 of the Labor Code for civil service, the debt associated with the performance of management functions cannot be accepted by a person who has previously committed a corruption offense.

According to subparagraph 9) of paragraph 3 of Article 16 of the Law of the Republic of Kazakhstan «On Civil Service», a person cannot be accepted for civil service for whom within three years before entering the civil service was given a court conviction for a criminal offense or released from criminal liability for committing a criminal offense on the basis of paragraphs 3), 4), 9), 10) and 12) of the first part of Article 35 or Article 36 of the Code of Criminal Procedure [15].

In accordance with subparagraph 16) of paragraphs 1, 3 of article 61 of the Law of the Republic of Kazakhstan «On Civil Service», the grounds for termination of civil service by administrative civil servants is the provision, when entering the civil service, of deliberately false documents or information that could be grounds for refusing admission to civil service.

Thus, in accordance with subparagraph 8) of paragraph 3 of Article 16 of the Law of the Republic of Kazakhstan «On Civil Service» of November 23, 2015, a person who has committed a corruption crime cannot be admitted to the civil service [16].

So, A. filed a lawsuit against the Emergency Department about the recognition of the order of dismissal illegal and restoration at work, indicating that he did not hide information about the criminal record, because he considered it insignificant.

The decision of the court to satisfy the claims was denied. By decision of the court collegiums, the decision of the first instance court was canceled with a new decision on the satisfaction of the claims in the case.

By decision of the cassation instance of the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan, the decision of the appellate court was quashed by upholding the decision of the first instance court.

The reason for the cancellation of the decision of the collegium and the decision of the court of the first instance to remain in force was that, when deciding whether to admit A. to the state fire service, he personally filled out the list of personnel records and committed violation of the requirements of the Law of the Republic of Kazakhstan «On Law Enforcement Service» and the Regulations on the Service of Individuals and Officers of the Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan when writing his autobiography he concealed the fact of criminal liability and conviction. The basis for the claimant's dismissal was the fact of concealing information about his conviction on admission to the service. The repayment of a criminal record for a criminal act or the de-criminalization of this act subsequently did not matter.

An ambiguous decision is applied by courts at consideration of claims on restoration at work and collecting of wages for time of compelled absence because of illegal bringing to criminal responsibility. Courts in the process of preparing cases for trial must verify the existence of grounds and the basis for the claims. Because the grounds for presenting claims must be the issuance of an acquittal by the court, or the issuing by the criminal investigative authority of the decision on the termination of the criminal case on the grounds specified in Part 37 (1) of the Code of Criminal Procedure. The right to make such a claim in accordance with Part 2 of Article 39 of the Code of Criminal Procedure is also found in persons listed in parts 2 and 3 of Article 38 of the Code of Criminal Procedure.

It should be taken into account that these persons have the right to eliminate the consequences of moral harm and the restoration of labor and other rights.

Within six months from the day of receipt of the notice explaining the order of restoration of rights, a person has the right to apply with the requisite compensation for harm to those bodies whose competence includes the resolution of the issues raised in the request for restoring the violated rights.

In particular, the requirement to restore labor rights is to be sent to the organization, enterprise, institution where the rehabilitated worked at the time of his removal from office in connection with his criminal liability or conviction. In case of refusal to restore rights, the rehabilitated person

has the right to apply to the court.

So, Kyzylkoginsky district court of Atyrau region considered a civil case on the suit of U. to GU «OZHKN» on recognition of the order on dismissal illegal, restoration at work and recovery of wages for the time of forced absence.

By a court decision, U.'s claim was satisfied, the order to dismiss the claimant was declared illegal, the claimant was reinstated in his previous work, wages were raised for his forced absence.

According to the case file, the financial police of the Atyrau region found violations of the Law in public procurement conducted by the department in which U. worked. In respect of the latter, a criminal case was initiated, subsequently discontinued for non-rehabilitating reasons, which was the basis for issuing an order for the dismissal of U.

However, the court found that when reviewing the materials of the pre-trial investigation on the complaint of the plaintiff by a decision of the financial police investigator, the criminal case against U. was terminated due to the absence of corpus delicti, that is, on rehabilitative grounds, which was the basis for satisfying the claims of U.

In accordance with Article 61 of the Labor Code, the termination of the employment contract is formalized by the employer's act, with the exception of the termination of the employment contract in the event of death (declaration by the court of the deceased or recognition as missing) of the individual employer and termination of the employment contract with domestic workers.

In accordance with the Labor Code in the act of the employer must be pointed out the grounds for termination of the employment contract.

In this regard, the legal position of the courts appears to be correct, when the order is recognized as invalid, then the issue of restoring the employee at work is resolved, since the basis for accepting work and terminating the employment contract is the employer's act in the form of an order, without ordering it to prematurely decide on the part of restoring the employee.

Results. Current system and procedural form of protection of rights in the field of labor relations have their own aspects. The norms of the labor and related branches of law, which are of a substantive nature, can not but affect the procedure for resolving labor disputes. This influence significantly changes the content of procedural consideration and resolution of cases in disputes arising from labor and connected relations, and leads to the need of creating a different procedural order of consideration and resolution of labor cases, because the existing order in many respects do not correspond to the civil procedural form. A positive change in the situation in the legal proceedings in connection with the adoption of the new Civil Procedure Code of the Republic of Kazakhstan did not happen, because the procedure for the consideration and resolution of civil cases in the courts of general jurisdiction provided by the Civil Procedure Code of the Republic of Kazakhstan is primarily focused on disputes arising from material and legal relations characterized by the equality of the subjects of these relations, independence and autonomy in making decisions that affect the formation, development and the content of legal relations, the lack of elements of the administrative influence of one party to another.

A considerable number of violations of the labor legislation is due to the lack of procedural mechanisms for the implementation of the standards contained in the Labor Code. The legal reasons for violations of labor legislation are partly hidden in the content of material norms. Ideally, any material norm of labor law needs procedural forms of mediation in order to be an effective regulator of relevant social relations. In this regard, it is necessary to determine the forms and ways of protecting labor rights, to reform the procedural form of consideration and resolution of labor disputes. These changes in the civil procedural legislation would allow the most effective implementation of justice in cases arising from employment relations.

The study of the history of the development of forms of protection of labor rights in Kazakhstan, and their comparative analysis with foreign ones, testify to the existence of effective ways and forms of protection of labor rights that should be taken into account when reforming

the national civil procedural legislation when considering and resolving cases arising from labor relations. Introducing one of the forms of protection - the procedure for resolving disputes about the law, the Labor Disputes Commission do not cope with the task of pre-trial consideration of the dispute assigned to it. Advantages of the judicial form of protection are obvious. It is the judicial form of protection of labor rights that includes the whole set of measures to prevent violations and the forced restoration of subjective labor rights. Only the judicial form of protection is guaranteed by the Constitution of the Republic of Kazakhstan. The judicial (procedural) form of protection of labor rights has special aspects in the consideration and resolution of cases arising from labor relations.

Consideration of disputes on the recognition of legal relations labor (in the actual performance of labor functions for a particular profession on the basis of a service agreement), courts should distinguish between civil and legal relations from labor. Labor relations mean the relationship between the employee and the employer, arising in implementation of rights and obligations provided for by the labor legislation of the Republic of Kazakhstan, agreements, labor, collective agreements and acts of the employer. Distinctive features of the employment contract from other types of contracts is the presence in it of one of the following conditions: 1) the performance of the work (labor function) by a certain qualification, specialty, profession or position; 2) fulfillment of obligations personally with subordination to the labor regulations; 3) the receipt by the employee of wages for work. In accordance with paragraph 3 of Article 33 of the Labor Code, the person is allowed to work only after the conclusion of the employment contract [17].

Conclusion. Consequently, labor relations arise between the employee and the employer on the basis of an employment contract concluded in accordance with the Labor Code, with the exception of cases established by the laws of the Republic of Kazakhstan. The nature of the employment relationship can be evidenced by the circumstances when the employee performs certain work on a specific specialty, qualification, position with compliance with the rules of the labor schedule, and the employer pays him wages and provides working conditions due to the labor legislation. When concluding a civil contract, the contractor and the performer shall independently determine the time necessary for the performance of work and the provision of services under the contract. In respect of persons who have concluded civil law contracts, disciplinary penalties for violation of labor discipline, as well as rules of labor regulations, orders, instructions of the head are not applied. A person who has concluded a civil law contract receives a reward for the final result, not for the work of the contractor or performer itself. The amount of this remuneration is established by agreement of the parties. Remuneration for civil law contracts is accrued, as a rule, on the basis of a signed certificate of acceptance of works (services).

Cases involving the reinstatement of persons dismissed on other grounds, for example, in the event of disclosure of secrets protected by law, committing embezzlement, waste, destruction of property, committing the guilty actions by an employee directly serving monetary and commodity values, are considered in district courts are quite rare.

When considering a case on reinstatement of a dismissed claimant at work with a reference to the fact that he was hired with violation of mandatory rules when concluding an employment contract, it should be clarified in the court session whether there is a court verdict on depriving a particular person of the right to occupy certain positions or engage in certain activities, if the job performed by this person is contraindicated for health reasons in accordance with a medical evidence, if there is a document on education, if the performance of work requires special knowledge in accordance with federal law or other normative legal act.

Список литературы

- 1 Трудовой кодекс Республики Казахстан от 23 ноября 2015 года. № 414-V - [Электрон. ресурс]. <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1500000414> (дата обращения: 09.01.2020).
- 2 Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 года. - [Электрон. ресурс]. http://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_ (дата обращения: 09.01.2020).
- 3 Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан от 31 октября 2015 года. № 377-V ЗРК. <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1500000377> (дата обращения: 09.01.2020).
- 4 Прасолова И.А. Трудовые конфликты и трудовые споры по российскому законодательству: автореферат диссертации. - Пермь, 2005, с. 9.
- 5 Морейн И.Б. О понятии трудового спора. - Правоведение, 1966. - № 4. - С. 85-93.
- 6 Агапов Р.М. Порядок рассмотрения индивидуальных трудовых споров. автореферат диссертации. - М., 2007, с. 10.
- 7 Курушин А.А. Трудовые споры: понятие, структура, виды, подсудность: автореферат диссертации. - Ульяновск, 2003, с. 10.
- 8 Костян И.А. Индивидуальные трудовые споры и гарантии их разрешения: кандидатская диссертация. - М., 2000, с. 106.
- 9 Бережнов А.А. Досудебный порядок разрешения индивидуальных трудовых споров: автореферат диссертации. - М., 2012, с. 13.
- 10 Ненашев М.М. Спор о праве и его месте в гражданском судопроизводстве: кандидатская диссертация. - Саратов, 2011, с. 32-35.
- 11 Николаева Т.А. Ответственность по трудовым спорам как форма защиты трудовых прав граждан. - Советское государство и право. - 1973. - №8. - С. 50.
- 12 Балашов А.И. Трудовые споры и их разрешение: учебное пособие. - СПб филиал Высшей школы экономики, 2008. - с. 116. (дата обращения: 09.01.2020).
- 13 Статистические данные о рассмотрении гражданских дел районными и приравненными к ним судами за 2017 год. - [Электрон. ресурс]. <http://sud.gov.kz/>
- 14 Возврат исковых требований судами в случае несоблюдения досудебного порядка урегулирования спора. Вестник Верховного Суда Республики Казахстан. - 2017 год. - №10, - С. 68.
- 15 Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года №231. <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231> (дата обращения: 09.01.2020).
- 16 Закон Республики Казахстан от 23 ноября 2015 года. №416-IV ЛРК. <http://adilet.zan.kz/eng/docs/Z1500000416> (дата обращения: 09.01.2020).
- 17 Бюллетень Верховного Суда Республики Казахстан. - 2017 год. - №7. - 76.

А.Ж. Исаева, Б.Ж. Айтимов

*І. Жансүгіров атындағы Жетісу мемлекеттік университеті, Талдықорған,
Қазақстан*

Еңбек дауларын сотта қарау тәртібін құқықтық реттеу

Аңдатпа. Мақалада еңбек дауларын сотта қарау тәртібін құқықтық реттеу мәселелері қаралады. Ұсынылған зерттеуде еңбек қатынастарынан туындайтын процесуалдық істерді қарау барысындағы кемшіліктерді анықтап, еңбек құқығын қорғаудың теориялық әдістері мен процесуалдық нысандарын әзірлеу, азаматтық іс жүргізу және еңбек құқығы нормаларын біркелкі қолдануды қамтамасыз етуге, коллизияларды, нақсыздықты болдырмау мүмкіндігі болып табылады. Бұдан басқа, бұл конституциялық қағидаттардың мәнін анықтауға, заңдылықпен құқықтық тәртіпті нығай-

туға, еңбек құқығы қатынастары саласындағы құқық бұзушылықтардың алдын алуға және заң мен сотқа құрметпен қарауды қалыптастыруға ықпал етеді.

Зерттеудің әдіснамалық негізі зерделеудің ғылыми тәсілдері мен әдістерінің құбылыстары мен процестерінің жиынтығы, соның ішінде, танымның жалпы ғылыми және жеке ғылыми әдістері болып табылады. Еңбек дауларының талап қою өндірісі шеңберінде қаралатын басқа істерден ерекшеленетін белгілі бір айырмашылығы бар екенін ескере отырып, соңғы уақытта ғылыми әдебиетте еңбек дауларын қарау тәртібін жетілдіру қажеттігі туралы мәселе жиі туындайды. Ол үшін Еңбек процестік кодексін, «ҚР Еңбек соттары туралы» арнайы заңды қабылдау, сондай-ақ ұлттық заңнаманың өзге де жаһандық өзгерістерін жүзеге асыру ұсынылады.

Түйін сөздер: Еңбек дауы, процесуалдық істер, еңбек қайшылықтары, сот тәжірибесі, жұмысқа қайта қабылдау, еңбек құқығы, құқықбұзушылық.

А.Ж. Исаева, Б.Ж. Айтимов

*Жетысуский государственный университет имени И.Жанусугурова, Талдықорган,
Казахстан*

Правовое регулирование порядка рассмотрения трудовых споров в суде

Аннотация. Статья посвящена вопросам правового регулирования порядка рассмотрения трудовых споров в суде. Представлены исследования по изучению особенностей процессуального рассмотрения дел, возникающих из трудовых правоотношений, позволяющих выявить пробелы в теоретической разработке способов и форм процессуальной защиты трудовых прав, обеспечить единообразное применение норм гражданского процессуального и трудового права, избежать коллизий, неточностей. Кроме того, это будет способствовать уяснению сущности конституционных принципов, укреплению законности и правопорядка, предупреждению правонарушений в сфере трудовых правоотношений и формированию уважительного отношения к закону и суду.

Методологической основой исследования являются совокупность научных приемов и методов исследования явлений и процессов, в том числе общенаучные и частнонаучные методы познания. Учитывая, что трудовые споры имеют определенную специфику, отличающую их от других дел, рассматриваемых в рамках искового производства, в последнее время в научной литературе все чаще встает вопрос о необходимости совершенствования порядка рассмотрения трудовых споров. Для этого предлагается принять Трудовой процессуальный кодекс, специальный закон «О трудовых судах РК», а также осуществить иные глобальные изменения национального законодательства.

Ключевые слова: трудовой спор, процессуальные дела, трудовые конфликты, судебная практика, восстановление на работу, трудовое право, правонарушение.

References

- 1 Trudovoj kodeks Respubliki Kazahstan ot 23 nojabrja 2015 goda. № 414-V [The labour Code of the Republic of Kazakhstan dated 23 November, 2015. № 414-V]. [Electron. resource]. Available at: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1500000414> (Accessed: 09.01.2020).
- 2 Konstitucija Respubliki Kazahstan ot 30 avgusta 1995 goda [The Constitution of the Republic of Kazakhstan of 30 August, 1995]. [Electron. resource]. http://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_ (Accessed: 09.01.2020).
- 3 Grazhdanskij processual'nyj kodeks Respubliki Kazahstan ot 31 oktjabrja 2015 goda [The Civil procedure Code of the Republic of Kazakhstan dated 31 October, 2015]. № 377-V ZRK. <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1500000377> (Accessed: 09.01.2020).
- 4 Prasolova I.A. Trudovye konflikty i trudovye spory po rossijskomu zakonodatel'stvu. avtoreferat dissertacii [Labor conflicts and labor disputes under Russian law]. abstract of dissertation. Perm, 2005, p.9.

- 5 Moraine I.B. O ponjatii trudovogo spora [About the concept of labor dispute], Pravovedenie [Jurisprudence] 4, 85-93 (1966)
- 6 Agapov R.M. Porjadok rassmotrenija individual'nyh trudovyh sporov [Procedure for consideration of individual labor disputes]. abstract of dissertation. - Moscow, 2007, p.10.
- 7 Kurushin A.A. Trudovye spory: ponjatie, struktura, vidy, podsudnost' [Labor disputes: concept, structure, types, jurisdiction]. abstract of dissertation. Ulyanovsk, 2003. p.10
- 8 Kostyan I.A. Individual'nye trudovye spory i garantii ih razreshenija [Individual labor disputes and guarantees of their resolution]. Moscow, 2000. 106 p.
- 9 Berezhnov A.A. Dosudebnyj porjadok razreshenija individual'nyh trudovyh sporov [Pre-trial procedure for resolving individual labor disputes]. abstract of dissertation. Moscow, 2012. p. 13
- 10 Nenashev M.M. Spor o prave i ego meste v grazhdanskom sudoproizvodstve [The dispute about the law and its place in civil proceedings]. candidate dissertation. Saratov, 2011, p.32-35.
- 11 Nykolaeva T.A. Otvetstvennost' po trudovym sporam kak forma zashhity trudovyh prav grazhdan [The Responsibility of labor disputes as a form of protection of the labor rights of citizens], Sovetskoe gosudarstvo i pravo [Soviet state and law]. 8, 50 (1973)
- 12 Balashov A.I. Trudovye spory i ih razreshenie: uchebnoe posobie [Labour disputes and their resolution: a Training manual] (branch of higher school of Economics, SPb, 2008, 116 p.)
- 13 Statisticheskie dannye o rassmotrenii grazhdanskih del rajonnymi i priravnennymi k nim sudami za 2017 god [Statistical data on the consideration of civil cases by district and equivalent courts for 2017]. [Electron. resource]. Available at: <http://sud.gov.kz/> (Accessed: 09.01.2020)
- 14 Vozvrat iskovyh trebovanij sudami v sluchae nesobljudenija dosudebnogo porjadka uregulirovanija spora [Return of claims by the courts in case of non-compliance with the pre-trial procedure of dispute settlement], Vestnik Verhovnogo Suda Respubliki Kazahstan [Bulletin of the Supreme court of Kazakhstan]. 10, 68 (2017).
- 15 Ugolovno-processual'nyj kodeks Respubliki Kazahstan ot 4 ijulja 2014 goda №231 [The Code of Criminal Procedure the Republic of Kazakhstan dated 4 July, 2014, №231]. [Electron. resource]. Available at: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231> (Accessed: 09.01.2020).
- 16 Zakon Respubliki Kazahstan ot 23 nojabrja 2015 goda. №416-IV LRK [The Law of the Republic of Kazakhstan dated 23 November 2015. №416-IV LRK]. [Electron. resource]. Available at: <http://adilet.zan.kz/eng/docs/Z1500000416> (Accessed: 09.01.2020).
- 17 B'ulleten' Verhovnogo Suda Respubliki Kazahstan [Bulletin of the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan]. 7, 76(2017).

Сведения об авторах:

Исаева А.Ж. – I. Жансүгіров атындағы Жетісу мемлекеттік университетінің «Құқықта-ну» мамандығының докторанты, I.Жансүгіров көш. 187 а., Талдықорған, Қазақстан.

Айтимов Б.Ж. – I. Жансүгіров атындағы Жетісу мемлекеттік университеті, «Қыл-мыстық құқық» кафедрасының меңгерушісі, PhD, I. Жансүгіров көш. 187 а. Талдықорған, Қазақстан.

Issayeva A.Zh. – PhD student, I. Zhansugurov Zhetysu State University, I.Zhansugurov street, 187a., Taldykurgan, Kazakhstan.

Aitimov B. Zh. – PhD, head of the Department of «Criminal law» I. Zhansugurov Zhetysu state University, I.Zhansugurov street, 187a., Taldykurgan, Kazakhstan.

МРНТИ 340.1(075.8)

М.Н. Мырзаханова¹, З.Б. Жукова², Л.И. Товсултанова³, О.В. Мирошникова⁴

¹Кокшетауский государственный университет им. Ш. Уалиханова, Кокшетау,
Казахстан

^{2,3,4}Северо-Казахстанский государственный университет им. М. Козыбаева,
Петропавловск, Казахстан

(E-mail: ¹myrzahanova@mail.ru, ²zara01.07@icloud.com,

³tovsultanova.liana2011@yandex.ru, ⁴mov0802@mail.ru)

Некоторые аспекты рассмотрения индивидуальных трудовых споров в странах ЕАЭС

Аннотация. Евразийский интеграционный проект был основан на идее создания единого экономического пространства, а вопрос политической интеграции в рамках ЕАЭС, включая создание евразийского парламента, обсуждался при подготовке к запуску проекта евразийской интеграции. В этот период казахстанский политический институт стремился максимально увеличить число членов Союза. Политическая интеграция рассматривалась как способ усиления евразийской интеграции.

В целом, создание ЕАЭС позволило свободно рабочей силе свободно перемещаться по территориям пяти государств-членов, что увеличило потребность в согласованных условиях труда, поэтому, вопрос гармонизации трудового права стал актуальным для пяти государств. В частности, разрешение трудовых споров, основные элементы которого рассматриваются институтом трудового права, в том числе определения и классификации споров в государствах-членах ЕАЭС. По мнению авторов, правовое регулирование трудовых споров во всех государствах-членах основано в советских правовых традициях, то есть схожих правовых моделях и концепциях и требует тщательной доработки.

Ключевые слова: трудовой договор, содружество, ЕАЭС, государства-члены, права, условия.

DOI: <https://doi.org/10.32523/2616-6844-2019-129-4-97-102>

Введение. ЕАЭС - это прежде всего ограниченный таможенный союз, которому удалось согласовать внешние таможенные тарифы, отменить внутренние таможенные границы и перенести принятие решений о тарифах на уровень Союза. Однако вряд ли удастся достичь более высокого уровня экономической интеграции, поскольку между странами-членами слишком много разногласий.

Основным источником права Евразийского экономического союза (ЕАЭС) является Договор о Евразийском экономическом союзе (Договор). Россия, Беларусь и Казахстан подписали Договор 29 мая 2014 года, и он вступил в силу 1 января 2015 года. Армения и Кыргызстан присоединились к Договору 2 января 2015 года и 12 августа 2015 года соответственно. Таким образом, в настоящее время ЕАЭС состоит из пяти стран: Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана и России.

Договор кодифицировал положения ранее существовавших соглашений, регулирующих функционирование Таможенного союза и общего экономического пространства.

Постановка задачи. Эти соглашения составляли основу Договора, целью которого является обеспечение их выполнения и приведение их положений в соответствие с правилами и нормами Всемирной торговой организации. Реализация Договора и включенных в него положений намечена на 10-летний период. Это должно привести к превращению ЕАЭС к 2025 году в полноценный экономический альянс (это подразумевает свободное обращение товаров, услуг, капитала и рабочей силы, а также формирование общего рынка в секторах энергетики, финансов, транспорта и т. д.). Дальнейшее углубление и расширение

ние интеграции будет зависеть от того, достигнуто ли государства-члены ЕАЭС всех целей, установленных Договором, к 2025 году.

Цели. Договор определяет основные цели ЕАЭС, его компетенцию, его институциональную структуру и порядок формирования и деятельности органов ЕАЭС. Кроме того, Договор регулирует механизмы экономической интеграции государств-членов ЕАЭС и обязательство проводить единую, согласительную или согласованную политику в определенных секторах экономики.

История. Однако на заключительном этапе переговоров по Договору стороны не рассматривали возможность расширения политической сферы или создания наднациональных политических органов по некоторым причинам. Это то, что после подписания Соглашения об ассоциации с Европейским союзом интерес России к политической интеграции снизился. Во-вторых, Казахстан и Беларусь выступают против политической интеграции и создания евразийского парламента. Таким образом, в окончательном варианте Договора нет положений, предусматривающих расширение политической сферы или создание наднационального политического органа (Парламента или Межпарламентской Ассамблеи).

Методы исследования. При написании статьи использовались диалектический, исторический, сравнительно-правовой, логический, системный и другие методы научного познания, а также комплекс общенаучных методов (системно-структурный, системно-функциональный, аналитический).

Результаты/обсуждение. На сегодняшний день ЕАЭС - это прежде всего ограниченный таможенный союз. Таким образом, он достиг трех целей: гармонизировал внешние таможенные тарифы, отменил внутренние таможенные границы и перенес принятие решений о тарифах на уровень Союза вместо отдельных стран-членов. Быть таможенным союзом (даже ограниченным) уже является существенным достижением, если сравнивать ЕАЭС с другими региональными организациями по всему миру: хотя ЕАЭС не справляется с этой задачей по сравнению с ЕС, как и любая другая региональная организация в мире без исключения, и для большинства неевропейских интеграционных проектов даже таможенный союз представляется труднодостижимой целью. Будучи таможенным союзом, ЕАЭС потенциально способен стимулировать торговлю между странами-членами и, таким образом стимулировать экономический рост. Однако ЕАЭС был создан в наименее благоприятный момент для достижения этих целей, то есть в период экономического застоя в России, что делает сотрудничество с этой страной не очень привлекательным. Эта стагнация вызвана фундаментальными факторами, которые ЕАЭС вряд ли изменит: слабая защита прав собственности, доминирование интересов безопасности в экономической политике, высокая коррупция и т. д. Преимущества ЕАЭС для государств-членов несопоставимы с этими серьезными проблемами, возникающими в российской экономике.

Есть также важные проблемы, связанные с дизайном самого ЕАЭС. Во-первых, ЕАЭС по-прежнему обладает многими функциями протекционистского союза, который вводит высокие тарифы для ограничения доступа иностранных конкурентов на внутренние рынки. Этот тип протекционизма, хотя и служит целям внутренних лоббистов в Беларуси и в России, несовместим с целью экономической модернизации. Конструкция таможенного союза (где таможенные пошлины устанавливаются на уровне профсоюзов) ограничивает способность отдельных стран открывать свою экономику для мировой торговли, даже если они этого хотят.

Во-вторых, ЕАЭС до сих пор не решил глубокой проблемы нетарифных барьеров. Чтобы получить доступ к рынку одной из стран ЕАЭС, товары из другой страны по-прежнему должны преодолевать многочисленные бюрократические барьеры. Наконец, чтобы извлечь выгоду из международной интеграции, страны ЕАЭС должны измениться внутри страны: им нужно уменьшить степень проникновения своей экономики в государство (ко-

торое является доминирующим субъектом в Беларуси и очень важным в России). Такого еще не было, и вряд ли это изменится.

Но для многих наблюдателей главная проблема ЕАЭС не экономическая, а политическая: ЕАЭС рассматривается как инструмент консолидации и укрепления авторитаризма в Евразии. Здесь, однако, сомнения в порядке. ЕАЭС как таковой (из-за жесткой позиции Казахстана) является чисто неполитическим образованием: в документах ЕАЭС нет ссылок на какую-либо идеологию, нет политических институтов, таких как общее гражданство или парламент, и нет политических целей. Это не означает, что автократические режимы стран-членов не могут использовать ЕАЭС против внутренней оппозиции: поскольку идея евразийского регионализма очень популярна в некоторых странах ЕАЭС, ЕАЭС может, например, повысить популярность действующих сотрудников. Но эти эффекты ограничены и косвенны.

Реализация цифровой повестки дня ЕАЭС является еще одним приоритетом. Необходимо реализовать несколько перспективных проектов в области онлайн-торговли, технологий управления товарами, строительства транспортных коридоров и производственной кооперации. Недавно по инициативе Президента Казахстана состоялся форум, которую поддержали страны-партнеры, и будут тщательно рассмотрены все детали проекта.

Безусловно, необходимо предпринять дополнительные шаги для создания общего рынка ЕАЭС, так ранее туризм, исследования и реклама были добавлены к другим секторам, которые основаны на национальных правилах, принятых и регулирующих законодательством Союза.

Была принята новая Декларация о дальнейшей интеграции в ЕАЭС, и к единому рынку услуг были добавлены девять секторов. Это означает, что около 55% общего объема услуг, предоставляемых в странах-членах ЕАЭС, будет регулироваться в стоимостном выражении.

Казахстан, больше чем кто-либо другой в ЕАЭС, выиграл в зоне свободной торговли с Вьетнамом. Об этом информационному агентству Sputnik.kz заявил посол России в Казахстане Алексей Бородавкин. В 2017 году казахстанско-вьетнамский товарооборот увеличился на 48% и составил 542 миллиона долларов. Экспорт из Казахстана во Вьетнам вырос на 63% в связи с увеличением поставок продуктов питания, сельскохозяйственной продукции и металлов.

Экономический союз обеспечивает свободу передвижения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, скоординированную, одобренную единую политику в отдельных секторах экономики. Гармонизация трудового законодательства в рамках этой международной организации в настоящее время не планируется. Однако логика экономической интеграции может вызвать так называемый эффект перелива (буквально - «эффект разбрызгивания»). Эта ситуация, когда процесс объединения, изначально предназначенный только для экономической интеграции, приводит к более тесному взаимодействию в политико-правовой сфере. В связи с этим интересно узнать, насколько отдельные правовые институты трудового права стран-членов ЕАЭС сегодня готовы к гармонизации. Поскольку перемещение работников в государствах-членах ЕАЭС неизбежно приводит к возникновению трансграничных трудовых споров, представляется целесообразным проанализировать, насколько сопоставимы основные элементы института разрешения трудовых споров - концептуальный аппарат и типология трудовых споров - друг с другом в государствах-членах ЕАЭС. В трудовых кодексах всех пяти государств-членов ЕАЭС трудовые споры делятся на индивидуальные и коллективные. При этом в ТК России и Кыргызстана отдельно закреплены понятия индивидуального и коллективного трудового спора, но нет обобщающего понятия «трудовой спор» (ч. 1 ст. 381 и ч. 1 ст. 398 ТК России, ч. 1 ст. 411 и ч. 1 ст. 428 ТК Кыргызстана). ТК Казахстана, наоборот, предусматривает определение только родового понятия «трудовой

спор» (п. 16 ст. 1), хотя при этом оперирует и категориями индивидуального и коллективно-го трудового спора. В ТК Армении категория трудовых споров рассматривается как парная по отношению к категории коллективных трудовых споров, т.е. по сути говорится об индивидуальных трудовых спорах; определение понятия индивидуального трудового спора дается в ч. 1 ст. 263, а коллективного - в ч. 1 ст. 64. В ч. 1 ст. 377 ТК Беларуси содержится определение понятия «коллективный трудовой спор», а индивидуальные трудовые споры только упоминаются, но их дефиниция не приводится.

В любом случае во всех пяти странах индивидуальные трудовые споры разрешаются комиссиями по трудовым спорам (в Казахстане - согласительной комиссией) и судами, а коллективные - с помощью примирительно-третейских процедур (однако в Армении возможно и судебное рассмотрение коллективных трудовых споров о праве).

Очевидно, что ключевой отграничительный признак коллективных и индивидуальных трудовых споров - участвующие в них субъекты.

Со стороны работодателя субъектом трудового спора во всех странах ЕАЭС выступает либо сам работодатель (в Беларуси - наниматель), либо его обособленное структурное подразделение, либо объединение работодателей. Существенным пробелом трудового законодательства всех государств - членов ЕАЭС в данном случае можно назвать невозможность разрешения споров на уровне групп юридических лиц, аффилированных друг с другом

Головная компания может выступать в качестве держателя группы юридических лиц и может, например, принимать решение об уровне вознаграждения во всех дочерних компаниях. Но работники лишены юридической возможности предъявить требования к головной компании и могут адресовать их лишь своему непосредственному формальному работодателю, который не всегда обладает компетенцией принятия соответствующего решения. В Казахстане этот орган называется согласительной комиссией, но его статус аналогичен статусу комиссий по трудовым спорам в других странах ЕАЭС, и название не отражает цели его деятельности.

Заключение/выводы. Предмет трудового спора очень важен не только для разграничения споров на споры о праве и споры об интересах, но и для точного определения того, по поводу каких именно прав и интересов сторон возникает спор. Комитет по свободе объединения МОТ отмечает, что профессиональные и экономические интересы, которые работники защищают посредством права на забастовку, касаются не только улучшения условий труда или удовлетворения требований профессионального характера, но и поиска решения вопросов и проблем, возникающих на предприятии и непосредственно затрагивающих интересы работников. То же можно сказать о трудовых спорах в целом: чем шире законодательно установленный предмет трудового спора, тем больше у работников возможностей защитить свои права и охраняемые законом интересы.

Представляется, что для будущей гармонизации законодательства о разрешении трудовых споров в государствах-членах ЕАЭС важны не столько уточнение и координация понятийного аппарата и типологии споров, сколько либерализация механизмов защиты индивидуальных и коллективных трудовых прав работников.

Список литературы

- 1 Договор о Евразийском экономическом союзе (Астана, 29 мая 2014 г.) (в ред. от 10 октября 2014 г., с изм. от 23 декабря 2014 г.). - [Электрон.ресурс]. - URL: <http://www.eurasiancommission.org>. (Дата обращения: 15.12.2019)
- 2 Хаваяшхов А.А. Множественность лиц на стороне работодателя // Межотраслевая координация правового регулирования труда в корпоративных организациях. - М., 2016.

**М.Н. Мырзаханова¹, З.Б. Жукова², Л.И. Товсултанова³,
О.В. Мирошникова⁴**

¹*Ш. Уәлиханов атындағы Көкшетау мемлекеттік университеті, Көкшетау,
Қазақстан*

^{2,3,4}*М. Қозыбаев атындағы Солтүстік Қазақстан мемлекеттік университеті,
Петропавл, Қазақстан*

ЕАЭО елдерінде жеке еңбек дауларын қарау ерекшеліктері

Андапта. Еуразиялық интеграциялық жоба бастапқыда бірыңғай экономикалық кеңістікті құру идеясына негізделген. Еуразиялық интеграциялық жобаны іске қосуға дайындық барысында ЕАЭО шеңберінде саяси интеграция мәселесі, соның ішінде Еуразиялық парламент құру мәселесі талқыланды. Осы кезеңде қазақстандық саяси мекеме Одаққа қатысушылардың санын көбейтуге тырысты. Саяси интеграция еуразиялық интеграцияны нығайтудың тәсілі ретінде қарастырылды.

ЕАЭО құру бес елдің мүше мемлекеттерінің аумақтарында еркін еңбекке көшуіне мүмкіндік берді, бұл үйлестірілген еңбек жағдайлары қажеттілігін арттырды, сондықтан еңбек заңнамасын үйлестіру мәселесі бес мемлекет үшін маңызды болды. Атап айтқанда, ЕЭО мүше мемлекеттердегі дауларды айқындау мен жіктеуді қоса алғанда, еңбек заңнамасының институтын қарастыратын еңбек дауларының шешімі. Авторлардың пікірінше, барлық мүше елдердегі еңбек дауларын құқықтық реттеу кеңестік құқықтық дәстүрлерге негізделген, яғни ұқсас құқықтық модельдер мен ұғымдар.

Түйінді сөздер: еңбек келісім-шарты, Достастық, ЕАЭО, мүше-мемлекеттер, құқықтық жағдайлар.

M.N. Myrzakhanova¹, Z.B. Zhukova², L.I. Tovsultanova³, O.V. Miroshnikova⁴

¹*Kokshetau State University named after Sh. Ualikhanov, Kokshetau, Kazakhstan*

^{2,3,4}*North-Kazakhstan State University named after M. Kozybaeva, Petropavlovsk,
Kazakhstan*

Features of the consideration of individual labor disputes in the EAEU countries

Abstract. The Eurasian integration project was originally based on the idea of creating a single economic space. The issue of political integration in the framework of the EAEU, including the creation of a Eurasian parliament, was discussed in preparation for the launch of the Eurasian integration project. During this period, the Kazakh political institution sought to maximize the number of participants in the Union. Political integration was seen as a way to strengthen Eurasian integration.

The creation of the EAEU allowed the free movement of labor across the territories of five member states, which increased the need for harmonized working conditions, and therefore, the issue of harmonization of labor law became relevant for five states. In particular, the resolution of labor disputes, the main elements of which consider the institution of labor law, including the definition and classification of disputes in the EAEU member states. According to the authors, the legal regulation of labor disputes in all member states are based on Soviet legal traditions, that is, similar legal models and concepts.

Keywords: employment contract, commonwealth, EAEU, member states, law conditions.

References

- 1 Dogovor o Evrazijskom jekonomicheskom sojuze [Eurasian Economic Union Treaty] [Electron.resource]. Available at: <http://www.eurasiancommission.org>. (Accessed: 15.12.2019).
- 2 Havajashhov A.A. Mnozhestvennost' lic na storone rabotodatelja [The plurality of persons on the side of the employer], Mezhotraslevaja koordinacija pravovogo regulirovanija truda v

corporativnyh organizacijah [Intersectoral coordination of legal regulation of labor in corporate organizations] (Moscow, 2016)

Сведения об авторах:

Мырзаханова М.Н. – кандидат медицинских наук, профессор Кокшетауского государственного университета им. Ш. Уалиханова, ул. Абая, 76, Кокшетау, Казахстан.

Жукова З.Б. – кандидат юридических наук, доцент кафедры «Правовые дисциплины» Северо-Казахстанского государственного университета им. М. Козыбаева, ул. Жумабаева, 114, Петропавловск, Казахстан.

Товсултанова Л.И. – магистр юриспруденции Северо-Казахстанского государственного университета им. М. Козыбаева, ул. Жумабаева, 114, Петропавловск, Казахстан.

Мирошникова О.В. - магистр юриспруденции Северо-Казахстанского государственного университета им. М. Козыбаева, ул. Жумабаева, 114, Петропавловск, Казахстан.

Myrzakhanova M.N. – Candidate of Medical Sciences, Professor of Kokshetau State University named after Sh. Ualikhanov, st. Abay 76, Kokshetau, Kazakhstan.

Zhukova Z.B. – Candidate of Law, Associate Professor of the Department of «Legal Disciplines» of North Kazakhstan State University named after M. Kozybaev, st. Zhumabaeva 114, Petropavlovsk, Kazakhstan.

Tovsulтанова Л.И. – Master of Law, North Kazakhstan State University named after M. Kozybaev, st. Zhumabaeva 114, Petropavlovsk, Kazakhstan.

Miroshnikova O.V. - Master of Law, North Kazakhstan State University named after M. Kozybaev, st. Zhumabaeva 114, Petropavlovsk, Kazakhstan.

Абдилов К.С. – PhD in Law, Eurasian National University L.N. Gumilyova, st. Satpayeva 2, Nur-Sultan, Kazakhstan.

IRSTI 10.63.59

A.M. Rakhimova

*Kazakh Humanitarian Juridical Innovative University, Semey, Kazakhstan
(E-mail: asem_semey2008@mail.ru)*

Social partnership and labor disputes: mechanisms and realization

Abstract: The format of this article reveals social partnership as a method of settling labor disputes. Kazakhstan, which is on of the path of accelerated economic, social, political, and legal modernization, requires, above all, the creation of institutions of public consensus, which will most fully satisfy the interests of all sectors of society. A special place is occupied by the social and labor sphere, the state of which the processes are occurring in it largely determine is not only the economic, but also the legal stability of society, allow us to evaluate the effectiveness of the social, labor and legislative reforms carried out in the country.

The urgency and urgent need for legal analysis of this problem determined the object, subject, goals and objectives of the study.

Object of the research is the mechanism and implementation of social partnership in the settlement of labor disputes.

The subject of the research is the process of formation and development of the system of social partnership in the conditions of settlement of labor disputes in Kazakhstan society.

The purpose of the research is the role of social partnership in settling social and labor disputes.

Based on the goal of the study, the following **tasks were identified:**

- to analyze the main theoretical approaches to the study of the mechanisms and implementation of social partnership and labor disputes;
- explore the influence of the state on the establishment of the institution of social partnership in the Republic of Kazakhstan.
- reveal the role of trade unions and employers' associations in the effectiveness of mechanisms for regulating social partnership in the Republic of Kazakhstan;
- to analyze the social and labor bases of interaction between the subjects of social partnership;
- develop proposals and recommendations for the further development of mechanisms and implementation of social partnership in the regulation of labor disputes in the Republic of Kazakhstan.

The scientific novelty lies in the fact that this article is one of the first attempts in Kazakhstan science to comprehensively study the mechanisms and implementation of social partnership in the settlement of labor disputes in the Republic of Kazakhstan

Key words: social partnership, labor relations, social labor relations, labor disputes, labor disputes, union worker, employer.

DOI: <https://doi.org/10.32523/2616-6844-2019-129-4-103-111>

In recent years, reforms in the system of legal relations and institutions are directly related to the ability of Kazakhstan to compete with other states in the economic sphere. Creating favorable conditions for the implementation of labor activity, effective regulation of labor relations, ensuring and protecting the rights and freedoms of subjects of labor law - is one of the priority areas of development production, enhance the human potential of the country. In this direction, the settlement of issues related to the resolution of labor disputes and conflicts occupies an important place in the relevant branch of relations.

When considering labor disputes, first of all, it is necessary to refer to the definition of the concept "labor relations". There is a sufficient number of copyright definitions. In the framework of the reviewed scientific research, one should pay attention to the fact that in this direction researchers distinguish two points of view.

The first focuses on the quality of working life, the other on the protection of subjects of labor

their interests. In the framework of the first point of view, labor relations are objectively existing interdependence and interaction of the subjects of these relations in the labor process, aimed at regulating the quality of working life. At the same time, social and labor relations are undoubtedly subjective, as they reflect the subjectively defined intentions and actions of the participants in these relations, determined by their mutual dependence.

Within the framework of the second point of view, labor relations are relationships between groups of workers, differing in the presence of specific interests in the sphere of labour, in varying degrees they realize these interests as special (as distinct from the interests of other groups) and carry out certain organizational actions (including through the consciousness of special bodies) to protect and enforce these interests.

Researchers consider the second point of view to be more productive, since its main value lies in the fact that it facilitates the substantiation of the concept of “conflict labor relations”». In this regard, conflict labor relations are defined as labor relations in the process of direct activity of the subjects, in which the conflict (dispute) of interests is “embedded”, as a way of realizing unmet needs and requests.

Thus, conflict (controversial) labor relations are such a state and level of interconnections of subjects in the sphere of labor, which are characterized by inconsistency and disagreement of their interests, goals and objectives [1, 299 – 300 p.].

Of course, due to objective reasons, labor disputes are very difficult to prevent, since social inequality and contradictions are inherent in society. In this regard, the Russian researcher Kozyrev G.I. It represents the main lines of contradictions separating the conflicting parties in labor and socio-economic conflicts.

1. In the first place in its conflict is the line of contradictions that separates employers and employees. He divides these contradictions into the following types:

- a) controversy associated with low wages;
- b) the contradictions associated with non-payment (delay) of wages;
- c) the insecurity of hired workers work, allowing you to have a stable income.

2. Another line of contradictions runs between businessmen and government structures regulating business activities [2, 104- 105 p.].

As noted above, the complete elimination of labor disputes in real life is impossible. We can talk only about mitigating social and labor contradictions, about the need to direct them into the mainstream of civilized, legal relations. Moreover, today any employer is interested in the process of working in his work team not being accompanied by conflicts (disputes). In this regard, as well as all conflict (controversial) interactions, labor disputes (disputes) can perform both negative, destructive, and positive, creative functions.

So Russian researchers the consequences of labor conflicts (disputes) are considered as follows:

Functional consequences	Dysfunctional effects
Search and development of a mutually acceptable solution .	Enhance hostility.
Removing the hostility, injustice of the conflicting parties.	Fall in labor motivation and actual labor performance indicators.
The emergence of conditions for cooperation, creativity, understanding.	Collapse of business contacts in spite of functional necessity, limiting formalization of communication, deterioration of mutual understanding of the parties.
Problem analysis and development of various solutions.	Undermining certain common relationships of the organization, culture and traditions.

	The actual loss of time, distraction from work or not using a favorable situation, the opportunity and the chance to achieve something
	Not resolution, but obfuscation of problems.
Labor economics in charts and tables. Comp. E.V. Shubenkova, E.E. Myrgorod. M.: Izd - in Ros. econ Acad., 2003	

In this regard, one of the effective settlement mechanisms that is widely used in foreign countries is the system of social partnership.

Social partnership implies:

1. coordination between partners at the highest (national) level of both income distribution and social and labor relations in general, including the development of criteria and indicators of legal equity and measures to protect the interests of subjects of labor relations;
2. the bargaining nature of the collectively-contractual process and the settlement of contradictions and differences arising between the parties;
3. availability of mechanisms and institutions for coordinating the interests of the social partners at various levels;
4. participation of employees in the management of enterprises;
5. reducing and alleviating the severity of social and labor conflicts (disputes) (in the form of strikes and lockouts) through the use of various methods of reconciliation of the parties.

It is better to resolve any conflict situation arising in the labor process between the worker and the administration before making a final decision. In this matter, employees should be helped by intermediaries between them and their managers. Such a mechanism to address the issue and provides a social partnership system. The mediators who find a compromise solution in controversial issues are either representatives of trade union organizations or other elected representatives, for example, members of the board of shareholders of an enterprise [4, P. 222].

Article 1 of the Labor Code of the Republic of Kazakhstan (further TC RK) reads: « Social partnership is a system of relationships between workers (employees 'representatives), employers (employers' representatives), and government bodies aimed at ensuring coordination of their interests on the regulation of labor relations and others directly related to labor relations» [5].

The most important elements of a social partnership system are: a permanent negotiation process between representatives of social partnership institutions, i.e.; trade unions, associations of employers, businessmen and authorities; constantly working bodies (tripartite commissions) on regulation of social and labor relations; analyzing the state and prospects of development of the social partnership system; bringing ideas of social partnership to broad sections of workers [3].

It should be noted that recently labor dispute (dispute) was essentially a relatively new phenomenon for our country. This is due to the fact that in Soviet society, where state property prevailed, there was practically no basis for labor conflicts (disputes). Therefore, the absence in the first years of independence of sufficient experience of a constructive resolution of labor conflicts (disputes) was natural.

The first step taken to build the Kazakhstan model of tripartism was the adoption on December 19, 1994 of the Decree "On Social Partnership in the Field of Social, Economic and Labor Relations", signed by the former President of the Republic of Kazakhstan N. A. Nazarbaev.

The main purpose of the Resolution was to create a social partnership system in the state in the field of social and labor relations, prevention and resolution of labor conflicts (disputes) in the transition to a market economy. In addition, this Resolution established the introduction into practice of annual conclusions at the republican level of general agreements on labor and other social and labor issues between the government, republican trade union associations and

employers and their representatives. As priorities, these agreements defined the parties' obligations in the areas of employment, wages, and other social and labor guarantees for citizens, as well as the social and legal protection of the most vulnerable groups of the population, ensuring peace and national harmony in society in the interests of economic reforms [6, P. 327].

Since 1995, we have witnessed the conclusion of the General Agreement between the Government of the Republic of Kazakhstan, republican associations of trade unions and employers. For example, on January 19, 2005, the General Agreement was signed between the Government of the Republic of Kazakhstan, republican associations of workers - the Federation of Trade Unions of the Republic of Kazakhstan, By the Confederation of Free Trade Unions of Kazakhstan, the Confederation of Labor of Kazakhstan and the republican associations of employers - the Confederation of Employers of the Republic of Kazakhstan, the European Industrial Association, By the Congress of Entrepreneurs of Kazakhstan, the Union of Commodity Producers and Experts of Kazakhstan for 2005–2006.

The development of social partnership was promoted by the Law “On Social Partnership in the Republic of Kazakhstan” adopted in December 2000 by the Parliament of the Republic of Kazakhstan, which reflected the objectives and principles of social partnership, defined the procedure for entering into, changing and terminating agreements between the parties. This law was the mechanism of legal, civilized regulation of partnerships and is aimed at achieving consolidation of society.

It should be noted that the state is also working on legislative and regulatory strengthening of the social partnership system. Measures are being taken to improve labor legislation and to ensure control over its observance. The laws governing the activities of social partnership entities adopted in the Republic of Kazakhstan are shown in chronological order in Table No. 1.

Table 1

Laws of the Republic of Kazakhstan regulating and regulating the activities of social partnership subjects

Date of adoption of laws	The name of the laws
July 4, 1992	The law on collective agreements (expired)
April 9, 1993	Trade Union Act (expired)
July 8, 1996	The law on collective disputes and strikes (expired)
December 10, 1999	Labor Law in the Republic of Kazakhstan (expired)
December 18, 2000	Social Partnership Act (expired)
January 23, 2001	Employment Act (expired)
February 28, 2004	Occupational Safety and Health Act (expired)
May 15, 2007	Labor Code of the Republic of Kazakhstan (expired)
June 27, 2014	Law «On Trade Unions»
November 23, 2015	Labor Code of the Republic of Kazakhstan
October 29, 2015	Business Code of the Republic of Kazakhstan
October 10, 2015	Law «On public-private partnership

Thus, the data in the table indicate that the legal and regulatory framework of the social partnership system has been established in Kazakhstan.

The Labor Code of the Republic of Kazakhstan made significant changes to the system of legislative regulation of collective bargaining relations between employers and employees with the participation of the state. First of all, it should be noted that the legislative act made a clear distinction between the terms “labor relations” and “relations directly related to labor

relations". Labor relations are characterized by a code as the relationship between an employee and an employer, as stipulated by the labor legislation of the Republic of Kazakhstan, labor and collective bargaining agreements. Relationships directly related to labor include those related to the organization and management of labor, employment, vocational training, retraining and advanced training of workers, social partnership, collective bargaining and agreements, participation of employees or their representatives in establishing conditions labor in cases stipulated by law, the resolution of labor disputes and monitoring compliance with labor laws. On such a methodological basis, the legislative definition of the essence of social partnership is presented in the form of a system of relationships between employees (employee representatives), employers (employers' representatives) and government bodies aimed at ensuring coordination of their interests in regulating labor and other directly related relations.

It should be noted that today in the republic measures are being taken in the wage regulation system, which are aimed at restoring the stimulating role of labor as the main source of monetary incomes of the population. This makes it possible to increase the importance of wages as an effective factor in the expanded reproduction of labor and will ensure that the level of wages approaches the real value of labor in the labor market.

According to statistics, in November 2018, the average monthly salary amounted to 161.8 thousand tenge and increased compared to 2017 by 9.3% [7].

Last year this figure was equal to 148 thousand tenge (398 dollars), Finprom.kz reports.

The maximum salary increase over the past five years was recorded in 2016 - by 13.3%, while the real wage index was then 96.7%, therefore, price increase exceeded salary increase.

The real wage index in 2018 was 103.1%, there is a trend of growth in purchasing power. Last year, the real value of wages fell by 2% due to the impact of inflation [7].

At the same time, the General Prosecutor's Office of Kazakhstan revealed more than 37,000 violations of labor rights of workers in 2018. In this regard, Nursultan Nazarbayev criticized the work of the Supreme Court and the General Prosecutor's Office, the correspondent reports BNews.kz.

The head of state noted that among the violations there are debts for wages of employees, violations of safety of working conditions [8].

In our opinion, all this contributes to the emergence of conflict situations in labor relations. In turn, the threat of labor disputes is hidden not only in the relationship between workers and employers, but also in the clashes of the interests of workers employed both in the same and in different sectors of the economy. We must not forget that the level of conflict in the labor sphere is one of the indicators of the predominance in the society of processes of stability or destabilization, integration or disintegration.

Therefore, in modern conditions for Kazakhstan, the task of a civilized settlement of the conflict (dispute) in the sphere of ore relations becomes particularly relevant. It seems that for this, our state has all the necessary prerequisite.

Social partnerships do not always help to increase productivity, because harmony between social objectives and a change for the better in some economic indicators is difficult to achieve. But from a social point of view, resolving conflict situations between workers and management, contributing to the increase in the motivational effect of workers by methods of social partnership is very promising.

Thus, social partnership, being a form of social and labor relations, solves two fundamental tasks: it helps protect the labor rights of workers and smooth out conflict situations when resolving labor disputes. Both of these areas contribute to improving the efficiency of the organization's employees[4].

Analysis of the results of the study allowed the author to develop and offer the following **recommendations for the development of the social partnership system in the Republic of**

Kazakhstan:

1. To develop the system of social partnership in Kazakhstan, it is necessary to improve its political and legal framework governing and regulating the relations of subjects of social partnership.

2. It requires analysis and generalization of the experience of the tripartite commission, the expansion of the function of the collective bargaining system and the reform of labor legislation, the introduction of measures to ensure equal opportunities for the subjects of social partnership.

3. A methodology should be developed to determine the degree of fulfillment of contracts and agreements, to optimize the system of remuneration and material incentives.

4. It is necessary to systematically monitor (social and legal monitoring) the development of social partnership, which will allow for timely correction in the methodology for its implementation, remove obsolete and introduce the latest legal (legislative) technologies to ensure its effectiveness..

Today, despite certain successes achieved, one cannot overestimate the level of effectiveness of the functioning of the system of social partnership. She takes only the first institutional steps. Improving the effectiveness of the social partnership system, which serves the purpose of protecting the socio-economic and labor rights and interests of workers, largely depends on the consolidation of efforts, solidarity and unity of action of all trade unions, trade union bodies, trade union members, who always advocate mutual cooperation.

I would like to believe that with the help of social partnership mechanisms it will be possible to change the situation of workers for the better, to avoid acute social conflicts that always lead to loss of social wealth and social upheaval..

References

- 1 Концептуальные подходы к изучению трудовых конфликтов// Современная конфликтология в контексте культуры мира / Материалы I Международного конгресса конфликтологов. - М., 2001.
- 2 Козырев Г.И. Введение в конфликтологию: учеб. пособие для вузов/ Г.И. Козырев. - М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 1999. – 176с.
- 3 Е.В. Шубенкова, Е.Е. Миргород. Экономика труда в схемах и таблицах: учебно-наглядное пособие / Сост. Е.В. Шубенкова, Е.Е. Миргород. - М.: Изд-во Рос. экон. акад., 2003.
- 4 С.А. Шапиро, А.В. Шилаев. Факторы повышения эффективности труда персонала. Монография [Электронный ресурс] - М.: ИД «АТИСО», 2012 – 222 с. – URL: (дата обращения 5.06.2019) http://profests.ru/lib/b2/4_1.htm
- 5 Трудовой кодекс Республики Казахстан от 23 ноября 2015 года № 414-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.01.2019 г.) [Электронный ресурс]– URL: <https://online.zakon.kz/> (дата обращения: 15.06.2019)
- 6 Тутенов Б.В. Институт социального партнерства - неперенное условие активизации экономических преобразований и укрепления общественного согласия // Современный Казахстан: экономика, политика, общество. - Том 2. - Алматы. - 1997. - 327 с.
- 7 Средняя зарплата в Казахстане за год выросла на 9,3%. Экономика. [Электронный ресурс]. – 2012. – URL: <https://ru.sputniknews.kz/economy/20181205/8363989/kazakhstan-srednyaya-zarplata-rost.html> (дата обращения: 15.06.2019)
- 8 Шашкина А. Глава государства отметил высокий уровень нарушений трудовых прав в Казахстане [Электронный ресурс] - https://bnews.kz/ru/news/glava_gosudarstva_otmetil_visokii_uroven_narushenii_trudovih_prav_rabotnikov_v_kazahstane (дата обращения 16.06.2019)

Ә.М. Рахимова

Қазақ инновациялық гуманитарлық-заң университеті, Семей, Қазақстан

Әлеуметтік серіктестік және еңбек даулары: механизмдер мен іске асырылуы

Аңдатпа. Осы мақаланың форматы бойынша әлеуметтік серіктестікті еңбек дауларын шешудің әдісіретінде көрсетеді. Жедел экономикалық, әлеуметтік, саяси және құқықтық жаңару жолында тұрған Қазақстан, ең алдымен, қоғамның барлық салаларының мүдделерін барынша қанағаттандыратын қоғамдық келісім институттарын құруды талап етеді. Бұл жағдайда әлеуметтік және еңбек саласы ерекше орын алады, оның жай-күйі мен онда болып жатқан процестер көбінесе қоғамның экономикалық қана емес, сонымен бірге құқықтық тұрақтылығын да анықтайды, елде жүргізіліп жатқан әлеуметтік-еңбек және заңнамалық қайта құрудың тиімділігін бағалауға мүмкіндік береді.

Бұл мәселені құқықтық талдаудың өзектілігі мен қажеттілігінің зерттеу объектісі, тақырыбы, мақсаттары мен міндеттеріне байланысты болады.

Зерттеудің объектісі еңбек дауларын реттеудегі әлеуметтік серіктестіктің механизмі мен іске асырылуы болып табылады.

Зерттеу пәні Қазақстан қоғамындағы еңбек дауларын реттеу жағдайында әлеуметтік әріптестік жүйесін қалыптастыру және дамыту процесі болып табылады.

Зерттеудің мақсаты - әлеуметтік-еңбек дауларын реттеудегі әлеуметтік серіктестіктің рөлі.

Қойылған зерттеу мақсатына қарай келесі міндеттер анықталды:

- Әлеуметтік серіктестік пен еңбек дауларын іске асыру және механизмдерді зерттеудің негізгі теориялық тәсілдеріне талдау жүргізу;

- Қазақстан Республикасындағы әлеуметтік әріптестік институтының қалыптасуына мемлекеттің әсер етуін зерттеу;

- Қазақстан Республикасындағы әлеуметтік әріптестікті реттеу тетіктерінің тиімділігіне кәсіподақтар мен жұмыс берушілер бірлестігінің рөлін ашу;

- әлеуметтік әріптестік субъектілерінің өзара іс - қимылының әлеуметтік-еңбек негіздеріне талдау жүргізу;

- Қазақстан Республикасында еңбек дауларын реттеу кезінде әлеуметтік әріптестікті іске асыру және тетіктерін одан әрі дамыту бойынша ұсыныстарды әзірлеу.

Ғылыми жаңалық - бұл мақала Қазақстан Республикасында еңбек дауларын реттеу кезінде әлеуметтік серіктестікті іске асыру мен механизмдерді кешенді зерттеудің қазақстандық ғылымда алғашқылардың бірі болып табылады.

Түйін сөздер: әлеуметтік серіктестік, еңбек қатынастары, әлеуметтік – еңбек қатынастары, еңбек даулары, кәсіподақ, қызметкер, жұмыс беруші.

А. М. Рахимова

*Казахский гуманитарно–юридический инновационный университет, Семей,
Казахстан*

Социальное партнерство и трудовые споры: механизмы и реализация

Аннотация. В формате данной статьи раскрывается социальное партнерство как метод урегулирования трудовых споров. Казахстан, находящийся на пути ускоренной экономической, социальной, политической и правовой модернизации, требует прежде всего, создания институтов общественного консенсуса, позволяющих наиболее полно удовлетворить интересы всех слоев общества. Особое место при этом занимает социально-трудовая сфера, состояние которой и происходящие в ней процессы во многом определяют не только экономическую, но и правовую стабильность общества, позволяют оценить эффективность проводимых в стране социально-трудовых и законодательных преобразований.

Актуальность и настоятельная потребность в правовом анализе данной проблемы обуслови-

ли объект, предмет, цели и задачи исследования.

Объектом исследования являются механизм и реализация социального партнерства в урегулировании трудовых споров.

Предметом исследования является процесс становления и развития системы социального партнерства в условиях урегулирования трудовых споров в казахстанском обществе.

Цель исследования – роль социального партнерства при урегулировании социально-трудовых споров.

Исходя из поставленной цели исследования были определены следующие задачи:

- провести анализ основных теоретических подходов к исследованию механизмов и реализации социального партнерства и трудовых споров;
- исследовать влияние государства на становление института социального партнерства в Республике Казахстан;
- раскрыть роль профсоюзов и объединения работодателей в эффективности механизмов урегулирования социального партнерства в Республике Казахстан;
- провести анализ социально-трудовых основ взаимодействия субъектов социального партнерства;
- выработать предложения и рекомендации по дальнейшему развитию механизмов и реализации социального партнерства при регулировании трудовых споров в Республике Казахстан.

Научная новизна заключается в том, что данная статья является одной из первых в казахстанской науке попыток комплексного исследования механизмов и реализации социального партнерства при урегулировании трудовых споров в Республике Казахстан.

Ключевые слова: социальное партнерство, трудовые отношения, социально-трудовые отношения, трудовые споры, трудовые конфликты, профсоюз, работник, работодатель.

References

- 1 Shalenko V.N. Kontseptual'nyye podkhody k izucheniyu trudovykh konfliktov [Conceptual approaches to the study of labor conflicts], *Sovremennaya konfliktologiya v kontekste kul'tury mira* [Modern Conflict Management in the Context of a Culture of Peace], *Materialy I Mezhdunarodnogo kongressa konfliktologov* [Materials of the I International Congress of Conflictologists]. M., 2001.
- 2 Kozyrev G.I. *Vvedeniye v konfliktologiyu* [Introduction to Conflictology]: ucheb. Posobiye dlya vuzov [Textbook. The allowance for high schools] (Gumanitarnyy izdatel'skiy tsentr VLADOS, Moscow, 1999, 176 p).
- 3 Shubenkova E.V., Mirgorod E.E. *Ekonomika truda v skhemakh i tablitsakh* [Labor economics in diagrams and tables], *Uchebno-naglyadnoye posobiye* [Educational visual aid] (Publishing House of Ros. econ. Acad., Moscow, 2003).
- 4 Shapiro S.A., Shilayev A.V. *Faktory povysheniya effektivnosti truda personala* [Factors to increase the efficiency of staff], *Monografiya* [Monograph] (ID «ATISO», Moscow, 2012, 222 p). [Electron.resource]. Available at: http://proftests.ru/lib/b2/4_1.htm (Accessed: 5.06.2019)
- 5 *Trudovoy kodeks Respubliki Kazakhstan ot 23 noyabrya 2015 goda № 414-V* [Code of the Republic of Kazakhstan «Labour code of the Republic of Kazakhstan»], s izmeneniyami i dopolneniyami po sostoyaniyu na 01.01.2019 g. [with changes and additions as of 01.01.2019]. [Electron.resource]. Available at: <https://online.zakon.kz/> (Accessed: 15.06. 2019)
- 6 Tutenov B.V. *Institut sotsial'nogo partnerstva - nepremennoye usloviye aktivizatsii ekonomicheskikh preobrazovaniy i ukrepleniye obshchestvennogo soglasiya* [The institute of social partnership is an indispensable condition for the intensification of economic transformations and strengthening social consent], *Sovremennyy Kazakhstan: ekonomika, politika, obshchestvo* [Modern Kazakhstan: economics, politics, society.]. Volume 2 (Almaty, 1997, 327 p).
- 7 *Srednyaya protsentnaya stavka v Kazakhstane sostavila 9,3% v godovom ischislenii* [The average salary in Kazakhstan for the year increased by 9.3%], *Ekonomika* [Economy]. [Electron.

resource]. Available at: <https://ru.sputniknews.kz/economy/20181205/8363989/kazakhstan-srednyaya-zarplata-rost.html> (Accessed: 13.06.2019)

8 Shashkina A. Glava gosudarstva otmetil vysokiy uroven' narusheniy trudovykh prav v Kazakhstane [The Head of State noted the high level of violations of labor rights in Kazakhstan]. [Electron.resource]. Available at: https://bnews.kz/ru/news/glava_gosudarstva_otmetil_visokii_uroven_narushenii_trudovih_prav_rabotnikov_v_kazahstane (Accessed: 16.06.2019)

Information about authors:

Rakhimova A.M. – 3 year doctoral student of the Kazakh Humanitarian Juridical Innovative University of Semey, specialty 6D030100 - jurisprudence. St. Abay 94, Semey, Kazakhstan

Рахимова Ә.М. - - «6D030100 – Құқықтану» мамандығының 3 курс докторанты, Қазақ инновациялық гуманитарлық-заң университеті, Семей, Қазақстан.

МРНТИ 10.87.61

Р.Д. Акшалова¹, Б.Ж. Әбдірайым², А.М. Солнцев³

^{1,2} Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева,
Нур-Султан, Казахстан

³ Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
(E-mail: ¹rozaakshalova@mail.ru, ²kafedra_mp@enu.kz ,
³a.solntsev@gmail.com)

Практика Органа по разрешению споров Всемирной торговой организации (ОРС ВТО) по вопросам поддержки использования возобновляемых источников энергии

Аннотация. Возобновляемые источники энергии стали одним из эффективных средств в борьбе с изменением климата и снижения выбросов углекислого газа в атмосферу. Поэтому многие государства включили вопросы поддержки расширения использования возобновляемых источников энергии в свои государственные программы по смягчению последствий изменения климата. При этом некоторые из широко применяемых мер стали противоречить правилам многосторонней торговой системы в рамках Всемирной торговой организации [1, 20 стр.]. В данной статье подробно рассматриваются споры, разрешаемые ОРС ВТО в области энергетических субсидий по поддержке использования возобновляемых источников энергии. Данная тема имеет большую актуальность, поскольку, начиная с 2010 г., в ОРС ВТО было возбуждено восемь дел в отношении программ субсидирования возобновляемых источников энергии. Авторы анализируют эти дела и показывают влияние увеличения количества таких торговых споров на дальнейшее развитие возобновляемой энергетики как во всем мире, так и в различных государствах. Научная новизна данной научной статьи состоит в том, что авторы впервые в казахстанской практике изучают полностью разрешенные дела ОРС ВТО по вопросам поддержки возобновляемых источников энергии. При написании статьи были использованы методы индукции и дедукции, исторически-правовой и аналитические методы. Авторы приходят к выводу, что имеющаяся практика ОРС ВТО может привести к замедлению темпов реализации Парижского соглашения об изменении климата 2015 года и выполнения Цели 7 в области устойчивого развития (далее – ЦУР 7).

Ключевые слова: возобновляемые источники энергии, разрешение споров, Всемирная торговая организация, торговые споры, государственные субсидии, поддержка возобновляемых источников энергии, льготные тарифы на закупку «зеленой» электроэнергии.

DOI: <https://doi.org/10.32523/2616-6844-2019-129-4-112-130>

Многие государства в целях удовлетворения энергетических потребностей, обеспечения собственной и региональной энергетической безопасности, повсеместной электрификации, перехода к низкоуглеродной экономике, улучшения состояния окружающей среды и смягчения процесса изменения климата, развивают сектор возобновляемой энергетики, принимая различные национальные программы и концепции поддержки, развития и распространения использования возобновляемых источников энергии (далее – ВИЭ) [2, 21 стр.].

В настоящее время почти все государства мира приняли такие программы и прилага-

ют все усилия для их реализации, в том числе оказывают государственную поддержку [3]. Однако некоторые государственные субсидии являются нарушением права ВТО. И обширные субсидии в сектор возобновляемой энергетики, нарушающие принцип недискриминации, стали объектом споров между государствами – членами ВТО. Так, с 2010 года было возбуждено уже восемь дел в ОРС ВТО по оспариванию поддержки ВИЭ:

1) DS412 «Канада - Определенные меры, влияющие на сектор производства возобновляемых источников энергии» (*Canada – Certain Measures affecting the renewable energy generation sector*) от 13 сентября 2010 года [4];

2) DS426 «Канада – Меры, связанные с программой тарифа на подачу» (*Canada – Measures related to the Feed-in Tariff Program*) от 11 августа 2011 года [5];

3) DS419 «Китай - Меры, касающиеся ветроэнергетического оборудования» (*China – Measures concerning wind power equipment*) от 22 декабря 2010 года [6];

4) DS437 «Соединенные Штаты – Меры компенсационной обязанности по некоторым товарам из Китая» (*United States – Countervailing duty measures on certain products from China*) от 25 мая 2012 года [7];

5) DS452 «Европейский союз и некоторые государства-члены - Определенные меры, влияющие на сектор производства возобновляемых источников энергии» (*European Union and certain Member States – Certain measures affecting the renewable energy generation sector*) от 5 ноября 2012 года [8];

6) DS456 «Индия - Определенные меры, относящиеся к солнечным элементам и солнечным модулям» (*India – Certain measures relating to solar cells and solar modules*) от 6 февраля 2013 года [9];

7) DS510 «Соединенные Штаты - Определенные меры, касающиеся сектора возобновляемых источников энергии» (*United States – Certain measures relating to the renewable energy sector*) от 9 сентября 2016 года [10];

8) DS563 «Китай - Соединенные Штаты - Определенные меры, касающиеся сектора возобновляемых источников энергии» (*United States – Certain measures relating to the renewable energy sector*) от 14 августа 2018 года [11].

В рамках настоящей статьи мы рассмотрим пять из восьми дел, которые полностью завершились. А именно: «Канада - Определенные меры, влияющие на сектор производства возобновляемых источников энергии», «Канада – Меры, связанные с программой тарифа на подачу», «Китай - Меры, касающиеся ветроэнергетического оборудования», «Соединенные Штаты – Меры компенсационной обязанности по некоторым товарам из Китая», «Индия - Определенные меры, относящиеся к солнечным элементам и солнечным модулям». Первые два дела многие исследователи связывают из-за одного ответчика (Канада) по вопросу применения программы ФИТ в провинции Онтарио и взаимосвязи этих дел друг с другом и называют обобщенно «Канада – Возобновляемые источники энергии» (*Canada – Renewables*). Мы также их проанализируем их вместе.

«Канада – Возобновляемые источники энергии».

Канада стала первопроходцем практики ОРС ВТО по вопросам ВИЭ, против которой были возбуждены два дела: «Канада - Определенные меры, влияющие на сектор производства возобновляемых источников энергии» (2010 г.) и «Канада – Меры, связанные с программой льготного тарифа на закупку «зеленой» электроэнергии» (2011 г.). В первом деле истцом являлась Япония, а во втором – ЕС. Мы считаем, что эти дела имеют большое значение в практике разрешения споров по ВИЭ. Во-первых, они были первыми делами ОРС ВТО в области поддержки возобновляемой энергии. Во-вторых, в данных делах были затронуты весьма актуальные вопросы по соответствию праву ВТО программе льготных «зеленых» тарифов (далее – ФИТ), очень распространенному способу поддержки в нацио-

нальных программах многих государств. В-третьих, решения ОРС ВТО по данным делам показали отношение ВТО к вопросам поддержки ВИЭ и противодействия изменению климата.

Правительство провинции Онтарио (субъект федерации Канады) приняло Закон о зеленой энергетике (Green Energy Act) от 23 февраля 2009 года [11] для стимулирования производства электроэнергии от ветровых и солнечных генераторов, который включал план, обеспечивающий обязательный минимальный уровень компонентов и услуг от производителей в Онтарио. Правительство Онтарио стремится содействовать росту проектов использования возобновляемых, экологически чистых источников энергии, а также устранять барьеры на пути и продвигать зеленую экономику, выбирая широко используемую программу льготных тарифов на подачу электроэнергии [12]. Программа ФИТ Онтарио направлена на достижение целей по улучшению состояния атмосферы и уменьшению значимости топливной энергетике, в том числе полный отказ от электрических мощностей, работающих на угле, в 2014 году. Стимул возникает из-за того, что цена в контракте, как правило, выше оптовых цен на электроэнергию в регионе (в противном случае стимула не будет). Срок действия контрактов ФИТ в Онтарио составляют от 20 до 40 лет [13].

Бенефициарами программы могли быть малые и крупные электростанции. Одним из условий участия компаний – производителей ВИЭ в программе ФИТ выступало требование об использовании определенной доли оборудования отечественного производства. Это требование местного контента предоставило защиту производителям оборудования для производства возобновляемой электроэнергии, базирующегося в Онтарио, и, как было установлено, было менее привлекательным конкурировать с другими странами-членами ВТО [14].

ЕС и Япония в своих исках утверждали, что программа ФИТ провинции Онтарио нарушает правила международной торговли, поскольку она требует, чтобы участвующие в Программе операторы электрической энергии закупали местные товары и услуги по установленным минимальным квотам. Для проектов, связанных с ветровой энергией, минимальная квота составляет 25%, тогда как для проектов, связанных с солнечной энергией, квота установлена на уровне 60% [15].

Истцы выиграли свои дела против Канады. Специальная группа и позже Апелляционный орган установили нарушения положений о недопущении дискриминации, изложенных в Генеральном соглашении по тарифам и торговле (далее – ГАТТ) и Соглашении о торговых мерах по инвестированию (далее – ТРИМС) [16].

Аргумент Канады о том, что требования к использованию местных компонентов следует рассматривать как «правительственные закупки, которые могут быть освобождены от обязательства предоставлять национальный режим» [5], был отклонен как Группой, так и Апелляционным органом, поскольку дискриминированный продукт не является электричеством, приобретенным правительством, а электрогенерирующим оборудованием.

Группа пришла к выводу, что Канада не доказала, что она имеет право полагаться на статью III:8 (а) ГАТТ, поскольку правительство Онтарио закупало электроэнергию с помощью ФИТ «с целью коммерческой перепродажи». Кроме того, Группа изучала вопрос, подпадает ли требование провинции Онтарио о минимальном уровне отечественной составляющей в рамках ФИТ под «запрещенные» требования «закупок или использования предприятием фиксированной доли местных товаров для производства своей продукции» согласно ст. 2.2 ТРИМС. Группа обнаружила, что провинция Онтарио в программе ФИТ предписывает солнечным и ветровым электростанциям, участвующим в их контрактах, закупать или использовать определенный процент генерирующего оборудования и компонентов к нему, произведенных в провинции Онтарио, а, следовательно, «из отечественного источника» [17]. Таким образом, Группа установила, что оспариваемые меры подпадают

под действие пункта 1 (а) Иллюстративного перечня ТРИМС [18]. В результате Группа сделала вывод о том, что Япония продемонстрировала, что оспариваемые меры не соответствуют обязательствам Канады по статье 2.1 ТРИМС и статье III:4 ГАТТ.

В заявлении о рассмотрении споров от обоих истцов содержались претензии о том, что программа ФИТ Онтарио имеет признаки «запрещенной субсидии» согласно ст. 1.1 Соглашения о субсидиях и компенсационных мерах (далее – ССКМ). Согласно ст. 1.1 ССКМ «субсидия существует, когда: а) (1) оказывается финансовое содействие правительством или любым публичным органом в пределах территории государства-члена, т.е. когда: (i) правительство практикует прямой перевод денежных средств или принимает на себя обязательства по переводу таких средств; (ii) правительство отказывается от взимания или не взимает причитающиеся ему доходы; (iii) правительство предоставляет товары или услуги помимо общей инфраструктуры, или закупает товары; (iv) правительство осуществляет платежи в механизмы финансирования или поручает, либо предписывает частному лицу выполнять одну или несколько функций из числа указанных в подпунктах (i)-(iii), которые обычно возлагаются на правительство, причем на условиях, которые фактически не отличаются от обычной практики правительств; или (а) (2) существует любая форма поддержки доходов и цен в смысле ст. XVI ГАТТ; и (b) таким образом предоставляется преимущество» [19].

Истцы привели аргумент, что послужившие предметом торгового спора меры имеют признаки как «финансового содействия» в форме «прямого перевода денежных средств», так и «поддержки доходов или цен» [4].

Большинство членов Группы отклонило заявление Японии о том, что она не смогла установить существование субсидии. Среди основных выводов большинства членов Группы в поддержку этой оценки было то, что почасовая цена на электроэнергию в Онтарио, которая находилась в центре основных преимуществ Японии, не могла служить надлежащим эталоном, с помощью которого можно было бы определить значение понятия «выгода» по смыслу статьи 1.1 (b) ССКМ [20]. Заявители по обоим делам не смогли доказать, что гарантированные цены на электроэнергию согласно программе ФИТ были «выгодными» в понимании ст. 14 ССКМ, Апелляционный орган в своем докладе от 24 мая 2013 г. указал, что в данном случае действия правительства Канады не являются субсидией, но, так или иначе, являются дискриминацией импорта [21].

По результатам рассмотрения торгового спора и Группа, и впоследствии Апелляционный орган согласились с доводами Канады, что мера предполагает «правительственные закупки» в терминах ст. 1.1 (a) (1) (iii) ССКМ. Третьей группой установлено, что «электроэнергия, поставляемая в электросетевую распределительную сеть в рамках схемы ФИТ», переходит в собственность правительства провинции Онтарио, следовательно, представляет собой покупку электроэнергии в терминах ст. 1.1 (a) (1) (iii) ССКМ. Апелляционный орган установил, что поскольку такая хозяйственная операция является «комплексной и многофакторной», в отношении «различных элементов одной и той же хозяйственной операции» «могут предоставляться различные типы финансового содействия» [17, 23 стр.].

Апелляционный орган постановил, что он не смог завершить юридический анализ в отношении оспаривания дискриминационных субсидий Канады в соответствии с ССКМ.

Апелляционный орган ВТО поддержал вывод Группы о том, что программа Онтарио не соответствует правилам ВТО, поскольку нарушен принцип национального режима [20].

6 июня 2014 года Канада отправила в ОРС ВТО коммюнике, в котором предоставила доклад о выполнении решения Группы и Апелляционного органа ВТО. Так, Канада и правительство Онтарио приняли следующие меры с целью обеспечения соблюдения рекомендаций и постановлений ОРС ВТО: а) министр энергетики провинции Онтарио 12 июня 2013 года издал министерскую директиву, в которой поручил Управлению энерге-

тики Онтарио не закупать никакой дополнительной энергии в соответствии с программой ФИТ. Вместо этого он приказал разработать новый конкурентоспособный механизм для закупки больших мощностей возобновляемой энергии через запросы предложений. В результате, крупные закупки ветровой и солнечной электроэнергии больше не подпадают под требования внутреннего содержания Программы ФИТ. б) Министр энергетики провинции Онтарио 16 августа 2013 года также издал директиву для Управления энергетики Онтарио, чтобы значительно снизить требования к внутреннему содержанию для проектов по ветровой и солнечной энергии для малых ФИТ и микроФИТ, которые закупаются в рамках программы ФИТ, начиная с закупок осенью 2013 года [22].

Данные дела Канады имеют огромное значение в прецедентном праве ВТО в нескольких отношениях. Во-первых, решение Апелляционного органа должно было прояснить, в какой степени государство может помочь своим внутренним производителям и поставщикам в стимулировании возобновляемой энергии [23, 72 стр.]. Этот вопрос представляет особую важность для тех стран, которые разрабатывают свои собственные схемы поддержки чистой энергии. Во-вторых, Апелляционный орган сделал важное толкование применимого исключения для государственных закупок в статье III:8 (а) ГАТТ, которая гласит, что «положения настоящей статьи не применяются к законам, правилам или требованиям, регулирующим закупки правительственными учреждениями товаров, приобретаемых для правительственных целей, а не для коммерческой перепродажи или для использования в производстве товаров для целей коммерческой продажи» [24]. Поскольку как обязательства в статье III, так и отступление в отношении III:8 (а) ГАТТ относятся к дискриминационному обращению с продуктами, одно и то же дискриминационное обращение должно существовать с целью использования исключения. В-третьих, Апелляционный орган пояснил, что эта мера может вписываться в более чем одну категорию финансовых взносов в статью 1.1 (а) (1) ССКМ, в которой излагается определение субсидии. В-четвертых, Апелляционный орган пояснил, что, хотя наличие преимуществ в статье 1.1 (b) ССКМ основано на сравнении на рынке, анализ рынка должен учитывать правительственные решения относительно соответствующего сочетания источников энергии [13].

Таким образом, дела «Канада – Возобновляемые источники энергии» стали первым случаем, когда ОРС ВТО пыталось трактовать меры на поддержку ВИЭ в соответствии с правом ВТО. Мы считаем, что решение Апелляционного органа содержит попытки сгладить противоречия между очень распространенным использованием в мире программ ФИТ и правом ВТО, а также сгладить противоречия между принимающимися во всем мире мерами по распространению ВИЭ и борьбе с изменением климата и делами ОРС ВТО по ВИЭ.

«Китай - Меры, касающиеся ветроэнергетического оборудования».

Спор был инициирован США 22 декабря 2010 года на основании петиции Объединенных работников сталелитейной промышленности (United Steelworkers), поданной в соответствии с разделом 301 Закона о торговле США 1974 года, в Министерство торговли США. В петиции содержалось утверждение, касающееся различных китайских политических мер, затрагивающих торговлю и инвестиции в секторе экологически чистых технологий, включая субсидии.

США запросили консультации с Китаем относительно определенных мер, предусматривающих предоставление субсидий предприятиям, производящим ветроэнергетическое оборудование в Китае [6]. Оспариваемые меры предусматривали субсидии, которые зависят от использования отечественных деталей и компонентов китайскими производителями ветроэнергетического оборудования. В своей просьбе о консультациях США утверждали, что оспариваемые меры противоречат статьям 3 и 25 ССКМ.

Соединенные Штаты провели консультации ВТО с Китаем 16 февраля 2011 года. В

ходе этих консультаций США обосновали, что субсидии, предоставляемые китайским производителям ветряных турбин в рамках программы Специального фонда КНР, являются запрещенными, поскольку они были обусловлены требованием использования отечественного оборудования.

Однако этот спор был разрешен на этапе консультаций после согласия Китая завершить программу по созданию программы Специального фонда в феврале 2011 года. Китай на ранней стадии обсуждения заявил, что эти меры являются согласованными с ВТО, поскольку они «полезны для сохранения ресурсов и охраны окружающей среды и способствуют преодолению изменения климата и глобального потепления» [25].

На наш взгляд, данное дело предоставило ОРС ВТО возможность обсудить вопрос о том, могут ли субсидии по-прежнему обосновываться по соображениям охраны окружающей среды в соответствии с ССКМ. Мы считаем, что это дело стало показательным примером по разрешению спора на стадии консультаций. Такой пример Китая мог бы использоваться при разрешении дела «Европейский союз и некоторые государства-члены - Определенные меры, влияющие на сектор производства возобновляемых источников энергии», которое с 2012 года находится на стадии консультаций и еще не завершено.

Соединенные Штаты – Меры компенсационной обязанности по некоторым товарам из Китая

25 мая 2012 года Китай обратился с просьбой о консультациях с Соединенными Штатами в отношении введения Соединенными Штатами компенсационных пошлин на определенные товары из Китая. Китай ставит под сомнение различные аспекты некоторых определенных расследований компенсационных пошлин, включая их начало, проведение и предварительные и окончательные определения, которые привели к введению компенсационных пошлин. Китай также оспаривает «опровержимую презумпцию», якобы созданную и применяемую Министерством торговли США, о том, что владение государственным большинством достаточно для того, чтобы рассматривать предприятие как «государственный орган».

Спор касался нескольких решений о принятии, а также предварительных и окончательных определений в 17 расследованиях компенсационных пошлин, проведенных Министерством торговли Соединенных Штатов с 2007 по 2012 год. В центре расследований находилась продукция из Китая, необходимая для производства солнечных батарей и ветряных башен. Так, 16 ноября 2011 года и 24 января 2012 года США начали расследование двух дел по компенсационным мерам в отношении Китая по товарам возобновляемой энергетики, а именно, китайским элементам для солнечных батарей и ветровые башен. Расследование по элементам для солнечных батарей было начато в 2011 году по просьбе «Solar World Industries America Inc.» - крупнейшего в США производителя продуктов из кристаллического кремния. Министерство торговли США подтвердило субсидирование элементов для солнечных батарей и, следовательно, назначило окончательные компенсационные пошлины в размере от 14,78% до 15,97%. Второе расследование, проведенное в 2012 году по просьбе торговой коалиции «Ветровая башня», установило, что ставки компенсационных пошлин составляют 21,86%, 34,81% и 28,34%. После положительного утверждения о наличии ущерба Международной комиссии по торговле Министерство торговли США в каждом случае издал документ о задолженности Китая перед США.

Оба расследования касались огромного числа правительственных программ, причем некоторые из них оказались субсидируемыми. В соответствии с методологией расчета, Министерство торговли США сюда добавило ставки субсидирования всех противодействующих программ вместе, чтобы определить общие (или чистые) ставки субсидирования для заинтересованных целевых компаний. Общие ставки, в свою очередь, определяли сумму

компенсационных пошлин.

Наиболее типичными формами субсидий в двух случаях были гранты, льготные кредиты, налоговые льготы и предоставление определенных товаров (материалов, электроэнергии и земли) по ценам ниже рыночных. Министерство торговли США пришло к выводу, что они относятся к определенным предприятиям или их группам, к отрасли возобновляемой энергетики или отдельным регионам (например, к специальным зонам). Следует отметить, что некоторые из этих схем субсидирования - например, демонстрационная программа «Золотое солнце» [26] или «Кредитование политики в области возобновляемой энергетики» были разработаны специально для поддержки ВИЭ, тогда как другие - например, налог на добавленную стоимость и тарифные изъятия на импортное оборудование - были доступны для более широкого круга проектов [27].

Данный спор рассматривался с 25 мая 2012 года по 14 июля 2014 года в Группе ОРС ВТО. 22 августа 2014 года Китай подал апелляционную жалобу, по результатам рассмотрения которой 18 декабря 2014 года вышел Доклад Апелляционного органа ВТО [28].

Группа установила, что Министерство торговли США действовало несовместимо со ст. 1.1 (а) (1) ССКМ, поскольку он определил, что некоторые китайские государственные предприятия были «государственными органами», основанными исключительно на том основании, что они находились в мажоритарной собственности или иным образом контролировались правительством Китая.

Группа частично отвергла требования Китая в отношении выводов Министерства сельского хозяйства США о том, что предполагаемые субсидии являются специфическими для определенных предприятий. Группа отклонила претензии Китая в отношении результатов Министерства торговли США о том, что существует «рыночное искажение», оправдывающее использование показателя за пределами страны в расчетах пособий; что имеются достаточные доказательства финансовых взносов со стороны государственных органов и их специфики для обоснования начала расследования компенсационных пошлин; и об использовании «неблагоприятных фактов».

Группа установила, что Министерство торговли США действовало несовместимо со ст. 11.3 ССКМ путем инициирования двух расследований на основе заявок, основанных исключительно на существовании ограничений на экспорт и их эффекте подавления цен.

Группа пришла к выводу, что меры, о которых идет речь, противоречат положениям ССКМ, что они аннулируют или уменьшают преимущества, получаемые Китаем в рамках этого Соглашения. В соответствии со статьей 19.1 Договора о правилах и процедурах, регулирующих разрешение споров, Группа рекомендовала США привести свои меры в соответствие с ее обязательствами по ССКМ. Группа пришла к выводу, что предварительные решения об элементах производства ветряных башен, не были в пределах их полномочий [7].

Группа пришла к выводу, что Министерство торговли США не действовали несовместимо со ст. 14 (d) или 1.1 (b) ССКМ, отвергая внутренние цены в Китае в качестве ориентира в своем анализе выгод. Отмечая, что выбор эталона по ст. 14 (d) ССКМ не мог с самого начала исключить рассмотрение цен внутри страны из какого-либо конкретного источника, включая цены, связанные с правительством, Апелляционный орган отменил вывод Группы и установил, что Министерство торговли США действовал несовместимо со ст. 14 (d) и 1.1 (b) ССКМ, отвергнув цены в Китае в качестве ориентиров при анализе его выгоды.

Апелляционный орган отменил вывод Группы о несоответствии действий Министерства торговли США ст. 12.7 ССКМ, отметив, что Комиссия США действовала не в соответствии со ст. 11 ССКМ, потому что, в частности, он не провел критического и углубленного изучения заявлений Министерства торговли США [29].

13 февраля 2015 года США сообщили ОРС ВТО, что они намерены выполнять ре-

комендации и решения ОРС ВТО таким образом, чтобы уважать свои обязательства по ВТО, и что для этого потребуется разумный период времени. 26 июня 2015 года Китай потребовал, чтобы разумный период времени был определен посредством обязательного арбитража в соответствии со статьей 21.3 (с) Договоренностей о правилах и процедурах, регулирующих разрешение споров. 9 июля 2015 г. Китай просил Генерального директора назначить арбитра. 9 октября 2015 года было принято арбитражное решение, согласно которому был определен разумный срок как 14 месяцев, 16 дней. Таким образом, разумный срок истек 1 апреля 2016 года.

13 мая 2016 года Китай запросил консультации в соответствии со статьей 21.5 Договоренностей о правилах и процедурах, регулирующих разрешение споров в связи с предполагаемым неисполнением США рекомендаций и решений ОРС ВТО в этом споре. 8 июля 2016 года Китай обратился с просьбой о создании группы по соблюдению. 21 марта 2018 года доклад группы по соблюдению был разослан странам-членам. Однако 27 апреля 2018 года США сообщили ОРС ВТО о своем решении подать апелляцию в Апелляционный орган по некоторым вопросам права, охватываемым отчетом комиссии по соблюдению, и по некоторым юридическим толкованиям, разработанным группой по соблюдению. 2 мая 2018 года Китай уведомил ОРС ВТО о своем решении подать апелляцию. 26 июня 2018 года, по истечении 60-дневного периода, предусмотренного в статье 17.5 Договоренностей о правилах и процедурах, регулирующих разрешение споров, Апелляционный орган проинформировал ОРС ВТО, что он не сможет распространить отчет Апелляционного органа в связи с отставанием рассмотрения других дел и не укомплектованности штата Апелляционного органа, а также что должным образом свяжется с участниками и членами ОРС ВТО, как только ему будет более точно известно, когда Отдел может назначить слушание по этой апелляции [7].

Данное дело является очень запутанным и затяжным. Стороны никак не могут выполнить решений Группы и Апелляционного органа по данному делу, что говорит о высокой конкуренции между американскими и китайскими компаниями по производству ВИЭ.

*Индия - Определенные меры, относящиеся к
солнечным элементам и солнечным модулям*

В рассматриваемом деле США утверждали, что требование отечественного содержания, поддерживаемое Индией в целях содействия использованию солнечной энергии, противоречит обязательствам ВТО. В принятом решении четко освещаются более крупные системные вопросы в рамках ВТО, особенно в отношении способности стран-членов ВТО проводить политику внутреннего развития, используя субсидии.

Индийская программа по поддержке ВИЭ – «Национальная программа солнечной миссии имени Джавахарлала Неру» (далее - JNNSM) была инициирована в начале 2010 года для генерации дополнительных 20 000 мегаватт электроэнергии к 2022 году в несколько этапов [30]. В рамках JNNSM предприятия, которые разрабатывают проекты по производству солнечной энергии (называемые разработчиками солнечной энергии), заключают соглашения о покупке электроэнергии с покупателями электроэнергии, которые находятся под контролем правительства Индии. Покупатели электроэнергии соглашались покупать электроэнергию, вырабатываемую солнечной технологией, по фиксированной договорной цене. Затем генерируемое электричество продавалось в распределительные коммунальные компании, которые в свою очередь продают электроэнергию потребителям [31]. Руководило реализацией этой программы Министерство по новым и возобновляемым источникам энергии Индии [32].

Спор между Индией и США касается требований отечественного содержания, которые были включены в Руководство, сопровождающее различные этапы в рамках Фазы I и II JNNSM. В проекте Руководства предусматривалось, что участвующие разработчи-

ки солнечной энергии должны использовать солнечные батареи и модули, изготовленные в Индии. В заявлении США подчеркивается, что для того чтобы разработчик солнечной энергии воспользовался фиксированными согласованными по контракту ставками в рамках JNNSM, он должен обеспечить соответствие требованиям внутреннего контента солнечных элементов и модулей, используемых на солнечных фотоэлектрических электростанциях. В заявлении США также подчеркивалось постепенное увеличение требований отечественного содержания с течением времени, включая не только солнечные элементы и солнечные модули кристаллического кремния, но также и солнечные тонкопленочные модули.

Процесс урегулирования спора был начат 6 февраля 2013 года, когда США запросили консультации с Индией о мерах, касающихся требований к отечественному содержанию, поддерживаемых в рамках JNNSM. США заявили, что эти меры нарушили несколько положений ГАТТ, ССКМ и ТРИМС. В частности, США заявили, что меры Индии не только нарушают нормы ГАТТ, но также приводят к ухудшению или аннулированию преимуществ, получаемых США через соглашения ВТО [9].

США утверждали, что требования внутреннего контента Индии нарушили статью III ГАТТ и статью 2.1 ТРИМС, поскольку требования внутреннего контента «изменяют условия конкуренции в пользу ячеек и модулей, изготовленных в Индии, в ущерб импортному оборудованию в нарушение Статьи III: 4 ГАТТ 1994». США заявляли, что требования внутреннего контента действуют выборочно, чтобы исключить импортированные солнечные элементы и модули из определенных проектов в рамках JNNSM, позволяя использовать внутренние камеры и модули во всех проектах в рамках JNNSM. США также заявили, что индийские меры нарушили статьи 3.1 (b), а также 3.2 ССКМ, которые предоставляют субсидии, зависящие от импортозамещения. США также ссылались на статьи 5 (c), 6.3 (a) и 6.3 (c) ССКМ, ссылаясь на неблагоприятное воздействие на торговые интересы США через перемещение или препятствие экспорту солнечных элементов и модулей США в Индию.

Индия пыталась обеспечить защиту своих мер в соответствии со статьей III: 8 ГАТТ отступлением по аналогичной линии с Канадой в более раннем деле «Канада - Возобновляемые источники энергии» [4]. Кроме того, Индия защищала свои меры, ссылаясь на различные общие исключения согласно статье XX (d) и (j) ГАТТ. Индия приняла новый шаг, чтобы избежать последствий аналогичных результатов в деле «Канада – Меры, связанные с программой тарифа на подачу». Индия попыталась использовать гибкость в толковании статьи III: 8 (a) ГАТТ, назвав панель солнечных батарей и модули «встроенными данными», в то время как такие продукты, как инверторы и электропроводка, назывались бы «вспомогательными». Это позволило бы Индии требовать равного обращения междукупаемым продуктом и дискриминированным продуктом и ввести дополнительные основания для разграничения требования внутреннего контента в рамках JNNSM.

Решение Группы по делу было вынесен 24 февраля 2016 года. 20 апреля 2016 года Индия уведомила ОРС ВТО о своем решении обжаловать в Апелляционном органе некоторые вопросы права и юридического толкования в отчете группы.

Группа пришла к выводу, что требования внутреннего контента представляют собой связанные с торговлей инвестиционные меры, охватываемые пунктом 1 (a) Примерного перечня в Приложении к Соглашению ТРИМС, а также они несовместимы как со статьей III: 4 ГАТТ 1994 года, так и со статьей 2.1 ТРИМС.

Что касается отмены государственных закупок в статье III: 8 (a) ГАТТ 1994 года, Группа пришла к выводу, что требования внутреннего контента не отличаются в каком-либо соответствующем отношении от внутренних требований к содержанию, ранее рассмотренных в соответствии с этим положением Апелляционным органом в Канаде - Канада – Меры, связанные с программой тарифа на подачу ФИТ. После толкования Апелляционным органом статьи III: 8 (a) ГАТТ 1994 года в этом случае Группа установила, что дис-

криминация, касающаяся солнечных элементов и модулей в соответствии с требованиями внутреннего контента, не подпадает под действие положений об отмене государственных закупок в статье III: 8 (a) ГАТТ 1994 года. В частности, Группа пришла к выводу, что электроэнергия, приобретаемая правительством, не находится в «конкурентных отношениях» с солнечными элементами и модулями, подверженными дискриминации в рамках требований внутреннего контента [9].

Индия утверждала, что требования внутреннего контента также оправданы в соответствии со статьей XX (d) ГАТТ 1994 года на том основании, что они обеспечивают соблюдение Индией «законов или положений», требующих от нее принятия мер по содействию устойчивому развитию. Группа сочла, что международные соглашения могут представлять собой «законы или нормативные акты» по смыслу статьи XX (d) ГАТТ только в той мере, в какой они являются правилами, которые имеют «прямое действие» или иным образом являются частью внутренней правовой системы соответствующего члена. Группа пришла к выводу, что большинство инструментов, определенных Индией, не являются «законами или нормативными актами» по смыслу статьи XX (d) ГАТТ или не являются законами или нормативными актами, в отношении которых требования внутреннего контента определяет «надежное соблюдение». Таким образом, Группа пришла к выводу, что Индия не смогла доказать, что оспариваемые меры оправданы в соответствии со статьей XX (d) ГАТТ. Апелляционный орган согласился с выводом Группы о том, что Индия не продемонстрировала, что ее меры были оправданы в соответствии со ст. XX (d). В контексте этого положения Индия не продемонстрировала, что оспариваемые внутренние документы излагают правило, обеспечивающее экологически устойчивый рост, и не доказала, что указанные международные документы подпадают под действие ст. XX (d). При этом Апелляционный орган пояснил, что при определении того, определил ли респондент «правило», подпадающее под сферу действия «законов или нормативных актов» согласно статье XX (d), коллегия может иметь отношение к рассмотрению таких факторов, как степень нормативности внутреннего или международного документа и степень, в которой он действует, чтобы установить правило поведения или порядок действий, которые должны соблюдаться в рамках внутренней правовой системы члена [33].

8 ноября 2016 года Индия сообщила ОРС ВТО, что в соответствии со статьей 21.3 Договоренностей о правилах и процедурах, регулирующих разрешение споров она намеревалась выполнить рекомендации и решения ОРС ВТО в этом споре. 16 июня 2017 года Индия и США сообщили ОРС ВТО, что они согласились с тем, что разумный период времени для выполнения рекомендаций и решений ОРС ВТО составит 14 месяцев. Соответственно, разумный срок должен был истечь 14 декабря 2017 года.

19 декабря 2017 года США запросили разрешение ОРС ВТО приостановить действие концессий или других обязательств в соответствии со статьей 22.2 Договоренностей о правилах и процедурах, регулирующих разрешение споров на том основании, что Индия не выполнила рекомендации и постановления ОРС ВТО в течение разумного периода времени. 3 января 2018 года Индия возразила против запроса США в соответствии со статьей 22.6 Договоренностей о правилах и процедурах, регулирующих разрешение споров. Индия сообщила ОРС ВТО, что она не согласна с США, что Индия не выполнила рекомендации и постановления ОРС ВТО в течение разумного периода времени. В своем сообщении Индия указала, что США не вступили в переговоры с Индией о согласовании взаимоприемлемой компенсации, и поэтому, по мнению Индии, запрос США не удовлетворяет условиям статьи 22.2 Договоренностей о правилах и процедурах, регулирующих разрешение споров.

На заседании ОРС ВТО 12 января 2018 года дело было передано в арбитраж в соответствии со статьей 22.6 Договоренностей о правилах и процедурах, регулирующих разрешение споров. 23 января 2018 года Индия обратилась с просьбой о создании комиссии

по соблюдению в соответствии со статьей 21.5 Договоренностей о правилах и процедурах, регулирующих разрешение споров.

Проанализировав данное дело, хотелось бы отметить, что JNNSM показывает намерения индийского правительства не только продвигать проекты по возобновляемым источникам энергии для удовлетворения внутреннего спроса на электроэнергию, но и стремление к достижению этой конкретной цели с целью расширения внутреннего производства солнечных элементов, модулей и других устройств для использования солнечных фотоэлектрических технологий. И сам факт создания целого административного органа в виде Министерства для продвижения новых и возобновляемых источников энергии доказывает серьезные намерения Индии по «декарбонизации» страны, улучшения экологической обстановки, стремлению к устойчивому развитию, созданию новой отрасли промышленности и новых рабочих мест.

Таким образом, мы рассмотрели все дела, возбужденные в ОРС ВТО по вопросам поддержки ВИЭ, по которым были вынесены окончательные решения и одно дело, разрешенное в рамках консультаций. Если проанализировать состав участников споров, то сразу бросается в глаза, что это страны с развитыми отраслями возобновляемой энергетики (Китай, Канада, США, ЕС, Индия, Япония), стоящие на передовых позициях и стимулирующие остальные государства поддерживать и распространять ВИЭ. Но если количество споров по ВИЭ будут увеличиваться, то количество стран из числа членов ВТО будут менее активно переходить на низкоуглеродную экономику. Это касается и Республики Казахстан, которая 30 ноября 2015 года стала членом ВТО и активно развивает сектор возобновляемой энергетики.

Отрасль возобновляемой энергетики – это новая отрасль промышленности, это главный инструмент и цель глобальной энергетической революции, это средство охраны окружающей среды от выбросов парниковых газов. Поэтому необходимы огромные средства, субсидии, различные национальные и региональные программы и глобальные инициативы для поддержки, использования и распространения ВИЭ.

Необходимо обратить внимание, что поощрение производства «зеленой» электроэнергии (в частности, солнечной и ветровой энергии) продолжает оставаться в центре внимания государственной поддержки, причем наиболее распространенной формой поддержки является тариф на подачу (ФИТ), который предлагает долгосрочные гарантированные цены на возобновляемую электроэнергию, подаваемую в сеть [34]. Согласно Глобальной сети политики в области возобновляемых источников энергии (REN21), по состоянию на конец 2018 года в 111 государствах были созданы программы ФИТ (последние государства, принявшие программу ФИТ, являются Замбия и Вьетнам) [3].

Многие зарубежные исследователи воспринимают споры в ОРС ВТО по ВИЭ как действия, направленные против охраны окружающей среды, смягчения изменения климата, «декарбонизации» экономики, устойчивого развития [35]. Большинство ученых негативно восприняли практику ОРС ВТО в отношении поддержки ВИЭ. Так, профессор Аарон Косби утверждает, что «система урегулирования споров ВТО является неправильным местом для формирования международного консенсуса в отношении мер поддержки возобновляемой энергии, но также ясно, что нужное место необходимо найти, и быстро» [36]. Джоанна Льюис из США приходит к заключению, что «субсидии на возобновляемые источники энергии и промышленные курсы для создания отраслей с использованием возобновляемых источников энергии, вероятно, запрещены в соответствии с соглашениями ВТО и подлежат оспариванию» [37].

Возникает вопрос о делах относительно поддержки ископаемого топлива в практике ОРС ВТО. Однако мы не нашли ни одного такого дела, хотя ископаемое топливо в процессе сжигания является одним из главных загрязнителей воздуха, атмосферы и изменения кли-

мата. Необходимо обратить внимание, что инвестиции в поставку ископаемого топлива составили 790 млрд. долларов США в 2017 году, при этом в том же году инвестиции в возобновляемую энергетику - всего 300 млрд. долларов США [38]. Несмотря на меньшие суммы инвестиций, субсидии на ВИЭ чаще становятся предметом торгового спора в ВТО [25]. Мы считаем, что субсидии на ископаемые виды топлива стимулируют не только использование угля, нефти и газа, но и увеличение выбросов парниковых газов от их использования. Это также негативно сказывается на экономической конкурентоспособности ВИЭ. Поскольку многие системы электроснабжения основаны на генерации ископаемого топлива, субсидии на ископаемые виды топлива часто действуют для блокирования и укрепления существующих технологий генерации, что создает препятствия для новых участников, пытающихся разработать возобновляемые технологии.

В заключение хотелось бы отметить, что споры по вопросам субсидирования и поддержки ВИЭ, рассматриваемые в ВТО, могут замедлить темпы распространения ВИЭ по всему миру и увеличения доли данного вида энергии в мировом энергетическом балансе. Кроме того, данные споры по вопросам ВИЭ могут препятствовать реализации Парижского соглашения об изменении климата 2015 года и своевременному достижению ЦУР 7 ООН о доступной и чистой энергии до 2030 года. Однако на применении самого распространенного и эффективного механизма поддержки ВИЭ – программы ФИТ – это не сказалось, а, наоборот, число стран, использующих ее, увеличилось. Мы считаем, что глубокое изучение практики ОРС ВТО позволит Казахстану эффективно развивать и стимулировать ВИЭ, не нарушая свои международно-правовые обязательства как члена ВТО.

Список литературы

- 1 Валеева Э.Н. Правила Всемирной Торговой Организации и протекционизм в области возобновляемых источников энергии // Торговая политика. Trade policy. – 2017. - № 1/9. – С. 46-74
- 2 Акшалова Р.Д. Деятельность Организации Объединенных Наций в области международно-правового регулирования возобновляемых источников энергии // Современные проблемы международной защиты прав человека: Сборник материалов IV Международной научно-практ. конф., Астана, Республика Казахстан, 2018 / Ответ. ред. Е.М. Абайдельдинов, Ш.В. Тлепина, Р.Д. Акшалова, Х.А. Абаева. – Астана, 2018. – С. 21-35.
- 3 Renewables – 2019. Global Status Report. REN21, Renewable energy policy network. [Электрон.ресурс]. – 2018. – URL: https://www.ren21.net/wp-content/uploads/2019/05/gsr_2019_full_report_en.pdf (дата обращения: 18.11.2019)
- 4 DS412 Canada – Certain Measures affecting the renewable energy generation sector [Электрон.ресурс]. – URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds412_e.htm (дата обращения: 18.11.2019)
- 5 DS426 Canada - Measures related to the Feed-in Tariff Program [Электрон.ресурс]. – URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds426_e.htm (дата обращения: 18.11.2019)
- 6 DS419 China — Measures concerning wind power equipment [Электрон.ресурс]. - URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds419_e.htm (дата обращения: 18.11.2019)
- 7 DS437 United States — Countervailing duty measures on certain products from China [Электрон.ресурс]. – URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds437_e.htm (дата обращения: 18.11.2019)
- 8 DS452 European Union and certain Member States — Certain measures affecting the renewable energy generation sector [Электрон.ресурс]. – URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/

-
- dispu_e/cases_e/ds452_e.htm (дата обращения: 18.11.2019)
- 9 DS456 India — Certain measures relating to solar cells and solar modules [Электрон.ресурс]. – URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds456_e.htm (дата обращения: 18.11.2019)
- 10 DS510 United States — Certain measures relating to the renewable energy sector [Электрон.ресурс]. – URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds510_e.htm (дата обращения: 18.03.2019)
- 11 DS563 United States – Certain measures relating to the renewable energy sector [Электрон.ресурс]. – URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds563_e.htm (дата обращения: 18.11.2019)
- 12 Canada Green Energy Act, 2009, S.O. 2009, chapter 12, Sched. A [Электрон.ресурс]. – 2009. – URL: <https://www.ontario.ca/laws/statute/09g12> (дата обращения: 18.11.2019)
- 13 Steve Charnovitz, Carolyn Fischer, 2015. Canada Renewable Energy: Implications for WTO Law on Green and Not-So-Green Subsidies // World Trade Review – 2015. Vol. 14(02). Pp. 177-210. doi: 10.1017/S1474745615000063
- 14 Aaron Cosbey, Luca Rubini. Does It Fit? An Assessment of the Effectiveness of Renewable Energy Measures and of the Implications of the Canada – Renewable Energy/Fit Disputes. Clean Energy Technologies and the Trade System. Proposals and Analysis / E15 Expert Group on Clean Energy Technologies and the Trade System [Электрон.ресурс]. – 2013. – URL: <http://e15initiative.org/publications/does-it-fit-an-assessment-of-the-effectiveness-of-renewable-energy-measures-and-of-the-implications-of-the-canada-renewable-energyfit-disputes/> (дата обращения: 18.11.2019)
- 15 Канада проиграла в споре о мерах по стимулированию возобновляемых источников энергии // Bridges – Мосты. Vol. 6, Number 4 [Электрон.ресурс]. – 2013. – URL: <http://www.ictsd.org/bridges-news/> (дата обращения: 18.11.2019)
- 16 Davies, A. The GATT Article III:8(a) Procurement Derogation and Canada - Renewable Energy // Journal of International Economic Law – 2015. Vol. 18(3). - Pp. 543-554. doi: 10.1093/jiel/jgv027
- 17 Валеева Э.Н. Правила Всемирной Торговой Организации и протекционизм в области возобновляемых источников энергии // Торговая политика. Trade policy – 2017. - № 2/10. – С. 19-44.
- 18 Иллюстративный перечень ТРИМС - приложение к Соглашению по ТРИМС, в котором перечислены связанные с торговлей инвестиционные меры, применение которых несовместимо с обязательствами по национальному режиму, вытекающими из пункта 4 статьи III ГАТТ-1994. В их число входят меры, которые являются обязательными по закону или вводятся внутренним законодательным актом.
- 19 Соглашение по субсидиям и компенсационным мерам ВТО от 15 апреля 1994 года [Электрон.ресурс]. – 1994. – URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30253958#pos=0;36 (дата обращения: 11.12.2019)
- 20 WTO Appellate Body Report WT/DS412/AB/R Canada – Certain Measures affecting the renewable energy generation sector, WT/DS426/AB/R Canada — Measures related to the Feed-in Tariff Program. 15 February 2013 [Электрон.ресурс]. – 2013. – URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/412_426abr_a_e.pdf (дата обращения: 12.12.2019)
- 21 Чипко А.В. Правила Всемирной Торговой Организации по предоставлению субсидий и поддержке возобновляемых источников энергии // Науковий вісник Херсонського державного університету. Серія Юридичні науки. Випуск 1 – 2016. - Том 4. – С. 147-149
- 22 Communication from Canada: Canada – Certain Measures Affecting The Renewable Energy Generation Sector [Электрон.ресурс]. – 2013. – URL: [https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/FE_Search/FE_S_S006.aspx?Query=\(@Symbol=%20wt/ds412/*\)&Language=ENGLISH&Context](https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/FE_Search/FE_S_S006.aspx?Query=(@Symbol=%20wt/ds412/*)&Language=ENGLISH&Context)

=FomerScriptedSearch&languageUICChanged=true# (дата обращения: 12.12.2019)

23 Солнцев А.М. Изменение климата: международно-правовое измерение // Московский журнал международного права – 2018. - № 1. - С. 60–78. doi: 10.24833/0869-0049-2018-1-60-78

24 Генеральное соглашение по тарифам и торговли 1947 года // URL: www.wto.ru/ru/content/documents/docs/gatt47ru.doc (дата обращения: 12.12.2019)

25 Henok Birhanu Asmelash. Energy Subsidies and WTO Dispute Settlement: Why Only Renewable Energy Subsidies Are Challenged // Journal of International Economic Law – June 2015. - Vol. 18. - Pp. 261-285 doi: 10.1093/jiel/jgv024

26 В 2009 году Министерство финансов Китая, Министерство науки и технологий и Национальное управление по энергетике Национальной комиссии по развитию и реформам объявили о запуске демонстрационного проекта «Золотое солнце», второй национальной программы субсидирования солнечной энергетики, 21 июля 2000 г. Проект призван способствовать росту и расширению масштабов индустрии фотоэлектрической энергетики. [Электрон.ресурс]. – URL: <https://sites.google.com/site/chinapolicyinfocus/china-s-solar-subsidy-programs/china-s-solar-industry/china-s-national-solar-subsidy-programs> (дата обращения: 29.03.2019)

27 Shadikhodjaev S. Renewable Energy and Government Support: Time to “Green” the SCM Agreement? // World Trade Review – 2014. – Vol. 14(03). - Pp. 479–506. doi:10.1017/s1474745614000317

28 United States - Countervailing Duty Measures on Certain Products from China - AB-2014-8 - Report of the Appellate Body, 18 December, 2014 [Электрон.ресурс]. – 2014. – URL: [https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/FE_Search/FE_S_S006.aspx?Query=\(@Symbol=%20wt/ds437/ab/r*%20not%20rw*\)&Language=ENGLISH&Context=FomerScriptedSearch&languageUICChanged=true#](https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/FE_Search/FE_S_S006.aspx?Query=(@Symbol=%20wt/ds437/ab/r*%20not%20rw*)&Language=ENGLISH&Context=FomerScriptedSearch&languageUICChanged=true#) (дата обращения: 12.12.2019)

29 Summary of key Panel/AB findings US—Countervailing duty measures (DS437) [Электрон.ресурс]. – 2015. – URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/1pagesum_e/ds437sum_e.pdf (18.04.2019)

30 Jawaharlal Nehru National Solar Mission Towards Building Solar India [Электрон.ресурс]. – 2010. – URL: https://mnre.gov.in/sites/default/files/uploads/mission_document_JNNSM.pdf (19.12.2019)

31 Ghori Umair. ‘Reverse Permissibility’ in Renewable Energy Sector: Going beyond the US-India Solar Cells Dispute // Asian Journal of International Law – July 2018. – Vol. 8, Issue 2. – Pp.322-349. doi: 10.1017/S204425131600028X

32 Официальный сайт Министерства по новым и возобновляемым источникам энергии Индии [Электрон.ресурс]. – URL: <https://mnre.gov.in/> (дата обращения: 12.12.2019)

33 Appellate Body report and Panel report India - Certain Measures Relating to Solar Cells and Solar Modules. Action by the Dispute Settlement Body. WTO/DS456/13 [Электрон.ресурс]. – 2016. – URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/456abr_e.pdf (дата обращения: 12.12.2019)

34 Gracia Marín Durán. Sheltering government support to ‘green’ electricity: the European Union and the World Trade Organization // International & Comparative Law Quarterly – January 2018. - Volume 67, Issue 1. - Pp. 129-165 doi: 10.1017/S0020589317000537 (дата обращения: 12.12.2019)

35 Amelia Porges, Thomas Brewer. Climate Change and a Renewable Energy Scale-Up: Responding to Challenges Posed to the WTO. Clean Energy Technologies and the Trade System. Proposals and Analysis / E15 Expert Group on Clean Energy Technologies and the Trade System; Thijs van de Graaf, Harro van Asselt. Introduction to the special issue: energy subsidies at the intersection of climate, energy, and trade governance // International Environmental Agreements

– 2017. – 17. – Pp. 313- 326. doi: 10.1007/s10784-017-9359-8; Kati Kulovesi. International Trade Disputes on Renewable Energy: Testing Ground for the Mutual Supportiveness of WTO Law and Climate Change Law // Review of European, Comparative & International Environmental Law. – 2014. – Vol. 23(3). – Pp. 342–353. doi:10.1111/reel.12092; Gracia Marín Durán. Sheltering government support to ‘green’ electricity: the European Union and the World Trade Organization // International & Comparative Law Quarterly – January 2018. - Volume 67, Issue 1. - Pp. 129-165. doi: 10.1017/S0020589317000537; Patrice Bougette, Christophe Charlier. Renewable energy, subsidies, and the WTO: Where has the “green” gone? // Energy Economics. – 2015. – Vol. 51. – Pp. 407-416.

36 Aaron Cosbey. Renewable energy subsidies and the WTO: The wrong law and the wrong venue [Электрон.ресурc]. – 2011. – URL: <https://www.iisd.org/gsi/subsidy-watch-blog/renewable-energy-subsidies-and-wto-wrong-law-and-wrong-venue> (дата обращения: 04.02.2020)

37 Joanna I. Lewis. Emerging conflicts in renewable energy policy and International trade law. World Renewable Energy Forum 2012, Denver, CO, May 13-17, 2012 [Электрон.ресурc]. – 2012. – URL: https://ases.conference-services.net/resources/252/2859/pdf/SOLAR2012_0724_full%20paper.pdf (дата обращения: 04.02.2020)

38 International Energy Agency World Energy Investment 2018. Executive summary [Электрон.ресурc]. – 2018. – URL: <https://webstore.iea.org/download/summary/1242?fileName=English-WEI-2018-ES.pdf> (дата обращения: 04.02.2020)

Р.Д. Акшалова¹, Б.Ж. Әбдірайым², А.М. Солнцев³

^{1,2} Л.Н. Гумилева атындағы Еуразия ұлттық университеті,
Нұр-Сұлтан, Қазақстан

³ Ресей халықтар достығы университеті, Мәскеу, Ресей

Жаңартылатын энергия көздерін қолдануды қолдау мәселелері бойынша Дүниежүзілік сауда ұйымы Дауларды шешу бойынша органының тәжірибесі

Андатпа. Жаңартылатын энергия көздері климаттың өзгеруі мен көмірқышқыл газының атмосфераға шығарылуын төмендетуге қарсы күрестің тиімді құралдарының біріне айналды. Сондықтан көптеген мемлекеттер климаттың өзгеру салдарын азайту жөніндегі өздерінің мемлекеттік бағдарламаларына жаңартылатын энергия көздерін пайдалануды көбейтуді қолдау мәселелерін енгізді. Бірақ кеңінен қолданылатын ондай шаралардың кейбірі Дүниежүзілік сауда ұйымы аясындағы көпжақты сауда жүйесінің ережелеріне қайшы келе бастады. Бұл мақалада жаңартылатын энергия көздерін пайдалануды қолдауға энергетикалық субсидиялар саласындағы Дауларды шешу бойынша органы (ДСҰ ДШО) шешкен даулар егжей-тегжейлі қарастырылды. 2010 жылдан бастап ДСҰ ДШО жаңартылатын энергия көздерін субсидиялау бағдарламасына қатысты сегіз іс қозғады, бұл тақырыптың өте өзекті екенін көрсетеді. Авторлар бұл істерді талдап, мұндай сауда даулары санының ұлғаюының бүкіл әлемде, сондай-ақ әртүрлі мемлекеттерде жаңартылатын энергетиканың одан әрі дамуына әсерін көрсетеді. Мақаланы жазу барысында индукция және дедукция, тарихи-құқықтық және талдау әдістері қолданылды. Осы ғылыми мақаланың ғылыми жаңалығы авторлар Қазақстан тәжірибесінде алғаш рет жаңартылатын энергия көздерін қолдау мәселелері бойынша ДСҰ СБС-ның толық рұқсат етілген істерін зерттейді. Авторлар ДСҰ ДШО бұл тәжірибесі 2015 жылғы климаттың өзгеруі туралы Париж келісімін іске асыру және Тұрақты даму саласындағы 7-мақсаттың орындалуы қарқынының бәсеңдеуіне әкелуі мүмкін деген қорытындыға келеді.

Түйін сөздер: жаңартылатын энергия көздері, дауларды шешу, Дүниежүзілік сауда ұйымы, дауларды шешу, мемлекеттік субсидиялар, жаңартылатын энергия көздерін қолдау, «жасыл» электроэнергиясын сатып алуға жеңілдетілген тарифтер.

R.D. Akshalova¹, B.Zh. Abdirajym², A.M. Solntsev

^{1,2} L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan

Practice of World Trade Organization Dispute Settlement Body (WTO DSB) on the issues of the support of the use of renewable energy sources

Abstract: Renewable energy has become one of the most effective means of combating climate change and reducing carbon dioxide emissions. Therefore, many states have integrated the issues of support for increased use of renewable energy sources in their national program on the mitigation the effects of climate change. However, some of the widely used measures have become conflict to the rules of the multilateral trading system within the World Trade Organization. This article discusses in detail the disputes resolved by the WTO DSB in the field of energy subsidies to support the use of renewable energy sources. This topic is the great relevance due to since 2010, eight cases were initiated in the WTO DBS with regard to programs on subsidizing renewable energy sources. The authors analyze these cases and shows the effect of an increase in the number of such trade disputes on the further development of renewable energy both around the world and in various countries. The scientific novelty of this scientific article lies in the fact that for the first time in Kazakhstan practice, the authors study the fully resolved cases of the WTO DBS on issues of supporting renewable energy sources. While writing the article, authors used methods of induction and deduction, historical and legal and analytical methods. The authors came to the conclusion that the existing practice of the WTO DSB could lead to a slowdown in the implementation of the Paris Agreement on Climate Change 2015 and the implementation of Sustainable Development Goal 7 (hereinafter - SDG 7).

Key words: renewable energy sources, settlement of disputes, World Trade Organization, trade disputes, state subsidies, support of renewable energy sources, feed-in tariffs.

References

- 1 Valeeva Je.N. Pravila Vsemirnoj Torgovoj Organizacii i protekcionizm v oblasti vozobnovljaemyh istochnikov jenergii [World Trade Organization Rules and Protectionism in the Field of Renewable Energy Sources], Torgovaja politika [Trade policy], 1 (9), 46-74 (2017) [in Russian]
- 2 Akshalova R.D. Dejatel'nost' Organizacii Ob'edinennyh Nacij v oblasti mezhdunarodno-pravovogo regulirovanija vozobnovljaemyh istochnikov jenergii [United Nations activities in the field of international legal regulation of renewable energy sources] // Sbornik materialov IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii "Sovremennye problemy mezhdunarodnoj zashhity prav cheloveka" [IV International scientific and practical conference on Contemporary issues of international protection of human rights]. / Otvet. red. E.M. Abajdel'dinov, Sh.V. Tlepina, R.D. Akshalova, Kh.A. Abaeva. Astana, 2018, pp. 21-35.
- 3 Renewables – 2019. Global Status Report. REN21, Renewable energy policy network. Available at: https://www.ren21.net/wp-content/uploads/2019/05/gsr_2019_full_report_en.pdf (accessed 18.11.2019)
- 4 DS412: Canada – Certain Measures affecting the renewable energy generation sector. Available at: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds412_e.htm (accessed 18.11.2019)
- 5 DS426: Canada - Measures related to the Feed-in Tariff Program. Available at: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds426_e.htm (accessed 18.11.2019)
- 6 DS419: China — Measures concerning wind power equipment. Available at: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds419_e.htm (accessed 18.11.2019)
- 7 DS437: United States — Countervailing duty measures on certain products from China. Available at: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds437_e.htm (accessed

18.11.2019)

8 DS452: European Union and certain Member States — Certain measures affecting the renewable energy generation sector. Available at: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds452_e.htm (accessed 18.11.2019)

9 DS456: India — Certain measures relating to solar cells and solar modules Available at: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds456_e.htm (accessed 18.11.2019)

10 DS510: United States — Certain measures relating to the renewable energy sector. Available at: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds510_e.htm (accessed 18.03.2019)

11 DS563: United States – Certain measures relating to the renewable energy sector. Available at: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds563_e.htm (accessed 18.11.2019)

12 Canada Green Energy Act, 2009, S.O. 2009, chapter 12, Sched. A. Available at: <https://www.ontario.ca/laws/statute/09g12> (accessed 18.11.2019)

13 Charnovitz S., Fischer C. Canada Renewable Energy: Implications for WTO Law on Green and Not-So-Green Subsidies, *World Trade Review*, Vol. 14 (02), 177-210 (2015). doi: 10.1017/S1474745615000063

14 Cosby A., Rubini L. Does It Fit? An Assessment of the Effectiveness of Renewable Energy Measures and of the Implications of the Canada – Renewable Energy. Fit Disputes. *Clean Energy Technologies and the Trade System. Proposals and Analysis / E15 Expert Group on Clean Energy Technologies and the Trade System*. Available at: <http://e15initiative.org/publications/does-it-fit-an-assessment-of-the-effectiveness-of-renewable-energy-measures-and-of-the-implications-of-the-canada-renewable-energyfit-disputes/> (accessed 18.11.2019)

15 Kanada proigrala v spore o merah po stimulirovaniju vozobnovljaemyh istochnikov jenergii [Canada lost in the debate on measures to promote renewable energy], *Mosty [Bridges]*, Vol. 6, 4, (2013). Available at: <http://www.ictsd.org/bridges-news/> (accessed 18.11.2019)

16 Davies, A. The GATT Article III:8(a) Procurement Derogation and Canada - Renewable Energy, *Journal of International Economic Law*, Vol. 18(3), 543-554 (2015). doi: 10.1093/jiel/jgv027

17 Valeeva Je.N. Pravila Vsemirnoj Torgovoj Organizacii i protekcionizm v oblasti vozobnovljaemyh istochnikov jenergii [World Trade Organization Rules and Protectionism in the Field of Renewable Energy], *Torgovaja politika [Trade policy]*, 2/10, 19-44 (2017). [in Russian].

18 Soglashenie VTO po svjazannym s torgovlej investicionnym meram ot 15 aprelja 1994 goda [WTO Trade related investment measures Agreement dated 15.04.1994]. Available at: www.wto.ru/ru/content/documents/docs/torginvmer.doc+&cd=2&hl=ru&ct=clnk&gl=kz (accessed 11.12.2019)

19 Soglashenie po subsidijam i kompensacionnym meram VTO ot 15 aprelja 1994 goda [WTO Agreement on subsidies and countervailing measures of the of April 15, 1994]. Available at: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30253958#pos=0;36 (accessed 11.12.2019)

20 WTO Appellate Body Report WT/DS412/AB/R Canada – Certain Measures affecting the renewable energy generation sector, WT/DS426/AB/R Canada — Measures related to the Feed-in Tariff Program. 15 February 2013. Available at: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/412_426abr_a_e.pdf (accessed 12.12.2019)

21 Chipko A.V. Pravila Vsemirnoj Torgovoj Organizacii po predostavleniju subsidij i podderzhke vozobnovljaemyh istochnikov jenergii [World Trade Organization Rules for Subsidies and Support for Renewable Energy], *Naukovij visnik Hersons'kogo derzhavnogo universitetu. Serija Juridichni nauki [Scientific Bulletin of Kherson State University. Legal Sciences Series]*, Issue 1, 4, 147-149 (2016) [in Russian]

22 Communication from Canada: Canada – Certain measures affecting the renewable energy generation sector. Available at: [https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/FE_Search/FE_S_S006.aspx?Query=\(@Symbol=%20wt/ds412/*\)&Language=ENGLISH&Context=FomerScriptedSear](https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/FE_Search/FE_S_S006.aspx?Query=(@Symbol=%20wt/ds412/*)&Language=ENGLISH&Context=FomerScriptedSear)

ch&languageUIChanged=true# (accessed 12.12.2019)

23 Solntsev A.M. *Izmenenie klimata: mezhdunarodno-pravovoe izmerenie* [Climate change: the international legal dimension], *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava* [Moscow Journal of International Law], 1, 60-78 (2018). doi: 10.24833/0869-0049-2018-1-60-78. [in Russian]

24 *General'noe soglasenie po tarifam i trgovli 1947 goda* [General Agreement on Tariffs and Trade of 1947]. Available at: www.wto.ru/ru/content/documents/docs/gatt47ru.doc (accessed 12.12.2019)

25 Asmelash H.B. *Energy Subsidies and WTO Dispute Settlement: Why Only Renewable Energy Subsidies Are Challenged*, *Journal of International Economic Law*, Vol. 18, 261-285 (2015). doi: 10.1093/jiel/jgv024

26 *China's National Solar Subsidy Programs*. Available at: <https://sites.google.com/site/chinapolicyinfocus/china-s-solar-subsidy-programs/china-s-solar-industry/china-s-national-solar-subsidy-programs> (accessed 29.03.2019)

27 Shadikhodjaev S. *Renewable Energy and Government Support: Time to "Green" the SCM Agreement?* *World Trade Review*, Vol. 14 (03), 479–506 (2014). doi:10.1017/s1474745614000317

28 *United States - Countervailing Duty Measures on Certain Products from China - AB-2014-8 - Report of the Appellate Body*, 18 December, 2014. Available at: [https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/FE_Search/FE_S_S006.aspx?Query=\(@Symbol=%20wt/ds437/ab/r*%20not%20rw*\)&Language=ENGLISH&Context=FomerScriptedSearch&languageUIChanged=true#](https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/FE_Search/FE_S_S006.aspx?Query=(@Symbol=%20wt/ds437/ab/r*%20not%20rw*)&Language=ENGLISH&Context=FomerScriptedSearch&languageUIChanged=true#) (accessed 12.12.2019)

29 *Summary of key Panel/AB findings US — Countervailing duty measures (DS437)*. Available at: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/1pagesum_e/ds437sum_e.pdf (accessed 18.04.2019)

30 *Jawaharlal Nehru National Solar Mission Towards Building Solar India*. Available at: https://mnre.gov.in/sites/default/files/uploads/mission_document_JNNSM.pdf (accessed 19.12.2019)

31 Ghori U. 'Reverse Permissibility' in Renewable Energy Sector: Going beyond the US-India Solar Cells Dispute, *Asian Journal of International Law*, Vol. 8, Issue 2, 322-349 (2018). doi: 10.1017/S204425131600028X

32 *Oficial'nyj sajt Ministerstva po novym i vozobnovljaemym istochnikam jenergii Indii* [Official website of the Ministry of New and Renewable Energy of India]. Available at: <https://mnre.gov.in/> (accessed 12.12.2019)

33 *Appellate Body report and Panel report India - Certain Measures Relating to Solar Cells and Solar Modules. Action by the Dispute Settlement Body. WTO/DS456/13*. Available at: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/456abr_e.pdf (accessed 12.12.2019)

34 Gracia Marín Durán. *Sheltering government support to 'green' electricity: the European Union and the World Trade Organization*, *International & Comparative Law Quarterly*, Vol. 67, Issue 1, 129-165 (2018). doi: 10.1017/S0020589317000537

35 Amelia Porges, Thomas Brewer. *Climate Change and a Renewable Energy Scale-Up: Responding to Challenges Posed to the WTO, Clean Energy Technologies and the Trade System. Proposals and Analysis / E15 Expert Group on Clean Energy Technologies and the Trade System*. Available at: <http://e15initiative.org/publications/does-it-fit-an-assessment-of-the-effectiveness-of-renewable-energy-measures-and-of-the-implications-of-the-canada-renewable-energyfit-disputes/> (accessed 18.11.2019); Thijs van de Graaf, Harro van Asselt. *Introduction to the special issue: energy subsidies at the intersection of climate, energy, and trade governance*, *International Environmental Agreements*, Vol. 17, 313- 326 (2017). doi: 10.1007/s10784-017-9359-8; Kati Kulovesi. *International Trade Disputes on Renewable Energy: Testing Ground for the Mutual Supportiveness of WTO Law and Climate Change Law*, *Review of European, Comparative & International Environmental Law*, Vol. 23 (3), 342–353 (2014). doi:10.1111/reel.12092; Gracia Marín Durán. *Sheltering government support to 'green' electricity: the European Union and the*

World Trade Organization, *International & Comparative Law Quarterly*, Vol. 67, Issue 1, 129-165 (2018). doi: 10.1017/S0020589317000537; Patrice Bougette, Christophe Charlier. Renewable energy, subsidies, and the WTO: Where has the “green” gone?, *Energy Economics*, Vol. 51, 407-416 (2015).

36 Aaron Cosbey. Renewable energy subsidies and the WTO: The wrong law and the wrong venue. Available at: <https://www.iisd.org/gsi/subsidy-watch-blog/renewable-energy-subsidies-and-wto-wrong-law-and-wrong-venue> (accessed 04.02.2020)

37 Joanna I. Lewis. Emerging conflicts in renewable energy policy and International trade law. World Renewable Energy Forum 2012, Denver, CO, May 13-17, 2012. Available at: https://ases.conference-services.net/resources/252/2859/pdf/SOLAR2012_0724_full%20paper.pdf (accessed 04.02.2020)

38 International Energy Agency World Energy Investment 2018. Executive summary. Available at: <https://webstore.iea.org/download/summary/1242?fileName=English-WEI-2018-ES.pdf> (accessed 04.02.2020)

Сведения об авторах:

Акшалова Р.Д. – докторант кафедры международного права юридического факультета, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, ул. Сатпаева, 2, Нур-Султан, Казахстан.

Әбдірайым Б.Ж. – доктор юридических наук, профессор кафедры международного права ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, Почетный академик НАН РК, академик Академии юридических наук РК, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, ул. Сатпаева 2, Нур-Султан, Казахстан. .

Солнцев А.М. – кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой международного права, Российский университет дружбы народов, ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия.

Akshalova R.D. – PhD student of the International Law Department at Law Faculty, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Satpayev str. 2, Astana, Kazakhstan.

Abdiraiym B.Zh. – Doctor of Law, Professor of the Department of International Law of L.N. Gumilyov Eurasian National University, Honorary Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Academician of the Academy of Law Sciences of the Republic of Kazakhstan, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Satpayev str. 2, Nur-Sultan, Kazakhstan.

Solntsev A.M. – Candidate of legal sciences, associate Professor, Deputy head of the Department of international law, Peoples’ friendship university of Russia, Miklukho-Maklay str. 6, Moscow, Russia.

IRSTI 10.87.27

Zh. I. Ibragimov¹, T.S. Assanova²

¹*L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan*

²*KATCO Kazakh-French Joint Venture, LLP, Nur-Sultan, Kazakhstan*

(E-mail: zhamaladen@mail.ru, tleules_a@mail.ru)

International law of refugees - a subset of international human rights law

Abstract. International refugee law is concerned with refugee status through the framework and limits of the 1951 Refugee Convention, it is nevertheless strongly interrelated with international human rights law. Whilst application of human rights can be enjoyed by every human being, the benefits of refugee status are dependent on the predicament of persons need protection as based on the five grounds expressed in the definition of a refugee. The proliferation of the number of cases are going through the human rights courts, inevitably, had an impact on the application of the 1951 Refugee Convention through extending the definition of a refugee as an interpretation of its provisions. Therefore, the complementary and supplementary functions of international human rights law create the basis for full implementation of international refugee law. Although these two branches of international law are distinct from each other, both have common ground in terms of the protection of human beings, though through their own distinct approaches. It appears that the acceptance of refugee law within the basis of human rights law is as a subset of the latter, but with that the provision of the specific protection of refugees as a 'first aid' in some senses.

Key words: international refugee law, international human rights law, non-refoulement, definition of refugee.

DOI:<https://doi.org/10.32523/2616-6844-2019-129-4-131-145>

Introduction. International refugee law and international human rights law, as two branches of international law, provide both similar and different regimes of protection for their subjects. On the one hand, with the intention to grant refugee status and protect refugee rights under the Convention relating to the Status of Refugees (1951 Refugee Convention) [1], the scope of international refugee law it is quite specific. International human rights law, on other hand, by providing broad principles of protection in way that refugee law cannot, serves asylum seekers and displaced people as well as refugees. [2] The close relation of the two regimes of refugee and human rights is evident, though each remains distinct. This is because of the specific rights provided by international refugee law, which is a primary source of the protection of refugees based on their special character.[3] Although international refugee law and international human rights law retain their own conventional autonomy, the former's operates as a subset of the latter due to the latter dealing with the broad field of human rights law.[4] In light of these views, this paper will argue that international refugee law is a special branch of international law, providing protection for its special subjects, refugees, and that it exists within the framework of human rights law both inherently and effectively. Thus, this paper will support opinions and perspectives stating that international refugee law is a one part, or a subset, of international human rights law.

To this end, this paper will be divided into five sections of analysis. First, two parameters of protection will be examined: the definition of 'refugee' and the principle of non-refoulement, in the first and second parts of this essay, respectively, where the impact of human rights on the 1951 Refugee Convention will be seen through the ambivalent relationship between the two branches of law. The third section will be devoted to the consideration of the 1951 Refugee Convention as a human rights treaty, whereas the fourth section will analyse international human rights law treaties as the fundamental basis of refugee protection. Finally, the intertwined relationship of both branches will be discussed in the last section of the paper.

Definition of refugee. The 1951 Refugee Convention and 1967 additional Protocol Relating

to the Status of Refugees (1967 Refugee Protocol) [5] provide protection through refugee status. The definition of a refugee provided in Article 1A(2) of the 1951 Refugee Convention is that of anyone who is outside their country of origin ‘owing to well-founded fear of being persecuted for reasons of race, religion, nationality, membership of a particular social group or political opinion’. [1] The highly selective approach taken by the 1951 Refugee Convention shows its narrow and specific application. Nevertheless, some regional instruments have expanded this definition to cover persons fleeing armed conflicts, massive or systematic human rights violations, or serious public order disturbances. [6]

The selectivity of the definition of refugee is constituted by distinct levels of requirements, namely the clauses of inclusion, exclusion and cessation. [4] The inclusion clause is provided by Article 1A(2) of the 1951 Refugee Convention, which defines the status of refugee through meeting the following four requirements: first, having a well-founded fear of persecution; second, grounds for such a fear of persecution is linked to five grounds, namely those of race, religion, nationality, membership of a particular social group or political opinion; third, being outside their country of nationality; and, finally, being unable to return to their country of origin or fearing to return. [7] However, an exclusion to covering forced migration due to the selective nature of the definition of refugee was premediated. [4]

Furthermore, selective protection, as an essential characteristic of the 1951 Refugee Convention, is reinforced by the exclusion clauses. There are two distinct sets of exclusion circumstances, even in the instance that the requirements of Article 1A(2) have been met. Firstly, if the individual(s) in question are already benefiting from other means of protection, whether international, national or UN protection (Article 1D), or by Article 1E where the individual(s) possess the rights and obligations attached to the nationality of the host country. Another clause, Article 1F, reinforces the selectiveness of the definition of refugee in cases of serious crime (against peace and humanity, war crimes, serious non-political crimes and acts contrary to the purposes and principles of the UN). In addition, Article 1C enumerates the cessation clauses that reassert the dual feature of refugee status, those of its surrogate nature and selective protection. Therefore, the temporary protection of refugee status is terminated as soon as the justification for protection is no longer required. [4]

However, neither the 1951 Refugee Convention nor other international instruments define the notion of persecution. The various attempts to formulate the definition of this term have met with very little success. [8] Goodwin-Gill and McAdam stated that persecution may include torture, cruel, inhuman or degrading treatment, or punishment out of proportion to the offence committed. [9] Foster claimed that violations of economic, social and cultural rights may also amount to persecution. [10] A systematic approach to defining persecution was proposed by Hathaway with a model of categorisation of human rights violations according to the nature of the rights (included in the International Covenant on Civil and Political Rights (ICCPR) as being non-derogable or derogable civil and political rights, economic, social and cultural rights that are recognised in the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights (ICESCR), and rights only included in the Universal Declaration of Human Rights (UDHR)). While a violation of rights included in the UDHR does not suffice to amounting to persecution, the violation of non-derogable rights will always constitute persecution. [11]

Nevertheless, Edwards claims that keeping the definition of persecution open allows the refugee protection regime to accommodate both human rights violations of sufficient severity and serious harms that are not yet considered human rights violations but which nevertheless threaten an individual’s life or freedom. [12] Therefore, the definition of refugee with its pivotal aspects of persecution and grounds listed as constituting such are the subject of court judgments and various interpretations. For instance, sexual and gender-based violence against women and girls as a serious harm that has been increasingly recognised as a form of persecution, such as in

the cases of *Islam (A.P.) v. Secretary of State for the Home Department, Regina v. Immigration Appeal Tribunal and Another Ex Parte Shah (A.P.)*, where it was stated that, as a group, women were discriminated against and left unprotected by the Pakistani government [13]; a further example is that of *Minister for Immigration and Multicultural Affairs v. Khawar*, where the High Court of Australia stated that domestic violence against women and their complaints were not investigated by Pakistani authorities who systematically failed to lay charges.[14] Both cases accepted that domestic violence constituted a form of persecution in the context of Pakistan because of the absence of state protection. Furthermore, in the case of *Canada v. Ward*, the court stated that persecution is any situation in which ‘the state is not in strictness an accomplice to the persecution but is simply unable to protect its citizens’. [15] *Horvath v. Secretary of State for the Home Department* case stated that ‘the word «persecution» implies a failure by the state to make protection available against the ill-treatment or violence which the person suffers at the hands of his persecutors’. [16] Nevertheless, acts of persecution, as well as the reasons for such, are detailed in various regional frameworks, such as the European Union Qualification Directive (Articles 9-10). [17]

While persecution is one of key notions in the definition of refugee, the second pivotal notion of this definition are the ‘grounds’ on which an individual is at risk of being persecuted, namely ‘race, religion, nationality, membership of particular social group or political opinion’. These five grounds of persecution provide a link to, and affiliation with, the human rights of freedom of thought, opinion and expression and the principle of non-discrimination. [4] Nonetheless, whilst the other four grounds are fairly clear, the most flexible, albeit least understood, ground is that of ‘membership of particular social group’, which has found, in different cases, a particularly wide interpretation. Therefore, Edwards stated that the scope of refugee protection has been expanded through the interpretation of the social group ground, which has slowly become more aligned with other proscribed grounds of discrimination under international human rights law. Cases such as *Islam (A.P.) v. Secretary of State for the Home Department, Regina v. Immigration Appeal Tribunal and Another Ex Parte Shah (A.P.)* and *Minister for Immigration and Multicultural Affairs v. Khawar* have all been successful under the context of ‘membership of a particular social group’, including those based on age, gender, sexual orientation, and family membership, as well as those involving child soldiers and victims of trafficking. This has allowed, for instance, female victims of domestic violence, or those subjected to female genital mutilation, or forced marriage, to be granted refugee status and protection. [3]

Under the 1951 Refugee Convention, recognition as a refugee is declarative, as emphasised by the United Nations High Commissioner for Refugees (UNHCR), who stated that an individual is ‘a refugee ... as soon as he fulfils the criteria ... recognition of his refugee status does not ... make him a refugee but declares him to be one’. [18] Therefore, the process of determination of refugee status is significant in that it requires the provision of evidence and prove various facts. In this case, the European Court of Human Rights (ECtHR) have had several judgments regarding the implications of the standards of proof, the sources of evidence and the risk assessment in situations of refugee protection. For instance, the ECtHR in the *M.S.S. v. Belgium and Greece* case stated that ‘the applicant should not be expected to bear the entire burden of proof’ because the Belgian authorities were already aware of the general situation of the treatment of asylum seekers in Greece. [19] Moreover, the Court confirmed in the *Hirsi et al v. Italy* case that requiring evidence of an individualised threat regarding treatment was contrary to Article 3, and that information reported by independent sources might suffice to make the evidence ‘sufficiently real and probable’ that the situation in a particular country is sufficiently risky that the individual is not required to return. [20] The reiteration of this position by the Court can be seen in the *Rustamov v. Russia* case where the Court noted specifically that ‘requesting an applicant to produce “indisputable” evidence of a risk of ill-treatment ... would be tantamount to asking ... to prove the existence of

a future event, which is impossible, ... [it] would place a clearly disproportionate burden on him'. [21] However, Goodwin-Gill claims that whilst it appears to be for the benefit of asylum seekers and refugees, it is challenging to actually fit this jurisprudence into the procedural context for the determination of refugee status. [22]

It appears that as the definition of refugee as a determination of refugee status is not fixed, mostly due to the evolvement of human right court cases through the intermingling of refugee law and human rights law. Although these two regimes work in tandem, they have overlapping common ground in the principle of *non-refoulement*, which will be examined in the next section.

Principle of *non-refoulement* as an international customary law rule and human right.

One of the most significant provisions of the 1951 Refugee Convention is the *non-refoulement* principle. [23] The 1951 Refugee Convention provides protection for refugees according to the exhaustive list of reasons given in Article 33, stating that a refugee will not be expelled or returned 'in any manner whatsoever' to a location where he or she would face threats to his or her life or freedom 'on account of his race, religion, nationality, membership of a particular social group or political opinion'. [1] There are not situations that considered to be relevant to the majority of refugees. Facing unforeseen situations of international and non-international armed conflicts, civil wars, manmade and natural disasters, grave human rights violations and others are required consideration of status when people flee such situations. Therefore, the gap in the existing law is addressed through use of the principle of *non-refoulement*. [24]

In addition, there is an overlap between the refugee *non-refoulement* norm and the prohibition on return under international human rights law. Therefore, this principle provides for the prohibition of the expulsion or return of a person regardless of granting of refugee status or otherwise, as well as of persons for whom there are substantial grounds that they would be in danger of being subjected to torture as is set in the 1984 Convention against Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (Convention against Torture). Article 3(1) of the Convention against Torture incorporates the principle *non-refoulement* and provides that a person will not be expelled, returned or extradited 'to another State where there are substantial grounds for believing that he would be in danger of being subjected to torture'. [25] It appears that the principle of *non-refoulement* is also intertwined with other human rights frameworks.

Furthermore, explicit or implicit implementation of the *non-refoulement* principle is incorporated in various international conventions. For instance, the 1949 Geneva Convention (IV) relative to the Protection of Civilian Persons in Time of War in its Article 45 states that a person will not be transferred 'in no circumstances ... to a country where he or she may have reason to fear persecution for his or her political opinions or religious belief.' [26] In addition, Article 7 of the ICCPR states that nobody will be subjected to torture or to cruel, inhuman or degrading treatment or punishment' [27], both of them give the implication of principle of prohibition of *refoulement*. [28]

Various regional human rights frameworks also include the principle of *non-refoulement*; for instance, the 1950 European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (European Convention on Human Rights), [29] the Asian-African Legal Consultative Committee in its Principles Concerning Treatment of Refugees (Article III (3)), [30] Article II (3) of Convention Governing the Specific Aspects of Refugee Problems in Africa (OAU Refugee Convention), [6] Article 22(8) of the 1969 American Convention on Human Rights (ACHR), [31] the 1981 African Charter on Human and People's Rights (ACHPR) in its Article 12(3) [32] and the 1984 Cartagena Declaration on Refugees which declared the principle of *non-refoulement* as a 'cornerstone of the international protection of refugees' and further stated the necessity to acknowledge *non-refoulement* as *jus cogens*. [33]

Such common grounds of protection between the two branches of law have helped strengthen

and reaffirm the prohibition of *refoulement* of asylum-seekers and refugees through the human rights courts. For instance, the European Court of Human Rights in *Soering v. United Kingdom* stated that ‘... the decision ... to extradite ... give rise to an issue under Article 3 ... where substantial grounds have been shown for believing that the person ... if extradited, faces a real risk of ... torture or inhuman or degrading treatment or punishment’. [34] In addition, in another case, *Hirsi Jamaa and Others v. Italy*, for example, the ECtHR determined that the Italian ‘push-back’ policy, or the interception of asylum seekers in the Mediterranean Sea and returning them to Libya, in this case of 11 Somalian and 13 Eritrean nationals, was unlawful, and in violation of Italy’s obligations under Articles 3 ‘Prohibition of torture’ and 13 ‘Right to an effective remedy’ of the European Convention on Human Rights, Article 4 of Protocol No. 4, the ‘Prohibition of collective expulsion of aliens’. Therefore, the ECtHR stated that ‘Italy is not exempt from complying with its obligations under Article 3 ... because the applicants failed to ask for asylum or to describe the risks faced as a result of the lack of an asylum system in Libya’. [20, para 157]

However, application of Article 33 of the 1951 Refugee Convention is limited to refugees who are outside of their country of nationality, and hence the status of those who have not yet left their country of origin does not fall under Article 33 of the 1951 Refugee Convention. As a result, protection cannot be claimed in such an instance under the *non-refoulement* provision. [35] Despite this, asylum seekers and recognised refugees are equally covered by application of the principle of *non-refoulement*, provided that they are under the jurisdiction of a concerned state. In addition, contrary to other provisions of the 1951 Refugee Convention, this norm is independent from of the means of their presence, meaning that Article 33 applies regardless of legal or illegal entry into the territory a state. [4] Hathaway argues that implementation of Article 33 by states which requires the principle of non-refoulement be respected, and thus implies a *de facto* duty to admit the refugee. [36] However, this is not an absolute duty because the exceptions provided by Article 33(2) do not give the benefits of the *non-refoulement* principle for a refugee that represents a danger to the host country’s security, or the community of that country, through conviction of a serious crime. [1] Nonetheless, the Court in *Attorney General v. Zaoui* stated that ‘exception must be interpreted restrictively’ and ‘the danger to security must be serious enough to justify frustrating the whole purpose of the Refugee Convention by sending a person back to persecution’. [37] Therefore, Chetail states that operation of the principle of *non-refoulement* has to reconcile two competing values. While on the one hand it is compromised by states’ right to control access to their territory, such authoritative protection can threaten the lives and freedoms of refugees on the other. [4]

Despite the fact that non-derogation is part of the 1951 Refugee Convention according to its Article 42 [1], Farmer argued that this is further supported by the fundamental nature of the *non-refoulement* principle. [38] However, Hannkainen argues that the exceptions contained in Article 33(2) of the 1951 Refugee Convention create the ‘room’ for derogation in attaining the *jus cogens* status of the *non-refoulement* principle. [39] Similarly, Schabas believes that arguments regarding the principle of non-refoulement reaching *jus cogens* status are not convincing. [40] Nonetheless, Orakhelashvili states that given the non-derogable description of any human rights convention as evidence provides it as a *jus cogens* rule. [41] This view was supported by the UNHCR Executive Committee, stating that of not being a subject for derogation of the principle of *non-refoulement*. [42] Lauterpacht and Bethlehem stated that *non-refoulement* is a principle of customary international law. [43]

To summarise, in light of the above-mentioned discussion and cases, it is important to note two main distinctions in the principle of non-refoulement between international refugee law and international human rights law. First, in the former, refugees are protected against return where a threat to life, or freedom, or other human rights violations or serious harm amounting to persecution exists; in the latter, all individuals are protected against return in any instance of a

range of potential rights violations, the scope of which is under development, but at a minimum, where torture or other forms of inhuman or degrading treatment exist. Second, the 1951 Refugee Convention permits lawful *refoulement* in specific circumstances, whereas as a human right *non-refoulement* is an absolute. [3]

Refugee Convention as a specific treaty of human rights. The preamble of the 1951 Refugee Convention states that the Convention is enacted in the context of the fact that ‘... human beings shall enjoy fundamental rights and freedoms without discrimination’. [1] As a starting point, the 1951 Refugee Convention with its human rights principles created a new regime of protection through revising, consolidating and extending previous conventions. [44] Sternberg states that the reference to the Universal Declaration of Human Rights (UDHR) in the Preamble of the 1951 Refugee Convention gives an indication of the tandem development of the definition of refugee and human rights principles. [45] Lauterpacht and Bethlehem stated that the human rights law is ‘an essential part of [of the 1951 Refugee Convention] framework’. [56, 75 p.] Therefore, Hathaway argues that the 1951 Refugee Convention should be considered as ‘part and parcel of international human rights law’ and thus a refugee law is ‘a remedial or palliative branch of human rights law’. [36, 4-5 p.] Edwards argued that the 1951 Refugee Convention is a human rights instrument with the particular scope for the protection of the rights of a specific category of protected person, namely the refugee. Nevertheless, the 1951 Refugee Convention is the ‘floor’, though not the ‘ceiling’, for the rights of refugees. [3]

In addition, adoption of the 1951 Refugee Convention soon after the UDHR and explicit proclamation of human rights commitments in its preamble show the intention to contribute to the UN’s aims and principles regarding the advancement of human rights. [46] The UN Charter in Articles 1(3) and 55 declare its aim through ‘promoting and encouraging respect for human rights and for fundamental freedoms for all’ [47] and ‘universal respect for and observance of human rights and fundamental freedoms for all’, [47] respectively. Therefore, the 1951 Refugee Convention, as applies to a specific category of individuals, was the first human rights framework, though the drafters of the 1951 Convention anticipated that subsequent treaties would provide additional protection. [46]

Hathaway argued that international human rights law and the 1951 Refugee Convention are both primary sources of refugees’ rights. The 1951 Refugee Convention was specifically designed to satisfy refugees’ needs, though the evolution and development of international human rights law is also useful [36]. Whilst Edwards claimed that international refugee law, i.e., the 1951 Refugee Convention, is a rights-granting instrument which is informed by human rights standards [3], Goodwin-Gill argued that the 1951 Refugee Convention is a scheme of obligations between states parties, and a refugee can benefit from the fulfilment of those duties. Thus, the 1951 Refugee Convention is a duty-driven framework, rather than human rights-based one. [48]

Nevertheless, Chetail states that in framing the refugee rights regime, the historical normative context played a significant and decisive role at the time when the 1951 Refugee Convention was drafted. Therefore, the emergence of refugee status was as a ‘hybrid’ with the provision of minimum standards for aliens and fundamental rights within the new subset of international human rights law, as underlined in the 1951 Refugee Convention’s preamble. The ultimate objective and the *raison d’être* of the 1951 Refugee Convention is in providing for refugees the ‘exercise of ... fundamental rights and freedoms’. [4]

In the light of the arguments of scholars and the various views as to its interpretation, it appears that the 1951 Refugee Convention contains the main definitions and provisions, such as the principle of non-discrimination (Article 3), the principle of *non-refoulement* (Article 33), a guarantee of non-penalisation (Article 31) as well as the widest possible exercise of fundamental rights, provides for considerable protection of the rights of refugee, though it should be noted that this provision does not extend to a full range of rights. Therefore, Ziegler stated that the ‘legal

space' of the 1951 Refugee Convention was made by the drafters in order to expand refugee protection through subsequent human rights treaties, which implies the human rights instrument character of the 1951 Refugee Convention. [46]

International human rights law treaties as a fundamental basis for refugee protection.

In order to provide protection to individuals who fall outside the scope of the definition of refugee under Article 1A(2) of the 1951 Refugee Convention, the protection of such people is considered by complementary protection as a matter of international law. The term 'complementary protection' describes states' protection as complements and supplements the 1951 Refugee Convention through their obligations that arise from international legal instruments such as treaties and customs. The scope of the principle of *non-refoulement* under international law is widened by the effect of complementary protection. [49] Through this, the prohibition on *refoulement* may be explicit or implicit. While Article 3 of the Convention against Torture [25] expressly prohibits torture, interpretations of the provisions of Article 3 of the ECHR [29] and Article 7 of the ICCPR [27] by the European Court of Human Rights and the UN Human Rights Committee in the cases *Soering v. UK* [34] and *Chahal v. UK* [50] preclude the removal of individuals when there is a real risk of them being exposed to harm. However, Schabas argues that complementary protection through the human rights regime becomes superfluous, and takes over the 1951 Refugee Convention [51], even though it is not only about the principle of *non-refoulement* but extending the definition of refugee and the definition of refugee status. Therefore, scholars such as Wachenfeld and Christensen stated that the 1951 Refugee Convention is eclipsed by human rights covenants, even in such areas of equal treatment. [52] Following this view, Maluwa asserted that the features of international human rights law were considerably more extensive than those of refugee law with its specific tenets because the latter, in essence, is a subset of human rights. [53]

Furthermore, the ICCPR plays an essential role in the process of reinforcement and supplementing refugee status. Although the 1951 Refugee Convention contains the civil and political rights of refugees, such as non-discrimination, freedom of religion, freedom of association, freedom of movement, and access to court, they are, however, fairly limited. Moreover, rights such as the right to family unity and the right to return are not guaranteed by the 1951 Refugee Convention, even though they are considered to be particularly critical to refugees. [4] Therefore, the HRC in its General Comments expressly emphasised the availability of the rights in Covenants for all individuals and limitless of enjoyment of rights regardless of nationality or status (being an asylum seeker or a refugee). [54] For instance, the *Ngambi v. France* case, where Mr. Benjamin Ngambi, of Cameroonian origin with refugee status in France, and Ms. Marie-Louise Nébol, of Cameroonian nationality and resident in Douala, Cameroon, claimed as to violations by France of Articles 17 and 23 of the ICCPR. In such cases, the HRC stated that the necessity of interpretation of the ICCPR's provision in a broader sense, and pointed out that 'Article 23 of the Covenant guarantees the protection of family life including the interest in family reunification' [55] and the prevention of the separation of family members for different reasons, such political or economic. [56]

Relationship between international refugee law and international human rights law.

Both international refugee law and international human rights law share common roots, arising from the grave consequences of World War II in terms of persecution and the number of people seeking safe locations across international frontiers. Being displaced or fleeing due to human rights abuses means that refugee rights are undoubtedly interrelated with human rights. However, the response of each body of law is different, albeit interrelated; while human rights law aims to ensure the prevention and avoidance of such violations through creating a global regime of fundamental rights, responding to the displacement of people whose rights have been violated is in the competence of refugee law. Thus, functions of these regimes are complementary, yet distinct. [3]

McAdam stated that refugee status, as set out in the 1951 Refugee Convention, is reinforced and improved through the extensive body of universal human rights law. Although human rights law plays a role in enhancing and extending refugee rights, refugee status is only actually created via the 1951 Refugee Convention's mechanism attached with no derogation. McAdam went further, indicating the inadequacy of international human rights law in its own function in providing for the protection of individuals and their entitlements at the national level. [44]

Although many international human rights conventions have been adopted since the conclusion of the Refugee Convention, international human rights law is broad in the sense of its application and conclusions regarding the fundamental rights of all human beings. The intersection of international human rights law and refugee law, Edwards points out, occurs in at least three main ways, such as causes of fleeing serious human rights violations, basis of human rights standards for granting refugee status and entitlement of benefits of general human rights regime. [3]

The contrast between international refugee law and international human rights is possibly overlapped, as it is evident that the former remains a secure part of the broader field of the latter. [57] However, it is also true that international human rights law can strengthen the refugee protection architecture by effectively filling the latter's gaps. [3] As Goodwin-Gill and McAdam claim, 'refugee law is an incomplete legal regime of protection, imperfectly covering what ought to be a situation of exception'. [9]

Chetail states that the 1951 Refugee Convention, while being a human rights instrument, is the primary tool for refugee protection. Chetail further claimed that human rights law should be the primary source of refugee rights rather than the reverse, asserting that human rights law is broadly eclipsed by the protections in the 1951 Refugee Convention. [4] Nevertheless, contrary to such a positive focus on human rights law, Edwards argues that the range of rights are tailored to the specific circumstances of refugees in the 1951 Refugee Convention, such as exemption from the usual requirements regarding length of stay within its description of enjoyment of rights (Article 6), continuity of lawful residence (Article 10), refugee seamen (Article 11), movable and immovable property (Article 13), recognition of foreign diplomas (Article 19), welfare rights (Articles 20 to 24), special administrative assistance (Article 25), travel documents (Article 28), exemption from fiscal charges (Article 29), transfer of assets (Article 30), non-penalisation for illegal entry or stay (Article 31) and naturalisation (Article 34), despite the fact that such rights do not find any expression in human rights instruments. [3]

The relationship between both regimes can be seen from the perspective of dispute settlement. While Article 38 of the Refugee Convention refers to the International Court of Justice for the any issues arising between parties regarding its interpretation or application which, however, was never invoked by any state party of the 1951 Refugee Convention, [4] it can be seen that this process can rather be settled through the Human Rights adjudicative bodies. It is evident from the blurred borders of these two that they represent are intimately interdependent branches of law. Whether the weakness of refugee law needs to be strengthened, or its flexibility allows legal gaps to be filled, it is clear from the given practices that both regimes of protection, in principle and in practice, undoubtedly work to supplement each other, and work in tandem.

Conclusion. In conclusion, given that international refugee law is concerned with refugee status through the framework and limits of the 1951 Refugee Convention, it is nevertheless strongly interrelated with international human rights law. The tangible difference between the international human rights law and international refugee law is evident in the scope of these two branches of law. Whilst application of human rights can be enjoyed by every human being, the benefits of refugee status are dependent on the predicament of persons needing protection as based on the five grounds expressed in the definition of a refugee. Nevertheless, the proliferation of the number of cases going through the human rights courts have, inevitably, had an impact on the application of

the 1951 Refugee Convention through extending the definition of a refugee as an interpretation of its provisions. Therefore, it appears that the complementary and supplementary functions of international human rights law create the basis for full implementation of international refugee law.

In addition, the existence of the principle of *non-refoulement* represents common ground for protection, as in refugee law as in human rights frameworks. Nevertheless, human rights law has had a significant impact on the evolution of the *non-refoulement* principle, which has been expressly endorsed in many important human rights frameworks, at both the universal and regional levels. Thus, this reinforces and consolidates the refugee law's cornerstone as common ground for protection. Therefore, stating that the 1951 Refugee Convention is not a human rights treaty is rather ironic because of its duty-driven characteristics, rather than being a right-based framework. [4]

Although these two branches of international law are distinct from each other, both have common ground in terms of the protection of human beings, though through their own distinct approaches. Despite this, it is hard to imagine the separate operation of refugee law due to its specific nature regarding the protection of refugees. Therefore, it appears that the acceptance of refugee law within the basis of human rights law is as a subset of the latter, but with that the provision of the specific protection of refugees as a 'first aid' in some senses, though this does depend on from which perspective one considers the protection and rights of refugees.

References

- 1 Convention relating to the Status of Refugees, 28 July 1951.
- 2 Helton A.C. The Role of Refugee, Humanitarian and Human Rights Law in Planning for the Repatriation of Kampuchean Asylum Seekers in Thailand // International Journal of Refugee Law. – 1991. -Vol. 3. № 3 - P. 547-563.
- 3 Edwards A. International Refugee Law// in Moeckli D., Shah S. and Sivakumaran S. (eds) International Human Rights Law. Oxford: Oxford University Press, 2014. -P.513-530.
- 4 Chetail V. Are Refugee Rights Human Rights? An Unorthodox Questioning of the Relations between Refugee Law and Human Rights Law // in Rubio-Marin R. (ed) Human Rights and Immigration. - Oxford: Oxford University Press, 2014. - P.19-72.
- 5 Protocol Relating to the Status of Refugees, 31 January 1967.
- 6 OAU Convention Governing the Specific Aspects of Refugee Problems in Africa, 10 September 1969.
- 7 Parashar A. Human Rights of Refugees // in Islam R. and Bhuiyan J.H. (eds) An Introduction to International Refugee Law. – Brill: Martinus Nijhoff Publishers, 2013. - P.357-378.
- 8 Tsourdi E. (L.) Qualifying for International Protection in the EU: New Understandings of the 1951 Convention and Beyond // in Gauci J.-P., Giuffré M. and Tsourdi E. (L.) (eds) Exploring the Boundaries of Refugee Law. Current Protection Challenges. - Brill Nijhoff, 2015. - P.240-271.
- 9 Goodwin-Gill G.S., McAdam J. The Refugee in International Law. 3rd edn. - Oxford: Oxford University Press, 2007. – 785 p.
- 10 Foster M. International Refugee Law and Socio-Economic Rights: Refugee from Deprivation. - Cambridge: Cambridge University Press, 2007. - 403 p.
- 11 Hathaway J., Foster M. The Law of Refugee Status. – Cambridge: Cambridge University Press, 2014. - 693 p.
- 12 Edwards A. Crossing Legal Borders: The Interface Between Refugee law, Human Rights Law and Humanitarian Law in the “International Protection” of Refugees // in Arnold R. and Quénivet N. (eds) International Humanitarian Law and International Human Rights: Towards a

New Merger in International Law. – Leiden: Martinus Nijhoff, 2008. – 596 p.

13 Islam (A.P.) v. Secretary of State for the Home Department Regina v. Immigration Appeal Tribunal and Another Ex Parte Shah (A.P.) (Conjoined Appeals) [1999] 2 WLR 1015

14 Minister for Immigration and Multicultural Affairs v Khawar [2002] HCA 14.

15 Canada – Attorney General v Ward [1993] 2 SCR 689; (1993) DLR (4th) 1.

16 Horvath v. Secretary of State for the Home Department [2001] 1 AC 489, 497 (Lord Hope of Craighead).

17 Council Directive on Minimum Standards for the Qualification and Status of Third Country Nationals or Stateless Persons as Refugee or as Persons Who Otherwise Need International Protection and the Content of the Protection Granted, 2004/83/EC, 29 April 2004.

18 UNHCR, Handbook and Guidelines on Procedures and Criteria for Determining Refugee Status under the 1951 Convention and the 1967 Protocol Relating to the Status of Refugees, December 2011, 2.

19 M.S.S. v Belgium and Greece, ECtHR, Application No. 30696/09, 21 January 2011.

20 Hirsi Jamaa and others v Italy case, ECtHR, Application No. 27765/09, Judgment, 23 February 2012.

21 Rustamov v Russia, Application No. 11299/10, First Section, 3 July 2012.

22 Goodwin-Gill G.S. Current Challenges in Refugee Law // in Gauci J.-P., Giuffré M. and Tsourdi E. (L.) (eds) Exploring the Boundaries of Refugee Law. Current Protection Challenges. - Brill Nijhoff, 2015. - P.9-28.

23 Bhuiyan J.H. Protection of Refugees Through the Principle of Non-refoulement // in Islam R. and Bhuiyan J.H. (eds) An Introduction to International Refugee Law. - Martinus Nijhoff Publishers, 2013. - P.99-131.

24 Hailbronner K. Non-refoulement and “Humanitarian” Refugees: Customary International Law or Wishful Legal Thinking? // Virginia Journal of International Law. - 1986. -Vol. 26. № 4. - P.858-893.

25 Convention Against Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment, 10 December 1984.

26 Geneva Convention (IV) relative to the Protection of Civilian Persons in Time of War, 12 August 1949.

27 International Covenant on Civil and Political Rights (ICCPR), 16 December 1966.

28 Human Rights Committee, General Comment No. 31 The Nature of the General Legal Obligation Imposed on States Parties to the Covenant, CCPR/C/21/Rev/1/Add/1326 May 2004.

29 European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, 4 November 1950.

30 Report of the Eighth Session of the Asian-African Legal Consultative Committee, Bangkok (8-17 August 1966), 355.

31 American Convention on Human Right, 22 November 1969

32 African Charter on Human and Peoples’ Rights, 26 June 1981.

33 Cartagena Declaration on Refugees, OAS Ser. L/V/II. Doc. 10, rev. 1, 22 November 1984.

34 Case of Soering v the United Kingdom, European Court of Human Rights, Judgment, Application No.14038/88, 7 July 1989.

35 R (European Roma Rights Centre) v Immigration Officer at Prague Airport, 20 May 2003.

36 Hathaway J. The Rights of Refugees under International Law. - Cambridge: Cambridge University Press, 2005. - 1184 p.

37 Attorney General v Zaoui, 2004, Dec. No. CA20/04.

38 Farmer A. Non-refoulement and Jus Cogens: Limiting Anti-Terror Measures That Threaten Refugee Convention // Georgetown Immigration Law Journal. - 2008. -Vol.23. № 1. - P.1-38.

39 Hannkainen L. Peremptory Norms (Jus Cogens) in International Law: Historical Development,

-
- Criteria, Present Status. - Helsinki: Finnish Lawyers' Publi.Co., 1988. - 781 p.
- 40 Schabas W.A. Non-refoulement, Human Rights and International Cooperation in Counter-Terrorism. – Liechtenstein, 2006. – P.15-17.
- 41 Orakhelashvili A. Peremptory Norms in International Law. – Oxford: Oxford University Press, 2006. – 622 p.
- 42 UNHCR Executive Committee Conclusion No. 79, General Conclusion on International Protection, 1996.
- 43 Lauterpacht E. and Bethlehem D. The Scope and Content of the Principle of Non-refoulement: Opinion // in Feller E., Türk V. and Nicholson F. (eds) Refugee Protection in International Law: UNHCR's Global Consultations on International Protection. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. - P.87-177.
- 44 McAdam J. Complementary Protection in International Refugee Law. – Oxford: Oxford University Press, 2011. – 283 p.
- 45 M. R. von Sternberg The Grounds of Refugee Protection in the Context of International Human Rights and Humanitarian Law: Canadian and United States Case Law Compared. – Brill: Martinus Nijhoff Publishers, 2002. - 344 p.
- 46 Ziegler R. Voting Rights of Refugee. - Cambridge: Cambridge University Press, 2017. - 261 p.
- 47 Charter of the United Nations, 24 October 1945.
- 48 Goodwin-Gill G. S. Refugees and Their Rights // RSC Working Paper. – 2004. No. 17.
- 49 Mandal R. Protection Mechanisms outside of the 1951 Convention (“Complementary Protection”) // UNHCR Legal and Protection Policy Research Series, PPLA/2005/02 (June 2005).
- 50 Chal v UK (1996) 23 EHRR 413.
- 51 Schabas W.A. Non-Refoulement // in Expert Workshop on Human Rights and International Cooperation in Counter-Terrorism, ODIHR.GAL/14/07, - 2007.
- 52 Wachenfeld M.G. and Christensen H. Note: An Introduction to Refugees and Human Rights // Nordic Journal of International Law. – 1990. -Vol. 59. № 2. - P.178-185.
- 53 Maluwa T. Human Rights and Refugees in Southern Africa: Some Perspectives on Recent Legislative Developments in Malawi // Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht. – 1993. -Vol. 53. - P.88-111.
- 54 HRC, General Comment No. 31: The Nature of the General Legal Obligation Imposed on States Parties to the Covenant, CCPR/C/21/ Rev.1/add.13 (2004); General Comment No. 15: The Position of Aliens under the Covenant, UN Doc HRI/GEN/1/Rev.1 at 18 (1986).
- 55 Ngambi v. France, CCPR/C/81/D/1179/2003 (2004).
- 56 HRC, General Comment No. 19: Protection of the Family, the Right to Marriage and Equality of the Spouses (Art. 23), UN Doc HRI/GEN/1/Rev. 5 (1990).
- 57 Harvey C. Is Humanity Enough? Refugees, Asylum Seekers and the Rights Regime // in Juss S.S. and Harvey C. (eds) Contemporary Issues in Refugee Law. - Edward Elgar, 2013. - P.68-88.

Ж.И. Ибрагимов, Т.С. Асанова

*Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Нұр-Сұлтан, Қазақстан
Қазақстандық-Француздық «КАТКО» Бірлескен Кәсіпорны, Нұр-Сұлтан,
Қазақстан*

Халықаралық босқындар құқығы - халықаралық адам құқығының ішкі жиынтығы

Аңдатпа. Халықаралық босқындар құқығы босқындар мәртебесіне қатысты 1951 жылғы босқындар туралы конвенцияның шеңбері мен шектерінде болатындығын ескере отырып, бұл халықаралық адам құқықтарымен тығыз байланысты. Адам құқықтарын кез келген адам пайдалана алады, бірақ босқын мәртебесінің артықшылықтары босқынның анықтамасында көрсетілген бес негізге сүйене отырып, қорғауды қажет ететін адамдардың жағдайына байланысты болады. Адам құқықтары жөніндегі соттар арқылы қаралатын істер санының көбеюі, сөзсіз, 1951 жылғы босқындар туралы конвенцияны босқынның ережелерін түсіндіру ретінде кеңейту арқылы қолдануға әсер етті. Осылайша, халықаралық адам құқығы қосымша және қолдаушы функциялары халықаралық босқындар құқығының толық орындалуына негіз жасайды. Халықаралық құқықтың осы екі саласы бір-бірінен ерекшеленсе де, олардың әрқайсысының жеке көзқарастары арқылы адамдарды қорғауға қатысты ортақ тұстары бар. Адам құқықтары заңнамасы негізінде босқындар туралы заңнамасының қабылдануы соңғысының қосындысы болып табылады, бірақ бұл ретте босқындарды белгілі бір мағынада «алғашқы көмек» ретінде қорғауды қамтамасыз ету керек.

Түйін сөздер: Халықаралық босқындар құқығы, халықаралық адам құқықтары, қайтарымыз, босқын анықтамасы.

Ж.И. Ибрагимов, Т.С. Асанова

*Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Нур-Султан,
Казахстан*

*Казахстанско-французское совместное предприятие «КАТКО», Нур-Султан,
Казахстан*

Международное право беженцев - подмножество международного права прав человека

Аннотация. Учитывая, что международное право беженцев касается статуса беженца в рамках и в пределах Конвенции о статусе беженцев 1951 года, оно, тем не менее, тесно связано с международным правом прав человека. Хотя каждый человек может пользоваться правами человека, преимущества статуса беженца зависят от положения лиц, нуждающихся в защите, исходя из пяти оснований, изложенных в определении беженца. Увеличение числа дел, рассматриваемых судами по правам человека, неизбежно повлияло на применение Конвенции о статусе беженцев 1951 года, расширив определение беженца. Таким образом, дополнительные и вспомогательные функции международного права в области прав человека создают основу для полного осуществления международного права беженцев. Хотя эти две ветви международного права отличаются друг от друга, обе имеют общую почву в плане защиты людей, хотя и с помощью своих собственных подходов. Представляется, что принятие закона о беженцах в рамках законодательства о правах человека является подмножеством последнего, но при этом в некоторых смыслах обеспечивается особая защита беженцев в качестве «первой помощи».

Ключевые слова: международное право беженцев, международное право прав человека, невыдачи, определение беженца.

References

- 1 Convention relating to the Status of Refugees, 28 July 1951.
- 2 Helton A.C. The Role of Refugee, Humanitarian and Human Rights Law in Planning for the Repatriation of Kampuchean Asylum Seekers in Thailand, *International Journal of Refugee Law*, 3 (3), 547-563 (1991).
- 3 Edwards A. International Refugee Law, in Moeckli D., Shah S. and Sivakumaran S. (eds) *International Human Rights Law* (Oxford: Oxford University Press, 2014. -pp.513-530).
- 4 Chetail V. Are Refugee Rights Human Rights? An Unorthodox Questioning of the Relations between Refugee Law and Human Rights Law, in Rubio-Marin R. (ed) *Human Rights and Immigration* (Oxford: Oxford University Press, 2014, pp.19-72).
- 5 Protocol Relating to the Status of Refugees, 31 January 1967.
- 6 OAU Convention Governing the Specific Aspects of Refugee Problems in Africa, 10 September 1969.
- 7 Parashar A. Human Rights of Refugees, in Islam R. and Bhuiyan J.H. (eds) *An Introduction to International Refugee Law* (Brill: Martinus Nijhoff Publishers, 2013, pp.357-378).
- 8 Tsourdi E. (L.) Qualifying for International Protection in the EU: New Understandings of the 1951 Convention and Beyond, in Gauci J.-P., Giuffré M. and Tsourdi E. (L.) (eds) *Exploring the Boundaries of Refugee Law. Current Protection Challenges* (Brill Nijhoff, 2015, pp.240-271).
- 9 Goodwin-Gill G.S., McAdam J. *The Refugee in International Law* (3rd edn, Oxford: Oxford University Press, 2007, - 785 p.).
- 10 Foster M. *International Refugee Law and Socio-Economic Rights: Refugee from Deprivation* (Cambridge: Cambridge University Press, 2007, - 403 p.).
- 11 Hathaway J., Foster M. *The Law of Refugee Status* (Cambridge: Cambridge University Press, 2014, - 693 p.).
- 12 Edwards A. Crossing Legal Borders: The Interface Between Refugee law, Human Rights Law and Humanitarian Law in the “International Protection” of Refugees // in Arnold R. and Quéniévet N. (eds) *International Humanitarian Law and International Human Rights: Towards a New Merger in International Law* (Leiden: Martinus Nijhoff, 2008, - pp.596).
- 13 Islam (A.P.) v. Secretary of State for the Home Department Regina v. Immigration Appeal Tribunal and Another Ex Parte Shah (A.P.) (Conjoined Appeals) [1999] 2 WLR 1015
- 14 Minister for Immigration and Multicultural Affairs v Khawar [2002] HCA 14.
- 15 Canada – Attorney General v Ward [1993] 2 SCR 689; (1993) DLR (4th) 1.
- 16 Horvath v. Secretary of State for the Home Department [2001] 1 AC 489, 497 (Lord Hope of Craighead).
- 17 Council Directive on Minimum Standards for the Qualification and Status of Third Country Nationals or Stateless Persons as Refugee or as Persons Who Otherwise Need International Protection and the Content of the Protection Granted, 2004/83/EC, 29 April 2004.
- 18 UNHCR, *Handbook and Guidelines on Procedures and Criteria for Determining Refugee Status under the 1951 Convention and the 1967 Protocol Relating to the Status of Refugees*, December 2011, 2.
- 19 M.S.S. v Belgium and Greece, ECtHR, Application No. 30696/09, 21 January 2011.
- 20 Hirsi Jamaa and others v Italy case, ECtHR, Application No. 27765/09, Judgment, 23 February 2012.
- 21 Rustamov v Russia, Application No. 11299/10, First Section, 3 July 2012.
- 22 Goodwin-Gill G.S. Current Challenges in Refugee Law // in Gauci J.-P., Giuffré M. and Tsourdi E. (L.) (eds) *Exploring the Boundaries of Refugee Law. Current Protection Challenges* (Brill Nijhoff, 2015, - pp.9-28).
- 23 Bhuiyan J.H. Protection of Refugees Through the Principle of Non-refoulement // in Islam

-
-
- R. and Bhuiyan J.H. (eds) *An Introduction to International Refugee Law* (Martinus Nijhoff Publishers, 2013, - pp.99-131).
- 24 Hailbronner K. Non-refoulement and “Humanitarian” Refugees: Customary International Law or Wilful Legal Thinking?, *Virginia Journal of International Law*, 26 (4), P.858-893 (1986).
- 25 Convention Against Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment, 10 December 1984.
- 26 Geneva Convention (IV) relative to the Protection of Civilian Persons in Time of War, 12 August 1949.
- 27 International Covenant on Civil and Political Rights (ICCPR), 16 December 1966.
- 28 Human Rights Committee, General Comment No. 31 The Nature of the General Legal Obligation Imposed on States Parties to the Covenant, CCPR/C/21/Rev/1/Add/1326 May 2004.
- 29 European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, 4 November 1950.
- 30 Report of the Eighth Session of the Asian-African Legal Consultative Committee, Bangkok (8-17 August 1966), 355.
- 31 American Convention on Human Right, 22 November 1969
- 32 African Charter on Human and Peoples’ Rights, 26 June 1981.
- 33 Cartagena Declaration on Refugees, OAS Ser. L/V/II. Doc. 10, rev. 1, 22 November 1984.
- 34 Case of Soering v the United Kingdom, European Court of Human Rights, Judgment, Application No.14038/88, 7 July 1989.
- 35 R (European Roma Rights Centre) v Immigration Officer at Prague Airport, 20 May 2003.
- 36 Hathaway J. *The Rights of Refugees under International Law* (Cambridge: Cambridge University Press, 2005, - 1184 p.).
- 37 Attorney General v Zaoui, 2004, Dec. No. CA20/04.
- 38 Farmer A. Non-refoulement and Jus Cogens: Limiting Anti-Terror Measures That Threaten Refugee Convention, *Georgetown Immigration Law Journal*. 23 (1) - P.1-38.- (2008).
- 39 Hannkainen L. *Peremptory Norms (Jus Cogens) in International Law: Historical Development, Criteria, Present Status* (Helsinki: Finnish Lawyers’ Publi.Co., 1988. - 781 p.).
- 40 Schabas W.A. *Non-refoulement, Human Rights and International Cooperation in Counter-Terrorism* (Liechtenstein, 2006, - P.15-17).
- 41 Orakhelashvili A. *Peremptory Norms in International Law* (Oxford: Oxford University Press, 2006, - 622 p.).
- 42 UNHCR Executive Committee Conclusion No. 79, General Conclusion on International Protection, 1996.
- 43 Lauterpacht E. and Bethlehem D. The Scope and Contend of the Principle of Non-refoulement: Opinion, in Feller E., Türk V. and Nicholson F. (eds) *Refugee Protection in International Law: UNHCR’s Global Consultations on International Protection* (Cambridge: Cambridge University Press, 2003, - P.87-177.).
- 44 McAdam J. *Complementary Protection in International Refugee Law*, (Oxford: Oxford University Press, 2011. - 283 p.).
- 45 M. R. von Sternberg *The Grounds of Refugee Protection in the Context of International Human Rights and Humanitarian Law: Canadian and United States Case Law Compared* (Brill: Martinus Nijhoff Publishers, 2002, - 344 p.)
- 46 Ziegler R. *Voting Rights of Refugee* (Cambridge: Cambridge University Press, 2017. - 261 p.).
- 47 Charter of the United Nations, 24 October 1945.
- 48 Goodwin-Gill G. S. *Refugees and Their Rights*, RSC Working Paper (2004. No. 17).
- 49 Mandal R. *Protection Mechanisms outside of the 1951 Convention (“Complementary Protection”)* // UNHCR Legal and Protection Policy Research Series, PPLA/2005/02 (June 2005).

- 50 Chal v UK (1996) 23 EHRR 413.
- 51 Schabas W.A. Non-Refoulement, in Expert Workshop on Human Rights and International Cooperation in Counter-Terrorism, ODIHR.GAL/14/07, (2007).
- 52 Wachenfeld M.G. and Christensen H. Note: An Introduction to Refugees and Human Rights, Nordic Journal of International Law, 59(2), P.178-185 (1990).
- 53 Maluwa T. Human Rights and Refugees in Southern Africa: Some Perspectives on Recent Legislative Developments in Malawi, Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht, 53, P.88-111 (1993).
- 54 HRC, General Comment No. 31: The Nature of the General Legal Obligation Imposed on States Parties to the Covenant, CCPR/C/21/ Rev.1/add.13 (2004); General Comment No. 15: The Position of Aliens under the Covenant, UN Doc HRI/GEN/1/Rev.1 at 18 (1986).
- 55 Ngambi v. France, CCPR/C/81/D/1179/2003 (2004).
- 56 HRC, General Comment No. 19: Protection of the Family, the Right to Marriage and Equality of the Spouses (Art. 23), UN Doc HRI/GEN/1/Rev. 5 (1990).
- 57 Harvey C. Is Humanity Enough? Refugees, Asylum Seekers and the Rights Regime, in Juss S.S. and Harvey C. (eds) Contemporary Issues in Refugee Law (Edward Elgar, 2013. - P.68-88).

Information about authors:

Ibragimov Zh.I. – doctor of laws, professor, Dean of the law faculty at L.N. Gumilyov Eurasian National University, 2 Satpayev str., Nur-Sultan, Kazakhstan.

Tleules S. A. - KATCO Kazakh-French Joint Venture, LLP, Permitting Manager of Legal Direction, LLM Master of Laws in International Law, Sauran str., 48, Nur-Sultan city, Kazakhstan.

Ибрагимов Ж.И. – заң ғылымдарының докторы, профессор, Заң факультетінің деканы, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Сәтпаев көш., 2, Нұр-Сұлтан, Қазақстан.

Асанова Т. С. - Заң ғылымдары магистрі, Заң мәселелері бойынша дирекция Рұқсаттама құжаттар бойынша менеджері, Қазақстандық-Француздық «КАТКО» Бірлескен Кәсіпорны (LLM Master of Laws in International Law), Сауран көш. 48, Нұр-Сұлтан, Қазақстан.

МРНТИ 10.87.09

Ш.В. Тлепина

*Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева,
Нур-Султан, Казахстан
(E-mail: tlepina_shv@enu.kz)*

Истоки становления международного права в Древней Индии

Аннотация. В данной статье рассматриваются вопросы истории международного права. Истоки международного права Древней Индии в период Индской цивилизации, буддийский период, в классическую эпоху древнеиндийской цивилизации имеют большое значение для понимания формирования международного права Индии. Становление института посла, его функции и классификация оказали определенное влияние на последующее развитие посольского, дипломатического права, мирных договоров Индии. Религиозно-философские и морально-политические памятники древнеиндийского общества дают нам представление о формировании основ международного права. В этом особенность и уникальность истории международного права Древней Индии – в научном обороте историко-правового исследования наряду с памятниками обычного права непременно используются источники: Ригведа-самхита, Тайттирия-самхита, Атхарведа-самхита, Агни-пурана, Законы Ману, Артхашастра, Махабхарата.

Истоки международного права Древней Индии рассмотрены через призму становления права войны; договорного права, классификации послов и мирных договоров, признанных в указанных религиозно-философских и морально-политических источниках.

Ключевые слова: международное право, история международного права, Древняя Индия, посол, посольское право, дипломатическое право, договорное право, мирный договор, Веда, Законы Ману, Артхашастра, Махабхарата, право войны.

DOI: <https://doi.org/10.32523/2616-6844-2019-129-4-146-159>

Введение. Древнейшая городская цивилизация в Южной Азии возникла в Индии в III тыс. до н.э. Центральная часть Индо-Гангской равнины уже в древности считалась священной «землей ариев» (Арьяварта). Между бассейнами великих рек в верховьях Ганга складывалась в первой половине I тысячелетия до н.э. древнеиндийская (Индская) цивилизация. Индская цивилизация может считаться третьей по времени появления древневосточной цивилизацией. Как и первые две – в Месопотамии и Египте, – расположена она в бассейне великой реки, и, очевидно, становление ее было связано с организацией высокоурожайного поливного земледелия [1, с. 389-390].

Историю Южной Азии условно делят на следующие периоды:

1. Древнейшая цивилизация (Индская) датируется примерно XXIII – XXVIII вв. до н.э. (возникновение первых городов, образование ранних государств).

2. Ко второй половине II тысячелетия до н.э. относится появление индоевропейских племен, так называемых ариев. Период с конца II тысячелетия до середины I тысячелетия до н.э. именуется «ведийским» – по созданной в это время священной литературе вед. Можно выделить два основных его этапа: ранний (XIII – X вв. до н.э.) характеризуется расселением племен ариев в Северной Индии, поздний – социальной и политической дифференциацией, приведшей к образованию первых государств (IX – VI вв. до н.э.), главным образом в долине Ганга, в том числе королевства и республики Махаджанапады (VI – IV вв.).

3. «Буддийский период» (V – III вв. до н.э.) – время возникновения и распространения буддийской религии. Памятники, связанные с буддизмом, являются наиболее важными историческими источниками. С точки зрения социально-экономической и политической истории данный период отмечен началом урбанизации и появлением крупных государств –

вплоть до создания общеиндийской державы Маурьев.

4. II в. до н.э. – V в. до н.э. можно рассматривать как «классическую эпоху» древнеиндийской цивилизации, время становления наиболее характерных особенностей социальной организации и культуры Южной Азии [2, с. 70].

О широких внешних связях (по морю и по суше) городов Индской цивилизации говорят находки изделий Хараппской культуры (в основном печатей) на городищах Месопотамии (Ур, Киш, Телль-Асмар), а также Ирана (Тепе-Яхья) и Южной Туркмении (Алтын-Тепе). В период своего расцвета Мохенджо-Даро и Хараппа поддерживали широкие внешние связи и входили в систему ранних цивилизаций древнего Востока [1, с. 392, 395]. Известны международные связи индийских правителей царства Маурья и Кушанского царства с государствами Средней Азии и эллинистическими государствами [3, с. 19]. Правители Древней Индии вступали в отношения с Ираном, позднее Китаем и Римом [2, с. 70]. Стимулом для этих отношений выступали торговля и миссионерство.

Сведения о возникающих отношениях между государствами Индской цивилизации, их правовом оформлении отрывочны. Официальные сношения между ними поддерживались дипломатическими миссиями, члены которых обладали неприкосновенностью. Политическая множественность предполагала частые войны, которые рассматривались как инструмент приращения территории и умножения власти, а не как акт мести или грабежа. В связи с этим, а также в силу гуманистического влияния древних ведов, философии буддизма, древнеиндийского мировоззрения средства и методы ведения войн были регламентированы [2, с. 70]. Международные отношения, основанные на договорной практике, деятельность послов, их статус, классификация, разнообразные направления их функционала, право войны в Древней Индии мало исследованы в истории международного права.

Цель данной статьи заключается в изучении отдельных вопросов истории международного права и систематизации знаний по истории международного права Древней Индии. Отметим, что ранее в Казахстане исследования в сфере истории международного права, истории государства и права зарубежных стран, конституционного права зарубежных стран проводились крайне редко. К примеру, за весь советский период работ по истории международного права не было; по истории государства и права зарубежных стран – написана одна: работа Л.В. Дюкова «Долговое рабство в Древнем Риме: историко-юридический очерк» [4, с. 375]; по конституционному праву зарубежных стран не наберется более десятка (четыре докторские и шесть кандидатских диссертаций) [4, с. 343-372]. В Казахстане в классификационной группе юридических наук, имеющих своим предметом историю права, государства с международным и/или зарубежным элементом, исследований проведено крайне мало.

Задачи данной статьи заключаются в исследовании представлений древнеиндийского общества, понятий дипломатии, посольского права, договорного права, классификации мирных договоров, статуса посла, классификации послов, права войны и войны как одного из главных средств межгосударственных отношений в истории международного права.

Методы исследования. При подготовке статьи были использованы *общенаучные* (метод сбора, накопления, проверки эмпирического материала; метод обработки и изучения эмпирического материала; логический метод исследования; исторический метод; метод обобщения и абстрагирования) и *специальные* (сравнительно-правовой, историко-правовой, метод аналогии, традиционные методы толкования) методы как совокупность приемов и средств познания истории международного права.

Результаты исследования. К середине VI века до н.э. в Индии, согласно раннебуддийским сочинениям, было 16 махаджапанад (великих стран). Другие источники насчитывают их свыше 30. Естественно, что среди них имели место достаточно частые и развитые международные отношения, нуждавшиеся в правовом оформлении. Действовавшие к се-

редине 1 тысячелетия до н.э. нормы международного права были весьма разнообразны. Индия, как и подобные древние цивилизации, не знала принципа равенства субъектов международного права. Здесь различали три их основные категории: 1) *равные*, 2) *подчиненные* (зависимые) и 3) *высшие* (королевства). Во всех случаях под субъектами, подобно тому как это было в Египте или Двуречье, имелись в виду не сами государства, а их монархи. Существовала и довольно сложная градация в отношении зависимых, то есть полусуверенных, государств: вассальные, протежируемые, государства-клиенты и др.

Религиозно-философские и морально-политические памятники Древней Индии и Древнего мира: *Ригведа-самхита* (Ригведа – религиозные гимны на ведийском языке) [5, с. 67-70, 71-73], *Тайттирия-самхита* («Тайттирия-самхита» является самым поздним добавлением в Кришна-Яджурведу), *Атхарведа-самхита* (священный текст индуизма) [6, с. 241-251], *Агни-пурана* (священный текст индуизма), *Законы Ману* (Ману-смрити (санскр), Ману-самхита, Манавадхармашастр. Памятник древнеиндийского права, древнеиндийский сборник религиозно-нравственных и правовых предписаний, приписываемый легендарному прародителю человечества – Ману) [7;8;9] [5, с. 14-24] [6, с. 241-251], *Артхашастра* (Наука политики, Наука о государственном устройстве. Древнеиндийский политический и экономический трактат) [10] [5, с. 49-59] [6, с. 273-281], Махабхарата («Великое сказание о потомках Бхараты», по имени царя Бхараты, потомка древнего царя Куру – древнеиндийский эпос) [5, с. 59-66] [6, с. 281-288], использованные в статье дают возможность составить представление о существовавших в то далекое время международно-правовых нормах, становлении институтов договорного права, права войны.

Послы и посольское право. В Древней Индии широкое развитие получили нормы посольского права. Послы появились задолго до наших дней. Судя по древнеиндийским сборникам правил для дипломатов, они пользовались уважением, занимали высокое положение. В Законах Ману говорится: «Посла (*duta*) следует назначать сведущего во всех Шастрах, понимающего [скрытый смысл] произвольных движений, выражений лица, жестов, честного, способного, родовитого (ЗМ. VII.63). Посол для царя рекомендуется преданный, честный, опытный, памятный, знающий [надлежащее] место и время [для действий], представительный, бесстрашный, речистый... (ЗМ. VII.64). Только посол соединяет и разъединяет союзников, [именно] посол распоряжается делом, которым людям разъединяются»; «... мир и его противоположность (зависят) – от посла» (ЗМ. VII.65,66). [9, с. 238-239] [6, с. 324].

Начиная с «Ригведы-самхиты» [6, с. 231-232, 236-238], в текстах упоминаются две категории дипломатических представителей – *дута* и *чара*. В «Тайттирия-самхите» [6, с. 231] появляется термин *прахита*, обозначающий отдельную разновидность дута и переводимый как «посланник». Дута – человек, способный получать верные сведения о силе и расположении войск противника. Прахита – это посланник, действующий по поручению своего господина. В том же значении данный термин снова появляется в «Атхарваведе-самхите» [6, с. 231], [11, с. 303].

Профессор Мадрасского университета, индолог Дикшитар В.Р. Рамачандра, ссылаясь на древнеиндийские источники, указывает другие качества послов – «они обязаны были иметь объективное представление о численности вражеского войска, размерах сокровищницы, крепостей, знать слабые места противника. Сам посол при этом должен был играть роль чара или держать их на службе для выполнения определенных заданий. Посол являлся одним из десяти важнейших министров. Выполнять эти обязанности мог только тот, кто умеет читать знаки, понимать, что кроется под манерой держаться и поведением противника, прекрасно разбирается в искусстве и науках, красноречив и бесстрашен. Будучи представителем царя, он должен честно выполнять свои обязанности, даже если не хочет этого и считает, что это бесперспективно» [11, с. 306].

В древнеиндийских эпосах отмечается, что посол обязан принадлежать к высокопоставленной благородной семье; быть умелым, красноречивым, правдивым при выполнении своей миссии, иметь превосходную память. В других документах говорится, что эту должность могли занимать представители любых слоев общества. Данное, на наш взгляд, относится к периоду становления деятельности послов, когда опасность, риск и угроза жизни были обычным явлением. Глава государства не имел права приговаривать посла к смертной казни. Любое должностное лицо, убив посла, принимало на себя неискупимый грех, который распространялся на него и его почивших предков [11, с. 306].

В древнеиндийских источниках сообщается, что посол должен быть умным, честным, работящим, хорошо разбираться во всех областях знания, а также уметь угадывать мысли и чувства других, основываясь на их внешнем виде и поведении. Ему также следует обладать привлекательной внешностью, быть расторопным, лояльным, смелым, уметь видеть истинный смысл вещей, исходя из места и времени. Кроме того, у него должен быть приятный голос и хорошая дикция.

Один из важных памятников политической и правовой мысли Древней Индии трактат «Артхашастра», или «Наука политики», «Наука о пользе» Каутильи (Чанакья, Вишну-гупта и Ватсьяяна), выдающегося древнеиндийского политического деятеля IV в. до н.э. сообщает: послов можно подразделить на три категории: мисриштартха, паримитартхаи, шасанахара: 1) *мисриштартха* были высококвалифицированными и выполняли множество разнообразных функций. Им следовало обладать всеми качествами, необходимыми для министров, которые, как считал Каутилья, должны происходить из хороших семей, прекрасно разбираться во всех отраслях знаний, быть готовыми к самопожертвованию, глубоко преданными своей стране и государю, чистосердечными и мудрыми; 2) *паримитартхаи* – посланцы, выполняющие одну определенную миссию; 3) *шасанахары* были гонцами, передававшими волю правителя, на эту должность избирали наименее квалифицированных людей [11, с. 304].

В Рамаяне («Рамаяна» (санскр., букв. – «Путь Рамы» или «Деяния Рамы»), собирательное название древнеиндийских повествований о герое (царевиче, затем царе) по имени Рама (букв. – радующий, прекрасный) и его жене Сите) названы три типа посланников: 1) *пурсоттама* – выполняет нежелательное и невыполнимое задание, не требуя благодарности и любви, назван в тексте лучшим из людей; 2) *мадхьяманара* – посол, выполняющий определенную миссию и не стремящийся добиться своим поведением благосклонности и симпатии царя, тот, кто ведет свою собственную игру, посредственный человек; 3) *пурсадхама*, несмотря на данное ему поручение, не выполняет его должным образом – низший из людей.

«Агни-пураны» (пураны (санскр. - «древние предания») имеют большое значение в древнеиндийской литературе. Пураны делятся на «великие», или «маха-пураны», и «второстепенные», или «упапураны». Агни-пураны входят в наиболее общепринятый список - Маха-пураны. В них говорится о специальных посланниках, которых отправляли с определенным заданием во вражеское государство. Посол, выступая перед правителем этого государства, должен был уважительно отзываться о своем повелителе, а также о его враге, и таким образом выяснить, на чью сторону в действительности склоняется общественное мнение в стране. Чтобы узнать правду, он мог притвориться купцом, врачом или кем-либо другим. Если посольство терпело фиаско, царь должен был взяться за оружие [11, с. 305].

Посол выполнял разнообразные компетенции. Законодатель Ману привел перечень этих функций: объявление войны или мира; заключение союзов, сессии; прекращение отношений с теми, кто неблагосклонно относился к его стране; вступление в выгодные альянсы, если того требовали практическая необходимость и обстоятельства; выяснение характера и размера сил противника, его союзников, сторонников и врагов; осторожное по-

ведение в других странах; достижение дружбы должностных лиц, служивших противнику; изучение военных сил, сведений о крепостях, арсеналах, армии, слабых и сильных сторонах противника, а также местности, через которую пролегал путь во вражеское государство [11, с. 307], [9, с. 239]; находясь при дворе врага посол должен был свободно общаться с представителями всех слоев общества и таким образом попытаться понять, насколько подданные верны своему правителю; если сбор надежной информации открыто не удавался, посол мог изменить внешность и получить сведения о людях, армии и царстве (КА. I.12.17) [10, с. 38-39].

Послы могли вступить на территорию иностранного государства, только получив предварительное разрешение от своего господина – главы государства. Посла принимали уважительно и сажали рядом с тронем. В то же время посол терпеливо сносил любые оскорбления. Ему задавались вопросы о здоровье главы государства-противника или союзника, затем выслушивалось его послание. Послам запрещалось оставаться на территории вражеского государства дольше установленного главой государства срока; ему следовало спать в одиночестве в уединенном месте (КА. I.12.17) [10, с. 38-39].

Различались три основных ранга дипломатических агентов: 1) *полномочные послы*, 2) послы, *«имеющие ограниченные полномочия»* и 3) послы, *«передающие послания»* (т.е. *гонцы*). Послы первых двух рангов снабжались подробными инструкциями, которые определяли их полномочия. Заключение договоров о мире и объявление войны были исключительной прерогативой полномочных послов, так как считалось, что именно они в наиболее полной мере представляют особу и личность главы государства. На послов возлагались и другие многочисленные обязанности: содействие в реализации уже заключенных договоров и надзор за их исполнением, принятие мер к развитию дружественных отношений и т.п. Формально послы не могли вмешиваться во внутренние дела государства, в котором они были аккредитованы. Такое вмешательство рассматривалось как интрига и даже как шпионаж. Виновные подлежали высылке. На деле же все обстояло иначе: литературные памятники и история свидетельствуют о многочисленных рекомендуемых случаях тайной дипломатии.

Помимо инструкций посол получал верительные грамоты. Он имел право прибыть в столицу государства и на время своей миссии находиться в ней. Послы и гонцы пользовались личной неприкосновенностью: «Пускай мечи обнажены, пусть родичи лежат в крови, пусть речи бранные звучат – нельзя посланца убивать» (Панчатантра). [12, с. 41-42], [13, 475 с.] Послы могли иметь при себе деньги, дорожные вещи, изделия своей страны, которые не облагались пошлиной. Получившему признание послу предоставлялось право сношения со своим государем.

Заключенные послом договоры подлежали последующей ратификации. Исполнение договоров обеспечивалось посредством обмена заложниками, клятвами и поручительством, а также междинастийными браками.

Истоки договорного права и вопросы войны в Древней Индии. В Древней Индии слова переговоры, убеждение, примирение, угроза войны, дипломатия являются переводами терминов *сама, дана, бхеда и данда, найя* [11, с. 268-269]. Эти термины лежали в основе древнеиндийской дипломатии.

В Законах Ману подчеркивается значение переговоров, имеет место призыв к переговорам «... какие бы ни были противники у него (царя), стремящегося к завоеваниям, всех их пусть подчинят ... – переговорами и прочими» (ЗМ. VII.107), «... переговоры и прочие – ученые всегда рекомендуют для процветания страны переговоры и силу» (ЗМ. VII.109) [9, с. 245].

В «Агни-пуранах» говорится, что дипломатия лучше, чем открытый военный конфликт. Дипломатией занимались специальные посланники. Каутилья, понимающий истин-

ный смысл дипломатии считал: *найя* – дипломатия – завоеует всю землю [11, с. 269]. Каутилья основывал дипломатию на семи элементах (*пракрити*): 1) *свамин* (царь), 2) *аматья* (министры), 3) *джананада* (царство), 4) *дурга* (крепость), 5) *коша* (сокровищница), 6) *дан-да* (армия), 7) *митра* (союзники) [11, с. 275]. Каутилья отмечал, что верховная власть зиждется на взаимодействии свами с другими *пракрити*. Каутилья выделяет четыре главных средства политики: мирные переговоры, подкуп, сеяние раздора и открытое нападение. Далее он назвал пять разновидностей мирных переговоров: восхваление положительных качеств противника, выдвижение родственных связей с ним, указание на взаимные выгоды для обеих сторон, на благоприятный исход, подача личного примера. Пять разновидностей мирной политики международных отношений классифицированы:

1) рассмотрение достоинств и недостатков рода, тех лиц, с которыми приходится иметь дело, их поведения, характера, образования, имущественного положения и т.д.; хвала и одобрение составляют политику выдвижения положительных сторон этих лиц; если положительно отзываться о том человеке, с которым ведутся переговоры, он, естественно, располагает к тебе и идет на какие-то уступки;

2) выдвижение личных связей предполагает использование родственных связей по отцу, матери, связей по учителям, духовным наставникам, по сердечной дружбе; это необходимо для объединения участников переговоров;

3) выдвижение взаимной пользы своей и чужой партии; взаимность пользы и услуг высоко восхваляется, если дело или мероприятие выгодны для всех;

4) указание на будущее благоприятное развитие событий состоит в подчеркивании того, что если произойдет какое-либо событие, то обе стороны могут надеяться на полезные изменения;

5) личный пример считался пятой разновидностью мирных переговоров; в «Артхашастре» предлагалось использовать заключение: «Ведь от того-то обоим нам будет польза для такой-то цели (ведь что я, то и ты), поэтому что у меня (теперь) есть, то и тебе нужно в своих целях приобрести» [6, с. 273, 275-276]. В трактате содержалась определенная методология и методика политического поведения в межгосударственных отношениях.

Согласно названному трактату, делами посла были «исполнение посольства», соблюдение заключенных договоров, поддержание престижа, приобретение друзей, подговор, ссоры союзников, тайная переписка войск, похищение родственников и (врага), сведения, приобретенные от шпионов, храбрость, расторжение соглашений, а также применение тайных средств» (КА. I.12.17) [10, с. 38-40] [2, с. 70]. Основными методами внешней политики в межгосударственных отношениях стали «мир, война, выжидательное положение, наступление, искание защиты и двойственная политика»; «миром считается заключение договора, связывающего (обе стороны)», войною – причинение вреда, выжидательным положением – пребывание в безразличном состоянии, наступлением – принятие мер (к нападению), союзом – прибегание к помощи других, двойственной политикой – использование то войны, то мира (смотря по обстоятельствам) (КА. XII.163.2) [10, с. 438-441] [2, с. 70-71].

«Артхашастра» предоставляет рекомендации, как заключать союзы и договоры; приводит их классификацию; перечисляет гарантии договоров: клятва, поручительство, заложники; дает наставления по использованию шпионов и тайных средств, сеянию смуты и проч. (КА. VII.122-123.17) [10, с. 352-357].

Следует отметить, что интенсивные междугосударственные отношения привели в Индии к тому, что здесь *договорное право* получило широкое развитие и подробное регламентирование. Различались договоры дипломатические, то есть заключаемые в мирное время, и договоры, порожденные войной. Среди первых выделялись договоры под условием (времени, места действия и цели) и без условий – равные и неравные, выгодные и невыгодные. Ко второй категории относились договоры, предусматривающие выплату дани;

договоры об уступке территории и праве сбора налогов; договоры о помощи, означавшие на деле установление вассальных отношений (КА. XII.162.1) [10, с. 436-438]. Отказ от международного договора должен был быть мотивированным. В Древней Индии фактически начал формироваться принцип *pacis sunt servanda*.

В древнеиндийской дипломатии большое значение имели различные интеграционные объединения – альянсы (союзы), их классифицировали по объекту, статусу субъектов, действию во времени, которые складывались как результат мирного договора. Альянсы могли быть временными – *чаласандхи* и постоянными – *стихаварасандхи*, обоюдно выгодными, юридически ограничивающими, вассальными, др.

Артхашастра называет следующую классификацию международных договоров:

1) *атмамиса* сандхи – мир, заключенный на основе передачи личности царя, определенного количества/всех войск, вельможных сановников, жен победителю;

2) *пурусантара* сандхи – наличие заложников (аманат) как гарантии исполнения союзнических обязательств: военачальника, наследника престола, царевича, жен;

3) *адристануруса* – мир, по которому терпящему поражение разрешалось отступить со своей армией;

4) *парикрая/парикрайа* сандхи – монетарный союз на основе выкупа казной, слонами, лошадьми, другим товаром;

5) *упаграха* сандхи – мир с требованиями крупных сборов, многочисленных платежей;

6) *суварна* сандхи – мир, основанный на выплате контрибуций деньгами, заложниками (женщинами);

7) *капала* сандхи – мир, предусматривающий непомерно крупную контрибуцию;

8) *адиста* сандхи – передача части земли, всей территории с частью населения, за исключением столицы;

9) *уччина* сандхи – мир, заключенный на основе уступки территории, с которой предварительно собран урожай. Подлежащую передаче территорию выбирает побежденный;

10) *апакрая/ава-крайя* сандхи – мир, предоставляющий свободу в обмен на отдачу урожая;

11) *парибхусана, хинасандхи* сандхи – мир, состоящий в обещании дать больше, чем рождает земля [11, с. 281-282].

Индийский писатель, автор учебников политики, государственного искусства Камандака, живший в период раннесредневековой Индии, классифицировал международные договоры:

1) *капала* сандхи – мир между двумя сторонами с потенциально равными возможностями;

2) мир, заключенный с предложением подарков;

3) *сантана* сандхи – мир, заключенный на матримониальных основах, когда победителю отдается в жены дочь побежденного;

4) *сангата* сандхи – золотой мир, заключается при дружеском урегулировании сторонами их разногласий;

5) *упанйаса* сандхи – договор заключается на основе предыдущих договоренностей;

6) договор союзников, соглашение, которое заключается на основе доброго взаимопонимания и ожиданий того же в будущем;

7) *самйога* сандхи – тайные договоренности двух союзников об ожидаемой выгоде от общего объекта;

8) *пурушантара* сандхи – мир с заложниками;

9) *адристануруша* сандхи – мир, который требует определенных действий от одной стороны, но не требует того же от другой;

- 10) *адиста* сандхи – мир с уступкой территории;
- 11) *атмаммиша* сандхи – вассальный мир, который обязывает побежденного предоставлять свою армию победителю по его требованию для борьбы с врагом;
- 12) *упаграха* сандхи – безоговорочная уступка победителю по каким-нибудь вопросам, определенным самим победителем;
- 13) *пратикрийа* сандхи – мир за деньги, когда все элементы суверенитета проигравшим покупаются;
- 14) *уччина* сандхи – мир, достигнутый ценой значительной территориальной уступки;
- 15) *скандхопанейя* сандхи – мир с гарантией уплаты в будущем;
- 16) *парибхусана* сандхи – «узифруктивный мир» – мир с отдачей урожая по всей территории [14, с. 249]

Видный ученый-юрист, исследователь истории международного права О.В. Буткевич называет указанные сандхи –

- 1) *атмаммиса* сандхи – мир, купленный ценой своей собственной личности;
- 2) *пурусантара* сандхи – мир с предоставлением других лиц;
- 3) *адристанпуруса* – мир без заложников;
- 4) *парикрая/парикрайя* сандхи – мир-выкуп;
- 5) *упаграха* сандхи – мир с требованиями;
- 6) *суварна* сандхи – золотой мир;
- 7) *капала* сандхи – мир нищенский;
- 8) *адиста* сандхи – мир с уступками;
- 9) *уччина* сандхи – мир того, кто истощен;
- 10) *апакрая/ава-крайя* сандхи – мир с отдачей внаем;
- 11) *парибхусана, хинасандхи* сандхи – мир, который вредит врагу [14, с. 249-250].

Классификация альянсов Дикшитара В.Р. Рамачандры сходна с классификацией Каутильи. Последний указывает на альянсы *кармасандхи* – милитаристские и *анаваситасандхи* – территориальные [11, с. 281-282].

Каутилья указывает, что *сандхи* – союз или объединение государств может быть заключено в форме мира, примирения, мира на определенных условиях; признавалось нарушение условий мирного договора и восстановление мира, если он был нарушен [11, с. 283]. Грекам также было известно множество форм юридического ограничения одних полисов другими [15, с. 55].

Следует отметить, что обязательной частью международного договора был призыв (*инвокации*) к богам обеих сторон. Часть договора отводилась для перечня тех богов, которые призывались в свидетели договора и должны были гарантировать его соблюдение [14, с. 262].

В Древней Индии коренные изменения обстоятельств, обусловивших заключение мирного договора или существовавших при его заключении, могли оказать влияние на отказ от международного договора, что означает существование клаузулы *rebus sic stantibus*. Согласно Каутилье, если слабое государство оказалось вынуждено заключить договор о протекторате с сильным государством, но впоследствии окрепло и может отказаться от зависимости, то оно имеет право это сделать и может разорвать предыдущие обязательства (КА. VII.122-123.17) [10, с. 353-355].

В Древнем мире отношения войны были одним из видов международного общения. По мнению некоторых исследователей, «законы войны составляют ядро международного права, поэтому история этого предмета не может быть изучена с легкостью. История права войны находится еще в стадии своего формирования и еще должна быть написана» [14, с. 310].

В Индии второй половины I тысячелетия до н.э. и в первые века н.э. весьма разви-

тыми были *нормы войны*. Законы Ману выделяли войну как форму (метод) политики (ЗМ. VII.160). Вместе с тем рекомендовалось «делать попытки одолеть врага мирными переговорами» (ЗМ. VII.107). Призыв предпринять попытку мирного разрешения конфликта - характерное явление для международных отношений и международного права Древней Индии: «Откажись от битвы, ведь война не заслуживает одобрения ни при каких условиях»; если «мирные переговоры тех, кто всяческими средствами стремится к миру и не желает войны, окончатся провалом, тогда война становится неизбежной. Ведь от провала мирных переговоров возникают грозные (последствия)» [14, с. 317] и «всегда быть готовыми к войне, всегда обнаруживать силу, скрывать тайны, выслеживать слабости врага» (ЗМ. VII.105) [9, с. 245, 253], [6, с. 247]. «Артхашастра, или Наука политики» указывает войну как метод во внешней политике; «война – причинение вреда»; допускает «двойственную политику - использование то войны, то мира» [6, с. 307]. Индусы различали репрессалии и собственно войну. Началу ее должно было предшествовать предъявление ультиматума (*pratapa*). Только после этого следовало официальное объявление войны. Оно влекло за собой разрыв регулярных дипломатических отношений, но не исключало обмена специальными миссиями. Договоры, заключенные до войны, переставали действовать. Подданные воюющих сторон лишались права «дружественной защиты». Торговля с ними и другие формы сношений рассматривались как враждебный акт. Подданных противной стороны, поскольку они оказывались лишенными правовой защиты, можно было брать в плен и даже убивать. Их имущество могло быть конфисковано, а дома разрушены.

В отношении ведения военных действий и применения оружия существовали многочисленные ограничения (правда, история свидетельствует, что они нередко нарушались). Считалось недопустимым убивать стариков, детей и женщин, а также парламентариев и сдавшихся в плен. В равной мере не должны были убиваться раненые (в зависимости от характера и тяжести ранения). В Законах Ману читаем: «Пусть не убивает ни сошедшего на землю (если сам он остался на колеснице), ни сложившего руки (с мольбой о пощаде) ... ни сидящего, ни говорящего «я твой» (ЗМ. VII.91) [9, с. 243]. Ни спящего, ни того, у которого нет кольчуги, ни нагого, ни безоружного, ни не сражающегося, а (только) смотрящего, ни сражающегося с другим (ЗМ. VII.92) [9, с. 243]. Ни у того, у которого сломано оружие, ни пораженного (болезнью), ни тяжело раненного, ни уstraшенного, ни обратившегося в бегство (ЗМ. VII.93)» [9, с. 243]. Не подлежали захвату и разрушению храмы и другие культовые сооружения. Их хранители, равно как и хранители мостов, колодцев и т.п., пользовались неприкосновенностью. Это касалось и некоторых других категорий населения. Все они признавались некомбатантами. Предусматривали действовавшие нормы международного права и некоторые ограничения в видах оружия и способах их использования. Те же Законы Ману содержали правило: «Когда сражается с врагами, пусть не убивает врага ни вероломным оружием, ни зубчатыми стрелами, ни ядовитыми, ни имеющими наконечники, раскаленные в огне» (ЗМ. VII.90) [9, с. 242]. Пленных, согласно правилам Махабхараты, нельзя убивать, а те из них, кто был ранен, даже должны быть отпущены на свободу. Что касается имущества врага, то его захват во время военных действий считался правомерным. Это была законная добыча, часть которой поступала царю, а другая – тем, кто ею непосредственно овладел. Законным считался и шпионаж. Но им не могли заниматься парламентарии. Иначе они лишались неприкосновенности. Воюющие стороны нередко разрешали иностранцам вести торговлю. С этой целью им выдавались специальные документы.

В Законах Ману говорится: «следует всегда быть готовым к войне, всегда обнаруживать силу, скрывать тайны, выслеживать слабости врага» (ЗМ. VII.102); «весь мир страшится всегда готового к войне, поэтому все живые существа следует подчинить именно силой» (ЗМ. VII.103) [9, с. 244] [6, с. 324-325].

Трактат «Артхашастра» брахмана и государственного деятеля Каутильи не извещает

о правилах ведения войны, закрепленных священным законом. Однако рассматривает «... «дерзновенное» завоевание, которое противопоставляется «справедливой» войне как наиболее выгодное и желательное» [16, с. 120-121]. Каутилья – главный советник императора Чандрагупты Маурьи (321 – 297 года до н. э.) «... советует сделать побежденного царя вассалом и проявляет себя сторонником гуманного империализма» [16, с. 121].

В рамках рассматриваемой темы следует отметить, что институт нейтралитета государства был известен международному праву Древней Индии. Каутилья считал, что лучше прибегнуть к нейтралитету, чем к войне. Применительно к древнеиндийскому обществу выделяют три вида нейтралитета: 1) *стхана* (молчаливое соблюдение), 2) *асана* (отказ от агрессивных действий), 3) *упекиши/упекишана* (непостоянный, неустойчивый нейтралитет) [11, с. 286, 296-297], [6, с. 231], [14, с. 323]. «Махабхарата» различала четыре вида нейтралитета: 1) нейтралитет того, чья позиция является весомой для развития конфликта, 2) нейтралитет того, кто практически не может повлиять на ход конфликта, 3) нейтралитет того, кто может повлиять на ход конфликта, 4) нейтралитет того, кто политически слаб и потому лишь посредством своих материальных ресурсов может повлиять на ход конфликта. Во время войны нейтральные стороны пользовались всеми правами, которые вытекали из их международных соглашений, только с учетом фактических ограничений, установленных состоянием войны. Предоставление нейтральной стороной каких-либо преимуществ одной из воюющих сторон автоматически приводило к потере нейтралитета [14, с. 323]. К нейтральному государству следовало относиться с уважением и ни одной воюющей стороне не разрешалось привлечь данное государство на свою сторону.

Заключение. Институт послов, посольское право, их статус, полномочия, классификация исследованы на основе литературных и эпиграфических источников Древней Индии. К примеру, в ведических текстах послы классифицированы на дута, чакра, прахита; в Артахашастре – на мисришартха, паримитартхаи, шасанахары; в Рамаяне на – пурусоттама, мадхьяманара, пурусадхама. Каждый из указанных источников лишь дополняет качественные характеристики посла, отраженные в другом. Портреты послов формировались под влиянием потребностей исторического периода развития межгосударственных отношений. Послы в древнеиндийской дипломатии и военном деле играли крайне важную роль.

Классификация послов содержится на страницах Артахашастры, Рамаяны, Агни-пуран. Функции послов можно проследить в Законах Ману. В древнеиндийских источниках упоминаются ранги дипломатических агентов. Классификация послов известна и античному миру. В западной традиции несколько рангов дипломатических представителей – обладавшие наивысшим рангом, герольды, пресвиры, ангелы, гонцы, использовались глашатаи или вестники [17, с. 248-257].

Исследование показало, что послы выполняли поручения своего господина – главы государства. Первые были особенно смелыми и просвещенными людьми. Вместе с тем им обязывалось уметь читать знаки, иметь приятный голос, хорошую дикцию и другие редкие качества, способные оказывать влияние на ход международных отношений. Хороший и верный посол должен был выполнять наряду с другими функциями доставку доверенных ему посланий, уважать мирные соглашения, готовить ультиматумы, привлекать союзников, прибегать в случае необходимости к интригам, разжигать конфликты между друзьями и товарищами врага, лишать противника родственников или имущества посредством воровства либо других тайных предприятий, а порой выполнять обязанности шпиона. Послы могли оказать влияние на исход мирных переговоров; заключенные послами договоры подлежали последующей ратификации. Исполнение договоров обеспечивалось рядом гарантий.

Переговоры как важный дипломатический инструмент и элемент договорного права был известен авторам Законов Ману, Артахашастры и других рассмотренных документов. В Древней Индии иногда имел место принцип международного права – *pacta sunt servanda*,

были известны клаузула *rebus sic stantibus*. Большое значение в межгосударственных отношениях отводилось межгосударственным договорам, приведена их классификация.

В Древней Индии формировалось право войны, основы гуманитарного права. Законы Ману выделяли войну как одну из шести форм политики; Артхашастра – метод во внешней политике.

Таким образом, рассмотренные институты международного права Древней Индии демонстрируют эволюционное развитие, являются частью мировой истории международного права, содержат в себе его общее (посольское и договорное право, право войны, ритуальный и религиозно-обрядовый характер войны [15, с. 58], интеграционные объединения, др.) и частное (значительное влияние гуманистической философии ведизма, буддизма, индуизма, др.). История международного права Древней Индии позволяет выделить особую роль религии в древнем договорном праве.

Становление и развитие институтов международного права Древней Индии подтверждает общность истории международного права и уникальность каждого из членов международного сообщества.

Список литературы

- 1 История Востока. Т. 1. Восток в древности. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1997. – 688 с.
- 2 Толстых В.Л. Курс международного права. Учебник. – М.: Проспект, 2018. – 736 с.
- 3 Стародубцев Г.С. История международного права. Учебное пособие. – М.: Изд-во РУДН, 2006. – 208 с.
- 4 Государственно-правовая наука в Казахстане. Библиографический указатель 1930-е гг. – 1991 г. / Авт.-сост. Ш.В. Тлепина; подразделы 1,2,5 раздела II – Ш.В. Тлепина и С.Ф. Ударцев / Под ред. Д.ю.н., проф. С.Ф. Ударцева. Прил.: перечни период. изд., список сокр. – Ш.В. Тлепина. – Алматы: КазГЮУ, 2005. – 416 с.
- 5 Ударцев С.Ф. Правовая и политическая мысль Древней Индии. Учебное пособие. – Алматы: Академия экономики и права, 2005. – 120 с.
- 6 Ударцев С.Ф. История политических и правовых учений. Древний Восток: Академический курс. – СПб.: Издательский Дом С.-Петербур. гос. ун-та, Изд-во юрид. фак-та СПбГУ, 2007. – 664 с.
- 7 Законы Ману. Манавадхармашастра. АН СССР. Институт востоковедения. Памятники литературы народов Востока. [Электронный ресурс]. – URL: [Электронный ресурс]. – URL: http://www2.e-reading.club/bookreader.php/1013662/Zakony_Man.html (Дата обращения 26 декабря 2019 г.)
- 8 Законы Ману / Перевод С.Д. Эльмановича, пров. и исправл. Г.Ф. Ильиным – М.: Наука – Главная редакция восточной литературы Научно-издательский центр «Ладомир», 1992. [Электронный ресурс]. – URL: <http://netref.ru/zakoni-manu-perevod-s-d-elmanovicha-proverennij-i-ispravlenni.html> (дата обращения: 04 января 2020 г.)
- 9 Законы Ману. Манавадхармашастра. / Перевод С.Д. Эльмановича, пров. и исправл. Г.И. Ильиным. (Серия «Антология мудрости») – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. – 493 с.
- 10 Архашастра или наука политики. / Перевод с санскрита. Изд. Подготовил В.И. Кальянов. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – 798 с.
- 11 Дикшитар В.Р. Рамачандра. Война в Древней Индии. Философия, этика, стратегия, тактика. / Пер. с англ. А.Б. Давыдовой. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2012 – 351 с.
- 12 Баскин Ю.Я., Фельдман Д.И. История международного права. – М.: Международные отношения, 1990. – 205 с.

- 13 Панчатантра. / Переводчик с санскрита Сыркин А., Адалис А. – М.: Гослитиздат, 1962. – 475 с.
- 14 Буткевич О.В. У истоков международного права. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2008. – 525 с.
- 15 Тлепина Ш.В. История международного права. Учебно-методическое пособие. – Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2017. – 172 с.
- 16 Бэшем А. Цивилизация Древней Индии. / Пер. с фр. Е. Гавриловой. / Под ред. Н. Шевченко. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. (Великие цивилизации) – С. 120-121.
- 17 Тлепина Ш.В. Возникновение посольского права в Древней Греции. // Современные проблемы международной защиты прав человека: Сборник материалов IV МНПК. – Астана: «Мастер По», 2018. – 281 с.

Ш.В. Тлепина

Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Нұр-Сұлтан, Қазақстан

Ежелгі Үндістанда халықаралық құқық қалыптасуының бастауы

Аңдатпа. Бұл мақалада халықаралық құқық тарихының мәселелері қарастырылады. Үнді өркениеті, будда кезеңі, ежелгі үнді өркениетінің классикалық дәуіріндегі Ежелгі Үндістан халықаралық құқығының бастауы Үндістан халықаралық құқығының қалыптасуын түсіну үшін үлкен маңызға ие. Елші институтының қалыптасуы, оның функциялары мен жіктелуі Үндістанның елшілік, дипломатиялық құқығының, бейбіт шарттарының кейінгі дамуына белгілі бір ықпал етті. Ежелгі үнді қоғамының діни-философиялық және моральдық-саяси ескерткіштері бізге халықаралық құқық негіздерін қалыптастыру туралы түсінік береді. Тарихи-құқықтық зерттеудің ғылыми айналымында әдеттегі құқық ескерткіштерімен қатар мынадай көздер -Ригведа-самхита, Таттири-я-сам-хит, Атхарведа-самхит, Агнипуран, Ману, Артхашастр, Махабхарат заңдары пайдаланылатындығы Ежелгі Үндістанның халықаралық құқық тарихының ерекшелігі мен бірегейлігін көрсетеді.

Ежелгі Үндістанның халықаралық құқығының қайнар көздері соғыс құқығының қалыптасуы призмасы, келісім құқығы, елшілердің жіктелуі және аталған діни-философиялық және моральдық-саяси дереккөздерде танылған бейбіт шарттар арқылы қарастырылған.

Түйін сөздер: халықаралық құқық, халықаралық құқық тарихы, Ежелгі Үндістан, елші, елшілік құқық, дипломатиялық құқық, келісім-шарт, бейбіт келісім, Ведалар, Ману заңдары, Артхашастра, Махабхарата, соғыс құқығы

Sh. Tlepina

L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan

The origins of the formation of international law in Ancient India

Abstract: This article discusses the history of international law. The origins of the international law of Ancient India during the period of Indian civilization, the Buddhist period, the classical era of Ancient Indian civilization are great importance of understanding the formation of international law of India. The formation of the institution of the ambassador, its functions and classification had a certain impact on the subsequent development of ambassadorial, diplomatic law and peace treaties of India. Religious-philosophical and moral-political monuments of the ancient Indian society give us an idea of the formation of the foundations of international law. This is the peculiarity and uniqueness of the history of international law of Ancient India - in the scientific circulation of historical and legal research, along with the monuments of customary law, the sources are surely used: Rigveda-Samhita, Taittiriya-Samhita, Atharveda-Samhita, Agni Purana, Laws of Manu, Arthashastra, Mahabharata.

The origins of the international law of ancient India are examined through the prism of the formation

of the law of war; contract law, the classification of ambassadors and peace treaties recognized in these religious philosophical and moral-political sources.

Keywords: international law, history of international law, ancient India, ambassador, embassy law, diplomatic law, contract law, peace treaty, Vedas, Manu Laws, Arthashastra, Mahabharata, law of war.

References

- 1 Istorija Vostoka. Vostok v drevnosti [History Of The East. The East in ancient times] («Vostochnaja literatura», Moscow 1997) [in Russian]
2. Tolstyh V.L. Kurs mezhdunarodnogo prava [International Law Course] (Prospekt, Moscow, 2018) [in Russian]
- 3 Starodubcev G.S. Istorija mezhdunarodnogo prava [History Of The International Law] (Izd-vo RUDN, Moscow, 2006) [in Russian]
- 4 Sh.V. Tlepina, S.F. Udarccev. Gosudarstvenno-pravovaja nauka v Kazahstane. Bibliograficheskiy ukazatel' 1930-e gg. – 1991 g. [State-legal science in Kazakhstan. Bibliographic index of the 1930s-1991] (KazGJuU, Almaty, 2005) [in Russian]
- 5 Udarccev S.F. Pravovaja i politicheskaja mysl' Drevnej Indii [Legal and political thought of Ancient India] (Akademija jekonomiki i prava, Almaty, 2005) [in Russian]
- 6 Udarccev S.F. Istorija politicheskij i pravovyh uchenij. Drevnij Vostok: Akademicheskij kurs [History of legal and political teachings. Ancient East] (Izdatel'skij Dom S.-Peterb. gos. un-ta, SPb., 2007) [in Russian]
- 7 Zakony Manu. Manavadharmashastra. AN SSSR. Institut vostokovedenija. Pamjatniki literatury narodov Vostoka [Law of Manu. Manavadharmashastra.] [Electron. resource], Available at: http://www2.e-reading.club/bookreader.php/1013662/Zakony_Man.html (accessed: 26.12.2019) [in Russian]
- 8 Zakony Manu [Laws of Manu] [Electron. resource], Available at: <http://netref.ru/zakoni-manu-perevod-s-d-elemanovicha-proverennij-i-ispravleni.html> (accessed: 04.01.2020) [in Russian]
- 9 Zakony Manu. Manavadharmashastra. / Perevod S.D. Jel'manovicha, prov. i ispravl. G.I. Il'inym. [Law of Manu. Manavadharmashastra.] (JeKSMO-Press, Moscow, 2002) [in Russian]
- 10 Arhashastra ili nauka politiki. / Perevod s sanskrita. Izd. Podgotovil V.I. Kal'janov. [Arthashastra or science policy] (Izd-vo AN SSSR, Moscow, 1959) [in Russian]
- 11 Dikshitar V.R. Ramachandra. Vojna v Drevnej Indii. Filosofija, jetika, strategija, taktika [War in Ancient India. Philosophy, ethics, strategy, tactics.] (ZAO Centrpoligraf, Moscow, 2012) [in Russian]
- 12 Baskin Ju.Ja., Fel'dman D.I. Istorija mezhdunarodnogo prava [History of the International Law] (Mezhdunarodnye otnoshenija, Moscow, 1990) [in Russian]
- 13 Panchatantra / Perevodchik s sanskrita Syrkin A., Adalis A. [Panchatantra] (Goslitizdat, Moscow, 1962) [in Russian]
- 14 Butkevich O.V. U istokov mezhdunarodnogo prava [At the origins of international law] (Juridicheskij centr Press, SPb., 2008) [in Russian]
- 15 Tlepina Sh.V. Istorija mezhdunarodnogo prava [History of the International Law] (ENU L.N. Gumilyeva, Astana, 2017) [in Russian]
- 16 Bjeshem A. Civilizacija Drevnej Indii. [Civilization Of Ancient India] (U-Faktorija, Ekaterinburg, 2007) [in Russian]
- 17 Tlepina Sh.V. Vozniknovenie posol'skogo prava v Drevnej Grecii [The origin of ambassadorial law in Ancient Greece]. Sovremennye problemy mezhdunarodnoj zashhity prav cheloveka: Sbornik materialov IV mezhdunarodnoj nauchno prakticheskoj konferencii [Modern

problems of international protection of human rights: Collection of materials of the IV international scientific and practical conference]. Astana, 2018, P.281 [in Russian]

Сведения об авторе:

Тлепина Ш.В. – доктор юридических наук, заведующая кафедрой международного права, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, ул. Сатпаева 2, Нур-Султан, Казахстан.

Tlepina Sch.V. – doctor of law, professor International law department, L.N.Gumilyov Eurasian National University, Satpayev str., Nur-Sultan, Kazakhstan.

**«Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің Хабаршысы.
Құқық сериясы» журналында мақала жариялау ережесі**

1. Журнал мақсаты. Заң ғылымдары бойынша мұқият тексеруден өткен ғылыми құндылығы бар мақалалар жариялау.

2. Журналда мақала жариялаушы автор мақаланың қол қойылған бір дана қағаз нұсқасын Ғылыми басылымдар бөліміне (редакцияға, мекенжайы: 010008, Қазақстан Республикасы, Нұр-Сұлтан қаласы, Қ. Сәтпаев көшесі, 2, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті,

Бас ғимарат, 402 кабинет) және vest_law@enu.kz электрондық поштасына Word форматындағы нұсқаларын жіберу қажет. Мақала мәтінінің қағаз нұсқасы мен электронды нұсқалары бірдей болулары қажет.

Мақалалар қазақ, орыс, ағылшын тілдерінде қабылданады.

3. Автордың қолжазбаны редакцияға жіберуі мақаланың Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің хабаршысында басуға келісімін, шетел тіліне аударылып қайта басылуына келісімін білдіреді. Автор мақаланы редакцияға жіберу арқылы автор туралы мәліметтің дұрыстығына, мақала көшірілмегендігіне (плагиаттың жоқтығына) және басқа да заңсыз көшірмелердің жоқтығына кепілдеме береді.

4. Мақаланың көлемі: 8 беттен 18 бетке дейінгі көлемде қабылданады;

Мақаланың құрылымы: (А4 беттінде, кітап өлшемінде, жолдың барлық жақтауы – 20 мм. Шрифт: Times New Roman, размер (кегель) - 14);

5. ХҒТАР <http://grnti.ru/> - бірінші жолдың сол жақтауында;

Автор(лар)дың аты-жөні – жолдың ортасында;

Мекеменің толық атауы, қаласы, мемлекеті (егер авторлар әртүрлі мекемеде жұмыс жасайтын болса, онда әр автор мен оның жұмыс мекемесі қасында бірдей белгі қойылу керек) – жолдың ортасында;

Автор(лар)дың E-mail-ы – жақша ішінде, курсивпен, жолдың ортасында;

Мақала атауы – жолдың ортасында, жартылай қою кіші әріппен жазылады;

Аннотация (100-200 сөз; мақаланың атауын мейлінше қайталамауы қажет; әдебиеттерге сілтемелер болмауы қажет; мақаланың құрылысын (кіріспесі, мақаланың мақсаты, міндеттері, қарастырылып отырған сұрақтың тарихы, зерттеу әдістері, нәтижелер/талқылау, қорытынды) сақтай отырып, мақаланың қысқаша мазмұны берілуі қажет).

Түйін сөздер (6-8 сөз не сөз тіркесі)

Түйін сөздер мақала мазмұнын көрсетіп, мейлінше мақала атауы мен аннотациядағы сөздерді қайталамай, мақала мазмұнындағы сөздерді қолдану қажет. Сонымен қатар, ақпараттық-ізвестіру жүйелерінде мақаланы жеңіл табуға мүмкіндік беретін ғылым салаларының терминдерін қолдану қажет.

Негізгі мәтін мақаланың мақсаты, міндеттері, қарастырылып отырған сұрақтың тарихы, зерттеу әдістері, нәтижелер/талқылау, қорытынды бөлімдерін қамтуы қажет – жола-ралық интервал - 1, азат жол «қызыл жолдан» - 1,25см, беттеу жолағы – еніне сай жасалады.

Таблица, суреттер – аталғаннан кейін орналастырылады. Әр таблица, сурет қасында-оның аталуы болу қажет. Сурет айқын, сканерден өтпеген болуы керек.

Мақаладағы формулалар тек мәтінде оларға сілтеме берілсе ғана номерленеді.

Жалпы қолданыста бар аббревиатуралар мен қысқартулардан басқалары міндетті түрде алғаш қолданғанда түсіндірілуі берілуі қажет.

Қаржылай көмек туралы ақпарат бірінші бетте көрсетіледі.

Әдебиеттер тізімі

Мәтінде әдібиеттерге сілтемелер тікжақшаға алынады. Мәтіндегі әдебиеттер тізіміне сілтемелердің номерленуі мәтінде қолданылуына қатысты жүргізіледі: мәтінде кездескен әдебиетке алғашқы сілтеме [1] арқылы, екінші сілтеме [2] арқылы т.с.с. жүргізіледі. Кітапқа жасалатын сілтемелерде қолданылған беттері де көрсетілуі керек (мысалы, [1, 45 бет]). Жарияланбаған еңбектерге сілтемелер жасалмайды. Сонымен қатар, рецензиядан өтпейтін басылымдарға да сілтемелер жасалмайды (әдебиеттер тізімін әзірлеу үлгілерін төмендегі **мақаланы рәсімдеу үлгісінен қараңыз**).

6. Мақала соңындағы әдебиеттер тізімінен кейін библиографиялық мәліметтер орыс және ағылшын тілінде (егер мақала қазақ тілінде жазылса), қазақ және ағылшын тілінде (егер мақала орыс тілінде жазылса), орыс және қазақ тілінде (егер мақала ағылшын тілінде жазылған болса) беріледі.

Авторлар туралы мәлімет: автордың аты-жөні, ғылыми атағы, қызметі, жұмыс орны мен мекенжайы, телефон, e-mail – **қазақ, орыс, ағылшын тілдерінде толтырылады.**

7. Қолжазба мұқият тексерілген болуы қажет. Техникалық талаптарға сай келмеген қолжазбалар қайта өңдеуге қайтарылады. Қолжазбаның қайтарылуы оның журналда басылуына жіберілуін білдірмейді.

Редакцияға түскен мақала жабық (анонимді) тексеруге жіберіледі. Барлық рецензиялар авторға жіберіледі. Автор (рецензент мақаланы түзетуге ұсыныс берген жағдайда) ескертулерді күн аралығында қайта қарап, қолжазбаның түзетілген нұсқасын редакцияға қайта жіберуі керек. **Рецензент жарамсыз деп таныған мақала қайтара қарастырылмайды.** Мақаланың түзетілген нұсқасы мен автордың рецензентке жауабы редакцияға жіберіледі.

8. Төлемақы. Басылымға рұқсат етілген мақала авторларына төлем жасау туралы ескертіледі. 2019 жылға төлемақы көлемі ЕҰУ қызметкерлері үшін - 4500 теңге, басқа ұйым мен мекеме қызметкерлері үшін - 5,500 теңге.

Реквизиттер:

РГП на ПХВ «Евразийский Национальный Университет имени Л.Н. Гумилева»
БИН 010140003594

АО «Банк ЦентрКредит»
БИК банка: KСJBKZKX
ИИК: KZ978562203105747338 (KZT)
Кнп 859
Кбе 16

АО «Bank RBK»
Бик банка: KINCKZKA
ИИК: KZ498210439858161073 (KZT)

АО «ForteBank»
БИК Банка: IRTYKZKA
ИИК: KZ599650000040502847

АО «НародныйБанкКазахстан»
БИК Банка: HSBKKZKX
ИИК: KZ946010111000382181

Положение о рукописях, представляемых в журнал «Вестник Евразийского национального университета имени Л.Н.Гумилева. Серия: Право»

- 1. Цель журнала.** Публикация тщательно отобранных оригинальных научных работ по юридическому направлению.
- 2.** Автору, желающему опубликовать статью в журнале, необходимо представить рукопись в твердой копии (распечатанном варианте) в одном экземпляре, подписанном автором в Отдел научных изданий (по адресу: 010008, Казахстан, г. Нур-Султан, ул. Сатпаева, 2, Евразийский национальный университет им. Л.Н.Гумилева, Учебно-административный корпус, каб. 402) и по e-mail vest_law@enu.kz. При этом должно быть строго выдержано соответствие между Word-файлом и твердой копией.

Язык публикаций: казахский, русский, английский.

- 3.** Отправление статей в редакцию означает согласие авторов на право Издателя, Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева, издания статей в журнале и переиздания их на любом иностранном языке. Представляя текст работы для публикации в журнале, автор гарантирует правильность всех сведений о себе, отсутствие плагиата и других форм неправомерного заимствования в рукописи, надлежащее оформление всех заимствований текста, таблиц, схем, иллюстраций.
- 4.** Объем статьи не должен превышать 18 страниц (от 8 страниц).
- 5. Схема построения статьи** (страница – А4, книжная ориентация, поля со всех сторон – 20 мм. Шрифт: тип – Times New Roman, размер (кегель) - 14):

МРНТИ <http://grnti.ru/> - первая строка, слева

Инициалы и Фамилию автора(ов)- выравнивание по центру, курсив

Полное наименование организации, город, страна (если авторы работают в разных организациях, необходимо поставить одинаковый значок около фамилии автора и соответствующей организации)

E-mail автора(ов) – в скобках курсив

Название статьи – выравнивание по центру полужирным шрифтом

Аннотация (100-200 слов; не должна содержать формулы, по содержанию повторять название статьи; не должна содержать библиографические ссылки; должна отражать краткое содержание статьи, сохраняя структуру статьи – введение, постановка задачи, цели, история, методы исследования, результаты/обсуждение, заключение/выводы).

Ключевые слова (6-8 слов/словосочетаний).

Ключевые слова должны отражать основное содержание статьи, должны использоваться термины из текста статьи, а также термины, определяющие предметную область и включающие другие важные понятия, позволяющие облегчить и расширить возможности нахождения статьи средствами информационно-поисковой системы).

Основной текст статьи должен содержать введение, постановку задачи, цели, история, методы исследования, результаты/обсуждение, заключение/выводы.

Межстрочный интервал – 1, отступ «красной строки» -1,25 см, выравнивание по ширине.

Таблицы, рисунки необходимо располагать после упоминания. Каждой иллюстрации должна следовать надпись. Рисунки должны быть четкими, чистыми, несканированными. В статье нумеруются лишь те формулы, на которые по тексту есть ссылки.

Все аббревиатуры и сокращения, за исключением заведомо общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте.

Сведения о финансовой поддержке работы указываются на первой странице в виде сноски.

Список литературы

В тексте ссылки обозначаются в квадратных скобках. Ссылки должны быть пронумерованы строго по порядку упоминания в тексте. Первая ссылка в тексте на литературу должна иметь номер [1], вторая - [2] и т.д. Ссылка на книгу в основном тексте статьи должна сопровождаться указанием использованных страниц (например, [1, 45 стр.]). Ссылки на неопубликованные работы не допускаются. Нежелательны ссылки на нерецензируемые издания (примеры описания списка литературы, описания списка литературы на английском языке см. ниже в образце оформления статьи).

В конце статьи, после списка литературы, необходимо указать библиографические данные на русском и английском языках (если статья оформлена на казахском языке), на казахском и английском языках (если статья оформлена на русском языке) и на русском и казахском языках (если статья оформлена на английском языке).

Сведения об авторах: фамилия, имя, отчество, научная степень, должность, место работы, полный служебный адрес, телефон, e-mail – на казахском, русском и английском языках.

6. Рукопись должна быть тщательно выверена. Рукописи, не соответствующие техническим требованиям, будут возвращены на доработку. Возвращение на доработку не означает, что рукопись принята к опубликованию.

7. Работа с электронной корректурой. Статьи, поступившие в Отдел научных изданий (редакция), отправляются на анонимное рецензирование. Все рецензии по статье отправляются автору. Авторам в течение трех дней необходимо отправить корректуру статьи. Статьи, получившие отрицательную рецензию, к повторному рассмотрению не принимаются. Исправленные варианты статей и ответ автора рецензенту присылаются в редакцию. Статьи, имеющие положительные рецензии, представляются редколлегии журнала для обсуждения и утверждения для публикации.

Периодичность журнала: 4 раза в год.

8. Оплата. Авторам, получившим положительное заключение к опубликованию, необходимо произвести оплату по следующим реквизитам (для сотрудников ЕНУ – 4500 тенге, для сторонних организаций – 5500 тенге):

Реквизиты:

**РГП на ПХВ «Евразийский Национальный Университет имени Л.Н. Гумилева»
БИН 010140003594**

АО «Банк ЦентрКредит»

БИК банка: KСJBKZKX

ИИК: KZ978562203105747338 (KZT)

Кнп 859

Кбе 16

АО «Bank RBK»

Бик банка: KINCKZKA

ИИК: KZ498210439858161073 (KZT)

АО «ForteBank»

БИК Банка: IRTYKZKA

ИИК: KZ59965000040502847

АО «НародныйБанкКазахстан»

БИК Банка: HSBKKZKX

ИИК: KZ946010111000382181

**Provision on articles submitted to the journal
“Bulletin of L.N. Gumilyov Eurasian National University. Law Series”**

1. Purpose of the journal. Publication of carefully selected original scientific works in the fields of Juridical sciences.

2. An author who wishes to publish an article in a journal must submit the article in hard copy (printed version) in one copy, signed by the author to the scientific publication office (at the address: 010008, Republic of Kazakhstan, Nur-Sultan, Satpayev St., 2. L.N. Gumilyov Eurasian National University, Main Building, room 402) and by e-mail vest_law@enu.kz in Word format. At the same time, the correspondence between Word-version and the hard copy must be strictly maintained.

Language of publications: Kazakh, Russian, English.

3. Submission of articles to the scientific publication office means the authors' consent to the right of the Publisher, L.N. Gumilyov Eurasian National University, to publish articles in the journal and the re-publication of it in any foreign language. Submitting the text of the work for publication in the journal, the author guarantees the correctness of all information about himself, the lack of plagiarism and other forms of improper borrowing in the article, the proper formulation of all borrowings of text, tables, diagrams, illustrations.

3. The volume of the article should not exceed 18 pages (from 8 pages).

4. Structure of the article (page – A4 format, portrait orientation, page margins on all sides - 20 mm. Font: type - Times New Roman, font size - 14)

IRSTI <http://grnti.ru/> - first line, left

Initials and Surname of the author (s) - center alignment, italics

Full name of the organization, city, country (if the authors work in different organizations, you need to put the same icon next to the name of the author and the corresponding organization) - center alignment, italics

Author's e-mail (s) - in brackets, italics

Article title - center alignment, bold

Abstract (100-200 words, it should not contain a formula, the article title should not repeat in the content, it should not contain bibliographic references, it should reflect the summary of the article, preserving the structure of the article - introduction, problem statement, goals, history, research methods, results /discussion, conclusion).

Key words (6-8 words/word combination. Keywords should reflect the main content of the article, use terms from the article, as well as terms that define the subject area and include other important concepts that make it easier and more convenient to find the article using the information retrieval system).

The main text of the article should contain an introduction, problem statement, goals, history, research methods, results / discussion, conclusion - line spacing - 1, indent of the “red line”-1.25 cm, alignment in width.

Tables, figures should be placed after the mention. Each illustration should be followed by an inscription. Figures should be clear, clean, not scanned.

In the article, only those *formulas* are numbered, to which the text has references.

All *abbreviations*, with the exception of those known to be generally known, must be deciphered when first used in the text.

Information on *the financial support* of the article is indicated on the first page in the form of a footnote.

References

In the text references are indicated in square brackets. References should be numbered strictly in the order of the mention in the text. The first reference in the text to the literature should have the number [1], the second - [2], etc. The reference to the book in the main text of the article should be accompanied by an indication of the pages used (for example, [1, 45 p.]). References to unpublished works are not allowed. Unreasonable references to unreviewed publications (examples of the description of the list of literature, descriptions of the list of literature in English, see below in the sample of article design).

At the end of the article, after the list of references, it is necessary to indicate bibliographic data in Russian and English (if the article is in Kazakh), in Kazakh and English (if the article is in Russian) and in Russian and Kazakh languages (if the article is English language).

Information about authors: surname, name, patronymic, scientific degree, position, place of work, full work address, telephone, e-mail - in Kazakh, Russian and English.

6. The article must be carefully verified. Articles that do not meet technical requirements will be returned for revision. Returning for revision does not mean that the article has been accepted for publication.

7. Work with electronic proofreading. Articles received by the Department of Scientific Publications (editorial office) are sent to anonymous review. All reviews of the article are sent to the

author. The authors must send the proof of the article within three days. Articles that receive a negative review for a second review are not accepted. Corrected versions of articles and the author's response to the reviewer are sent to the editorial office. Articles that have positive reviews are submitted to the editorial boards of the journal for discussion and approval for publication.

Periodicity of the journal: 4 times a year.

8. Payment. Authors who have received a positive conclusion for publication should make payment on the following requisites (for ENU employees - 4,500 tenge, for outside organizations - 5,500 tenge):

Requisites:

RSE on PVC «Eurasian National University named after L.N. Gumileva»

BIN 010140003594

АО “Банк ЦентрКредит”

БИК банка: КСЖВКЗКХ

ИИК: KZ978562203105747338 (KZT)

Кнп 859

Кбе 16

АО “Bank RBK”

Бик банка: KINCKZKA

ИИК: KZ498210439858161073 (KZT)

АО “ForteBank”

БИК Банка: IRTYKZKA

ИИК: KZ599650000040502847

АО «НародныйБанкКазахстан»

БИК Банка: HSBKKZKX

ИИК: KZ946010111000382181

Мақаланы рәсімдеу үлгісі
Образец оформления статьи
Template

МРНТИ 10.27.23 (IRSTI 10.27.23), (ХФТАР 10.27.23)

С.Б. Жаркенова¹, Т.А. Филиппова²

¹*Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Нур-Султан, Казахстан*

²*Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия*

(E-mail: ¹zharkenova_sb@enu.kz, ²philippova@law.asu.ru)

**Совершенствование сферы государственной регистрации прав
на недвижимое имущество**

Аннотация. На основе сравнительного анализа правовых актов о государственной регистрации прав на недвижимое имущество двух стран, Республики Казахстан и Российской Федерации, была предпринята попытка выявить проблемные аспекты казахстанского законодательства. Во введении к статье раскрыто значение недвижимости в гражданском обороте, обоснована потребность в обязательной государственной регистрации прав на недвижимое имущество [100-200 слов].

Ключевые слова: Гражданское законодательство, объекты гражданских прав, недвижимость, государственная регистрация, момент возникновения права собственности у приобретателя, процедура регистрации, сроки и формы обращения [5-7 слов / словосочетаний].

Основной текст статьи

Основной текст статьи должен содержать введение, постановку задачи, цели, историю, методы исследования, результаты/обсуждение, заключение/выводы – межстрочный интервал - 1, отступ «красной строки» - 1,25 см., выравнивание – по ширине.

Список литературы

- 1 Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П.А. Лупинская. - 2-е изд., перераб. и доп. - Москва: Норма, 2009. - 1072 с. - учебник
- 2 Барабанов П.К. Уголовный процесс в Великобритании. / П.К. Барабанов - Москва: Издательство «Спутник +», 2015. – 702 с. . – книга
- 3 Уголовно-процессуальное право. [Электронный ресурс] - URL: https://www.icrc.org/ru/doc/assets/files/other/05_irrc_857_zayas_rus.pdf. (Дата обращения: 12.01.2019) - **интернет источник**
- 4 О науке: закон Республики Казахстан от 18 февраля 2011 года № 407-IV (с изменениями и дополнениями по состоянию на 10.04.2019 г.) [Электронный ресурс] – URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30938581 (Дата обращения: 15.05.2019). – нормативный акт, **электронный ресурс**
- 5 Walker C.J. Inside Agency Statutory Interpretation // Stanford Law Review. - 2015. – Т. 67. - № 5. - С. 999-1079. – **статья**

С.Б. Жаркенова¹, Т.А. Филиппова²

¹*Л.Н. Гумилев ат. Еуразия ұлттық университеті, Нұр-Сұлтан, Қазақстан*

²*Алтай мемлекеттік университеті, Барнаул, Ресей*

Жылжымайтын мүлікке құқықтарды мемлекеттік тіркеу саласын жетілдіру

Андатпа. Екі мемлекеттің - Қазақстан Республикасы мен Ресей Федерациясының жылжымайтын мүлікке құқықтарды мемлекеттік тіркеу туралы құқықтық актілерін салыстыру негізінде қазақстандық заңнаманың өзекті мәселелерін анықтау бойынша әрекет жасалды. Мақалаға кіріспеде жылжымайтын мүліктің азаматтық айналымда маңызы анықталып, жылжымайтын мүлікке құқықтарды мемлекеттік тіркеудің қажеттілігі негізделді [100-200 сөз].

Түйін сөздер: Азаматтық заңнама, азаматтық құқықтардың объектілері, жылжымайтын мүлік, мемлекеттік тіркеу, мүлік алушының меншік құқығы пайда болатын кез, тіркеу процедурасы, өтінішпен жүгіну мерзімдері мен нысандары [5-7 сөз / сөз тіркесі].

S.B. Zharkenova¹, T.A. Filippova²

¹*L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan*

²*Altai State University, Barnaul, Russia*

Improvement of the sphere of state registration rights to real estate

Abstract. Based on a comparative analysis of legal acts on state registration of rights to immovable property of two countries, the Republic of Kazakhstan and the Russian Federation, an attempt to identify problematic aspects of Kazakhstan's legislation was made. In the introduction of the article, the value of real estate in public circulation is disclosed, the need for mandatory state registration of rights to real estate is substantiated [100-200 words].

Key words: Civil law, civil rights objects, real estate, state registration, the moment of occurrence of the right of ownership of the acquirer, registration procedure, terms and forms of appeal [5-7 keywords].

References

- 1 Ugolovno-processual'noe pravo Rossijskoj Federacii: uchebnik / otv. red. P.A. Lupinskaja. – 2-e izd., pererab. i dop. [Criminal Procedure Law of the Russian Federation: textbook / resp. ed. P.A. Lupinskaya. - 2nd ed., Pererab. and add.]. (Norma, Moscow, 2009, 1072 p.). [in Russian]
- 2 Barabanov P.K. Ugolovnyj process v Velikobritanii [Criminal procedure in the UK]. (Izdatel'stvo «Sputnik +», Moscow, 2015, 702 p.). [in Russian].
- 3 Ugolovno-protsessual'noye pravo [Criminal Procedure Law]. [Electronic resource]. Available at: https://www.icrc.org/ru/doc/assets/files/other/05_irrc_857_zayas_rus.pdf (Accessed 12.01.2019) [in Russian]
- 4 O nauke: zakon Respubliki Kazahstan ot 18 fevralja 2011 goda № 407-IV (s izmenenijami i dopolnenijami po sostojaniju na 10.04.2019 g.) [On Science: Law of the Republic of Kazakhstan dated February 18, 2011 No. 407-IV (with changes and additions as of April 10, 2019)]. [Electronic resource]. Available at: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30938581 (Accessed: 15.05.2019). [in Russian]
- 5 Walker C.J. Inside Agency Statutory Interpretation, Stanford Law Review, 67(5), 999-1079(2015). [in English]

Авторлар туралы мәлімет:

Жаркенова С.Б. – Заң ғылымдарының кандидаты, профессор м.а., азаматтық және экологиялық құқық кафедрасының профессоры, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Қ.Сәтбаев көш. 2, Астана, Қазақстан.

Филиппова Т.А. – Заң ғылымдарының кандидаты, профессор м.а., азаматтық құқық кафедрасының меңгерушісі, Алтай мемлекеттік университеті, Социалистический пр., 68, Барнаул, Ресей.

Zharkenova S.B. – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Civil and Environmental Law, L.N.Gumilyov Eurasian National University, K.Satpayev str., 2, Nur-Sultan, Kazakhstan.

Filippova T.A. – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Civil Law, Altai State University, Sotsialisticheskij avenue, 68, Barnaul, Russia.

Жаркенова С.Б. - кандидат юридических наук, и.о.профессора кафедры гражданского и экологического права; Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, ул. К. Сатпаева 2, Нур-Султан, Казахстан.

Филиппова Т.А. - кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права, Алтайский государственный университет, пр. Социалистическая, 68, Барнаул, Россия.

Бас редактор: **Ж.И.Ибрагимов**

Шығарушы редактор: **Қ.Ж. Жұмабекова**

Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің
ХАБАРШЫСЫ. Құқық сериясы.
- 2019. - 4 (129). - Нұр-Сұлтан: ЕҰУ. 169 б.
Шартты б.т. - 9.3 Таралымы - 20 дана

Мәтін мазмұнына типография жауап бермейді.

Редакция мекенжайы: 010008, Қазақстан Республикасы,
Нұр-Сұлтан қаласы, Қ. Сәтбаев көшесі, 2.
Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті
Тел.: +7(7172) 709-500 (ішкі 31-457)

Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің
баспасында басылды